
ОГОНЁК
№ 47 НОЯБРЬ 1966
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

БИОГРАФИЯ ЭТОЙ МИНУТЫ

«ТИК-ТАК, ТИК-ТАК». ЧАСЫ ОТСЧИТЫВАЮТ СЕКУНДЫ. ДЕВЯТЬ ЧАСОВ ВЕЧЕРА...

Н. И. ПОДВОЙСКИЙ ВОШЕЛ В АРКУ ГЛАВНОГО ШТАБА. ЕМУ ПОРУЧИЛИ РУКОВОДИТЬ ШТУРМОМ ЗИМНЕГО. НА ДВОРЦОВОЙ ПЛОЩАДИ ХЛОПАЛИ ВЫСТРЕЛЫ. ГРОХНУЛО НЕСКОЛЬКО ОРУДИЙНЫХ ЗАЛПОВ. НИКОЛАЙ ИЛЬИЧ ПОСМОТРЕЛ НА ЧАСЫ, НА ТЕ САМЫЕ ЧАСЫ, КОТОРЫЕ НА НАШЕМ СНИМКЕ. БЫЛО 21 ЧАС 40 МИНУТ. СТРЕЛЯЛИ ОРУДИЯ ПЕТРОПАВЛОВСКОЙ КРЕПОСТИ И «АВРОРЫ». СИГНАЛ АТАКИ. ПОДВОЙСКИЙ НА ВСЮ ЖИЗНЬ ЗАПОМНИЛ ЭТИ МИНУТЫ И РАССКАЗЫВАЛ О НИХ ТАК: «ЭТО БЫЛ ГЕРОИЧЕСКИЙ МОМЕНТ РЕВОЛЮЦИИ, ПРЕКРАСНЫЙ, НЕЗАБЫВАЕМЫЙ. ВО ТЬМЕ НОЧНОЙ, ОЗАРЕННЫЕ БЛЕДНЫМ, ЗАТУМАНЕННЫМ ДЫМОМ, СВЕТОМ И КРОВАВЫМИ, МЕЧУЩИМИСЯ МОЛНИЯМИ ВЫСТРЕЛОВ СО ВСЕХ ПРИЛЕГАЮЩИХ УЛИЦ И ИЗ-ЗА БЛИЖАЙШИХ УГЛОВ... НЕСЛИСЬ ЦЕПИ КРАСНОГВАРДЕЙЦЕВ, МАТРОСОВ, СОЛДАТ, СПОТЫКАЯСЬ, ПАДАЯ И СНОВА ПОДНИМАЯСЬ, НО НИ НА СЕКУНДУ НЕ ПРЕРЫВАЯ СВОЕГО СТРЕМИТЕЛЬНОГО УРАГАНОПОДОБНОГО ПОТОКА...»

«ТИК-ТАК, ТИК-ТАК»... ЧАСЫ ОТСЧИТЫВАЮТ СЕКУНДЫ. У ТЕХ СЕКУНД ЕСТЬ СВОЯ БИОГРАФИЯ, СЛОЖЕННАЯ ИЗ СУДЕБ ТЫСЯЧ РЕВОЛЮЦИОНЕРОВ. ОНА ГРОМАДНАЯ, НЕЗАБЫВАЕМАЯ И БЕССМЕРТНАЯ, БИОГРАФИЯ ЭТОЙ МИНУТЫ.

К. ЧЕРЕВКОВ

Передо мной высокая стопа, несколько сот машинописных страниц еще не вышедшей книги «Герои Октября». Большой авторский коллектив Института истории партии Ленинградского обкома КПСС и ученые вузов рассказывают в ней о тех, кто готовил Октябрьское вооруженное восстание в Петрограде и участвовал в нем.

Листаю одну страницу за другой. Имена рабочих, солдат, матросов, красногвардейцев. Записываю адреса. Иду по следам рукописи — в музеи, архивы, квартиры.

ПАВЛОВЫ

...Поезд шел из Петербурга в Москву. Молодой революционер Дмитрий Павлов торопился на помощь московским рабочим, сражавшимся на баррикадах Пресни. По заданию ЦК и Петербургского комитета он вез материал для... бомб. С опасным и тяжелым грузом Дмитрий добрался до Воздвиженки, на московскую квартиру А. М. Горького. Алексей Максимович вспоминал: «Он привез из Петербурга большую коробку капсюлей гремучей ртути и пятнадцать аршин бикфордова шнура, обмотав его вокруг груди. От пота шнур разбух или слишком туго был обмотан вокруг ребер, но, войдя в комнату ко мне, Митя свалился на пол, лицо его посинело, глаза выкатились, как это бывает у людей, умирающих от асфиксии.

— Вы с ума сошли, Митя? Ведь вы могли дорогой упасть в обморок — понимаете, что тогда было бы с вами?

Задыхаясь, он ответил виновато:

— Пропал бы шнур и капсюли тоже».

В жизни Дмитрия Павлова было много и трудных и радостных минут испытаний на стойкость и мужество. Это он, член Нижегородского комитета РСДРП(б), вместе со своим товарищем по заводу Петром Заломовым шел под красным знаменем впереди знаменитой сормовской демонстрации.

Помощником его и коллегой по профессии революционера была жена Павлова — Мария Георгиевна, дочь питерского кузнеца Егора Климанова.

Мария Георгиевна живет сейчас на Кузнецовской улице, в высоком красивом доме, обращенном фасадом к Парку Победы. Ей семьдесят девять лет, а партийный стаж — шестьдесят. За участие в Октябрьской революции Павлова награждена орденом Трудового Красного Знамени.

Дверь открыла седая, бодрая женщина, повела меня в просторную комнату.

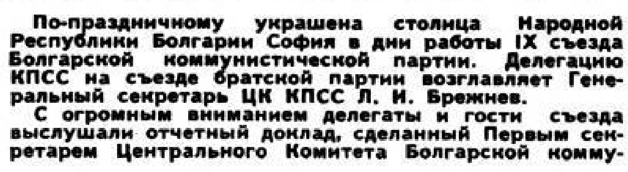
— Давайте условимся,— сказала она.— Обо мне не писать. О Дмитрии Александровиче многое вы можете узнать в фондах Музея Великой Октябрьской социалистической революции.

Павловых в свое время хорошо знали подпольщики. В их квартире на Выборгской стороне нелегально собирались члены Русского бюро ЦК РСДРП(б).

П. Соколов-Скаля. «ШТУРМ ЗИМНЕГО ДВОРЦА». Фрагмент.

По-праздничному украшена столица Народной Республики Болгарии София в дни работы IX съезда Болгарской коммунистической партии. Делегацию КПСС на съезде братской партии возглавляет Генеральный секретарь ЦК КПСС Л. И. Брежнев.

С огромным вниманием делегаты и гости съезда выслушали отчетный доклад, сделанный Первым секретарем Центрального Комитета Болгарской коммунистической партии Тодором Живковым. В своем докладе товарищ Живков отметил большие успехи, достигнутые народной Болгарией в строительстве нового общества. С трибуны съезда Тодор Живков выразил благодарность Советскому Союзу за всестороннюю помощь народу Болгарии.

На снимке: с отчетным докладом выступает Первый секретарь ЦК БКП Тодор Живков.

Фото БТА — ТАСС.

БИОГРАФИЯ ЭТОЙ МИНУТЫ

В тайниках прятали текущий архив и печать бюро. Во время Февральской революции здесь хранилось оружие. Перед Октябрьским штурмом Владимир Ильич Ленин встретился у Павловых с членами Военно-революционного комитета.

Павлов сопровождал Н. Подвойского, когда тот шел к Ленину с отчетом о подготовке к вооруженному восстанию. Н. И. Подвойский вспоминал позже:

«Ночь. Меня сопровождает коренной питерский рабочий товарищ Павлов. Вот Троицкий мост... Входим в ворота, меня охватывает естественное волнение... Осматриваемся. Стучим, как условлено... Перед нами незнакомый человек. Владимир Ильич был так загримирован, что я узнал его только по голосу».

...Недавно в особняк Петроградской стороны, где размещен музей, из Москвы привезли золотые карманные часы. В дар музею их передала семья Подвойского. По этим часам он сверял время в историческую ночь штурма Зимнего.

Павловы не раз встречались, разговаривали с Ильичем.

«Осенью восемнадцатого года,— писал А. М. Горький,— я спросил сормовского рабочего Дмитрия Павлова, какова, на его взгляд, самая резкая черта Ленина.

— Простота. Прост, как правда.

Сказал он это, как хорошо продуманное, давно решенное».

...Прошли годы. Д. Павлов — председатель Елецкого укома партии. Внимательно слушают его люди, вместе с ним строящие новую жизнь.

— Я сам рабочий, многие годы проработавший на заводах. И вот дожил до счастливого момента, когда власть уже в наших руках — в руках рабочих и крестьян. Мы эту власть не отдадим никому!

Эту власть он отстаивал от врагов до последнего дыхания. Военком третьей бригады 14-й стрелковой дивизии Дмитрий Александрович Павлов умер в двадцатом году в станице Раздорской.

ПОВОРОТНАЯ НЕДЕЛЯ

«...Дорогая Таня! Пишу тебе в исключительный момент и поэтому и на особой бумаге. Пусть это письмо останется у тебя как исторический документ. Сейчас в городе тревожно. Всю ночь буду сидеть в Петроградском исполнительном комитете — дежурить. Ходят всевозможные слухи. Телефон наш разъединен по постановлению Керенского. С трудом уговорила ехать домой свою больную подругу, которая тоже хотела остаться со мной на сегодняшнее дежурство, и теперь тревожусь за нее, т. к. мосты разведены, около них, по слухам, стоят караулы, может быть каждую минуту острый конфликт, и я не знаю, удастся ли ей благополучно добраться домой. В соседней комнате караул, внизу фракционное собрание, где дебаты обострились до крайности. Ждут с напряжением, состоится ли сегодня заседание Петроградского Совета. Завтра съезд Советов. Ждать больше стало невозможно, немыслимо... Сейчас в городе тревожно. Улицы не освещены. Темно. А в Смольном всю ночь будут дежурства, и я среди этих дежурных... На крыше стоят пулеметы, и против Совета если пойдут, то пойдут не с голыми руками. Но у меня уверенность, что все кончится благополучно, и мы проживем не только эту поворотную неделю, но и многие другие и выйдем наконец на свет...»

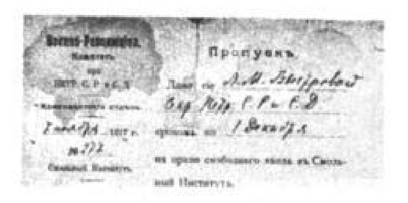
Это письмо старой большевички Людмилы Модестовны Быстровой. Оно написано сорок девять лет назад в Смольном, долгое время хранилось в семейном архиве родственников Быстровой, а сейчас экспонируется в музее. В нескольких альбомах родственники Людмилы Модестовны аккуратно собрали фотографии, документы, письма, дневники. По ним можно проследить кипучую жизнь революционерки.

Дочь учителя и сама учительница — Людмила Модестовна вместе с революционно настроенными педагогами еще в девятьсот четвертом году организовала в глухом вологодском селе Жернокове воскресную школу. В этой школе крестьяне впервые услышали правду о первой русской революции. Быстрова была в гуще Октябрьских событий 1917-го. Пропуск для входа в любое время в штаб революции Быстровой выдал лично Феликс Эдмундович Дзержинский.

«БЫЛО ТАКОЕ, ПОМНЮ...»

На Васильевском острове, где живут Быстровы, у меня еще одна встреча — с солдатом революции С. Л. Лызловым.

...«Правда» и «Солдатская Правда» закрыты. Полиграфическая база разгромлена юнкерами. Большевики оказались без печатного органа. Все попытки наладить выпуск «Правды» оказались тщетными. И когда, казалось, все рухнуло, в типографии акционерного общества «Народ и Труд» вышел первый номер газеты «Рабочий и Солдат», в рождении которого немалую роль сыграл беспартийный корректор, исполнявший обязанности заместителя управляющего типографией С. Л. Лызлов. Спокойный, уравновешенный, он после недолгих колебаний согласился наладить печатание газеты.

Пропускъ

Пропуск Л. М. Быстровой в Смольный, подписанный Ф. Э. Дзержинским.

Когда Я. М. Свердлов доставил первый номер «Рабочего и Солдата» скрывавшемуся в подполье Ленину, Владимир Ильич очень обрадовался, видя в выпуске газеты первую крупную победу над силами реакции.

Газета быстро приобрела популярность. В ней печатались статьи Ленина, она разоблачала контрреволюцию, информировала рабочих и солдат о жизни партии. Однако вскоре вновь нагрянула беда. Ночью, когда печатался очередной, шестнадцатый номер, в типографию

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

№ 47 (2056)

44-й год издания

20 НОЯБРЯ 1966

В столицу Австрии Вену по приглашению Федерального президента Австрийской Республики Франца Ионаса прибыл с официальным визитом Председатель Президиума Верховного Совета СССР Н. В. Подгорный. На аэродроме в Швехате Н. В. Подгорного встречали австрийские государственные деятели во главе с Федеральным президентом Австрии Ф. Ионасом.

Фото В. Кошевого (ТАСС).

В советскую столицу с официальным визитом прибыла правительственная делегация Финляндии. Ее возглавляет Премьер-Министр Рафаэль Паасио. Советский народ уверен, что визит будет способствовать дальнейшему укреплению дружественных, добрососедских отношений между нашими странами. На снимке: Премьер-Министр Рафаэль Паасио и Председатель Совета Министров СССР А. Н. Косыгин обходят строй почетного караула на Ленинградском вокзале Москвы.

Фото А. Устинова.

ворвались погромщики. Разбили стереотипы, рассыпали набор, изъяли матрицы, конфисковали отпечатанные номера, выставили вооруженный караул. Лызлов в этот час был дома. Чиновник особых поручений позвонил ему и потребовал немедленно приехать в типографию.

— Не могу. Больна жена.

Через несколько минут стук в дверь.

— Лызлов! Документы!.. Распишитесь в протоколе, что больше не будете печатать «Рабочий и Солдат».

Получив таким образом расписку, чиновник с улыбочкой добавил:

— Если повторите подобное, всех вместе с машинами взорвем.

Реакция торжествовала. Большевики опять без газеты. Через несколько дней в типографию к Лызлову приехал Подвойский.

— Надо наладить печатание газеты. Заголовок изменим, назовем просто — «Солдат».

Лызлов задумался. Трудно, очень трудно будет уговорить управляющего. Не согласится.

— Попробуйте. Посулите мзду.

Лызлов приложил все силы, чтобы уломать трусливого, но падкого на деньги управляющего. Тот согласился.

— Октябрьским вечером прихожу как-то на дежурство,— рассказывает мне Лызлов.— В типографии переполох. У конторки толпятся вооруженные люди. Несколько солдат тащат что-то тяжелое, завернутое в черное.

— Как это понять? — спрашиваю.

— Очень просто. С сегодняшнего дня никто вас не закроет. Можете нашу газету спокойно, без страха печатать,— ответил солдат, стаскивая черный чехол с пулемета.

И верно, никто не закрыл. Не посмели! В ту октябрьскую ночь «Солдат» был отпечатан тройным тиражом.

С той поры минуло сорок девять лет. Лызлов никому никогда о себе не напоминал, не говорил, как помогал большевикам издавать газету. И лишь недавно историк Иван Сергеевич Сазонов, готовя очерки о героях Октября, нашел в архивах документы, подтверждающие сотрудничество Лызлова с большевиками. Когда об этом стало известно Лызлову, он спокойно сказал:

— Было такое, помню.

ИСТОРИЧЕСКИЙ КОНВОЙ

Алексей Антонович Дорогов, председатель судового комитета, матрос минного заградителя «Амур», стал свидетелем исторического события, когда Антонов-Овсеенко объявил в Зимнем дворце членам Временного правительства:

— ...Вы арестованы! Я представитель Военно-революционного комитета.

Алексей Дорогов стоял тогда рядом с ним. Дорогов очень хорошо знал Антонова-Овсеенко. Он был вместе с ним в Петропавловской крепости, где находился штаб штурма Зимнего.

...Шел первый час революции. Члены Временного правительства заявили, что они сдаются во избежание кровопролития. Эти слова вызвали бурю возмущения.

— Тише! К порядку, товарищи! Здесь распоряжается Военно-революционный комитет! — крикнул Антонов-Овсеенко и уже спокойно добавил: — Я должен составить протокол. Но прежде чем приступить к этому, прошу сдать оружие.

Формальности окончены. Можно отправлять господ в крепость. Но на чем? Машин нет. Придется пешком. Сжимая в руке револьвер, перепрыгивая через какие-то поленья, сложенные во дворе дворца, Дорогов ведет под конвоем вчерашних министров, беспокоится, как бы в темноте не растерять их, а то и удрать могут.

Тут еще одна неприятность: на Троицком мосту попали под пулеметный огонь. Антонов-Овсеенко кричит:

— Черти, по ком бьете, свои!

Стрельба стихает. Арестованных ведут дальше. Гарнизонный клуб. Снова проверка: всех ли доставили в Петропавловскую крепость?

Протокол подписан. Закончилась конвоирская миссия Дорогова. Только сейчас он почувствовал, как сильно устал. Но разве станешь отдыхать, когда кругом все кипит! И вместе с комиссаром крепости Г. И. Благонравовым Дорогов едет в Смольный.

...Недавно я получил письмо от Алексея Антоновича Дорогова из Подмосковья. Мне стало известно и то, о чем из скромности он мне не рассказал. Балтийский матрос с оружием в руках отстаивал Советскую власть, изгонял английских интервентов из Архангельска, боролся с кулачьем в деревне. А когда фашисты наседали на столицу, Дорогов добровольно вступил в ряды народных ополченцев.

* * *

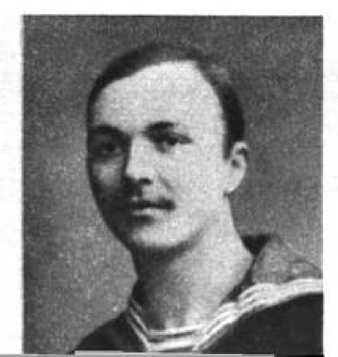
Сколько было героев Октябрьского вооруженного восстания в Петрограде? В дни решающей схватки партия располагала не менее чем тремястами тысячами готовых к бою революционных войск. Одна только Красная гвардия в самый разгар штурма выросла в сорокатысячную армию. Революцию творила масса. В книге, которая издается к полувековому юбилею Советской власти, названа тысяча наиболее активных организаторов и бойцов Октября.

Председатель Военно-революционного комитета Николай Ильич Подвойский.

Коммунистка с 1906 года Людмила Модестовна Быстрова.

Председатель судового комитета, матрос минного заградителя «Амур» Алексей Антонович Дорогов.

Рабочий революционер Дмитрий Александрович Павлов.

Комиссар «Авроры» А. В. Белышев (справа) и С. Л. Лызлов. Год 1966-й.

Фото В. Целика.

НИКОЛАЙ ГРИГОРЬЕВИЧ

ИГНАТОВ

Умер Николай Григорьевич Игнатов — видный партийный и государственный деятель, член ЦК КПСС, заместитель Председателя Президиума Верховного Совета СССР, Председатель Президиума Верховного Совета РСФСР, Герой Социалистического Труда. Всю свою жизнь Николай Григорьевич отдал делу служения народу. Сын рабочего, он с 13 лет стал плотником. В 1917 году Н. Г. Игнатов добровольно вступил в ряды Красной Гвардии. Участвовал в борьбе с басмачами в Средней Азии, работал в органах ВЧК—ОГПУ.

Длительное время находился на партийной работе. В годы Великой Отечественной войны Н. Г. Игнатов принимает активное участие в руководстве партизанским движением на Орловщине. В 1952 и в 1957 годах Н. Г. Игнатов избирался кандидатом в члены Президиума, членом Президиума ЦК КПСС, секретарем ЦК КПСС.

В 1960 году Н. Г. Игнатов назначается заместителем Председателя Совета Министров СССР, а в 1962 году избран Председателем Президиума Верховного Совета РСФСР.

На всех участках, куда посылала его партия, Николай Григорьевич трудился с полной отдачей сил и энергии.

Память о нем навсегда останется в сердцах нашего народа.

Трудовая летопись юбилейного года

125 СУТОК БЕЗ ЗАХОДА В ПОРТ

Рождение корабля всегда волнует его создателей. Особенно они радуются, когда спускают на воду корабль, каких до этого им еще не приходилось сооружать. Прошло немало лет с тех пор, как был построен атомоход «Ленин», но и до сих пор корабелы гордятся, что ими создан первый в мире ледокол, работающий на атомном топливе.

И вот совсем недавно на той же Адмиралтейской верфи, где строился атомоход, на стапель подняты первые блоки гигантской рыбопромысловой базы «Восток». Вновь адмиралтейцы шагают вперед. Подобных кораблей по своим размерам и оснащению, как «Восток», нет нигде. Вот несколько цифр, характеризующих его: водоизмещение — 43 тысячи тонн, ходовая скорость — 18,5 мили в час. На палубах разместятся 14 рыбодобывающих судов. С помощью механизмов их можно легко и быстро спустить на воду и поднять обратно на борт.

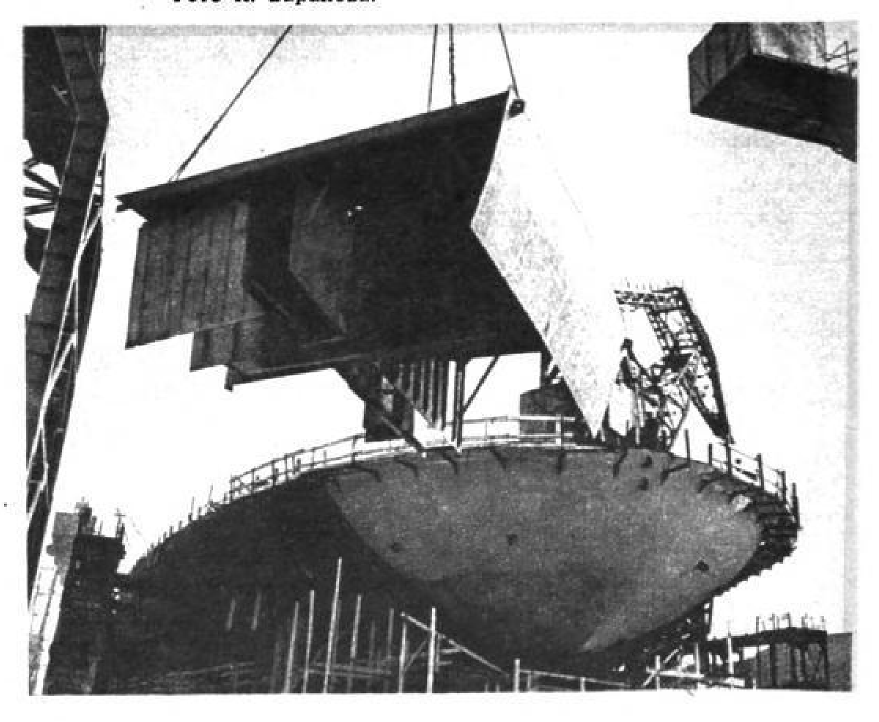
Сложные и в то же время простые в работе приборы помогут добытчикам точно отыскивать в океанах косяки рыб. Разведчики рыбных «полей» будут располагать и своим вертолетом, который поднимется в воздух прямо с палубы. Все процессы переработки рыбы механизируются. За один год плавучая база выработает 21 тысячу тонн мороженой рыбы и 20 миллионов банок консервов.

«Восток» сможет плавать без захода в порты 125 суток. Конструкторы позаботились, чтобы экипаж, насчитывающий свыше пятисот человек, имел как можно лучшие бытовые условия: одно- и двухместные каюты, душевые, магазины, парикмахерские, пекарню, пошивочные, обувные мастерские, библиотеки, кинозал...

«Восток» — юбилейный гигантский корабль. Адмиралтейцы спустят его на воду в 50-ю годовщину Советской власти.

К. КОНСТАНТИНОВ

Рождаются океанские корабли.
Фото И. Баранова.

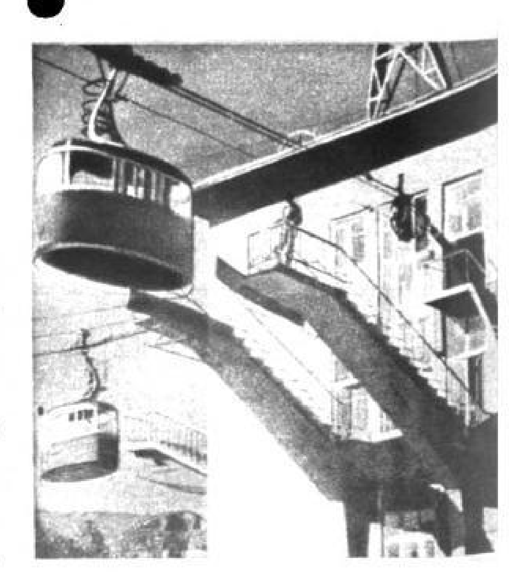
В НЕБЕ ЧИАТУРЫ

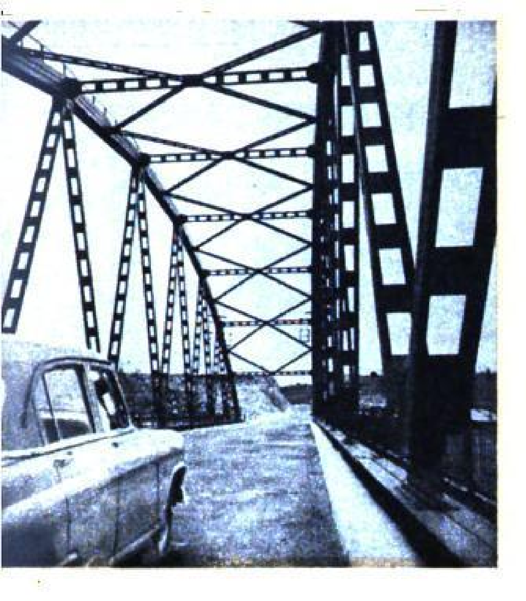
Более 70 воздушно-канатных дорог опутывают небо над городом грузинского марганца Чиатурой. А на днях здесь закончилось строительство необычной пассажирской «канатки». Она трехсторонняя, связывает три пригорода с центром города. Общая ее протяженность — 2 тысячи 300 метров, что заменяет 15 километров автомобильной дороги.

Н а с н и м к е: станция трехсторонней канатной дороги в Чиатуре.

И. Месхи, собкор «Огонька»

Фото А. Мачавариани.

БЕТОН СКВОЗЬ ТУНДРУ

У каждой дороги свои особенности. Трасса Москва — Ленинград проходит по местам столь обжитым, что кажется, будто едешь по пригороду. Автострада на Киев торопится по местам спокойным и несколько скучным. А вот прокладываемой сейчас магистрали Ленинград — Мурманск многие прочат славу самой красивой дороги. И в этом мало преувеличений: бетонная лента проходит по местам изумительным, рассекает горные хребты, перешагивает через Имандру. Сейчас идет штурм Канда-Губы. Много хлопот на этой губе: с двух сторон отсыпают берега, чтобы короче и увереннее перемахнуть через воду. Впрочем, Канда-Губа не самое тяжелое препятствие на пути строителей. На Кольском полуострове очень много болот, и они сильно затрудняют строительство.

Некоторые участки дороги уже готовы и сданы в эксплуатацию.

Дорога будет прокладываться и в зимние месяцы — на трассе сосредоточили специальную технику. Для хранения ее приспособили уникальные «гаражи» — гигантские карьеры, вырубленные взрывами при добыче камня.

Снег перекрыл те места, по которым пройдет дорога. Но и это не останавливает строителей. Они отвоевывают у Заполярья километр за километром, и скоро бетонная лента прорежет Кольский полуостров и соединит Мурманск с Ленинградом.

К. КРУПОВ
Фото В. Рыбина.

СНОВА ЯШИН!

Кубок журнала «Огонек» лучшему вратарю сезона 1966 года будет вручен вратарю сборной команды СССР, стражу ворот московского «Динамо» Льву Яшину.

Среди лауреатов нашего Кубка — В. Маслаченко, С. Котрикадзе, В. Банников, А. Кавазашвили — имя Льва Яшина встречается чаще других: он уже в третий раз получает почетный приз.

Фото А. Бочинина.

НА ПАМЯТЬ О ВЕЛИКОЙ БИТВЕ

Старинное русское село Федоскино, раскинувшееся на берегу реки Учи, в сорока километрах от столицы, уже более полутора столетий славится своими художественными изделиями. В сорок первом году, когда фашистские орды рвались к Москве, знаменитая федоскинская фабрика оказалась в прифронтовой полосе. Патриотам-федоскинцам удалось сохранить свой промысел и ценности, созданные народными умельцами. Врага не подпустили к селу. Все это памятно федоскинским художникам, готовящим сувениры к 25-летию исторической битвы.

Их много, таких сувениров, созданных на разных заводах художественных промыслов Московской области. Но больше всего, пожалуй, привлекают взор изделия федоскинцев — шкатулки, коробочки, альбомы, записные книжки. На крышках шкатулок в знакомом нам стиле с исключительной тонкостью и изяществом нарисованы миниатюры, отражающие важнейшие этапы подмосковного сражения с фашистами. Две интересные композиции на шкатулках создал заслуженный художник РСФСР М. Чижов — «Освобождение г. Волоколамска» и «Бой за Яхрому». Теме «Отстоим Москву» посвятил свою работу заслуженный художник РСФСР М. Пашинин. Художники-федоскинцы написали портреты героев разгрома гитлеровцев под Москвой: Доватора, Зои Космодемьянской, Панфилова, Талалихина.

Интересные сувениры к знаменательной дате подготовили также Туригинский завод художественной керамики и Гжельский завод майолики. Сделанные в народном стиле фигуры солдат, несомненно, будут пользоваться успехом у покупателей.

Я присутствовал на совещании, где торговым работникам демонстрировались произведения подмосковных умельцев, и слышал их просьбы выпустить эти сувениры в возможно большем количестве. Спрос на них действительно будет огромный: кому из москвичей — участников обороны столицы — не захочется иметь памятный сувенир о трудном, но славном годе!

Работа заслуженного художника РСФСР М. Чижова.

Я. МИЛЕЦКИЙ

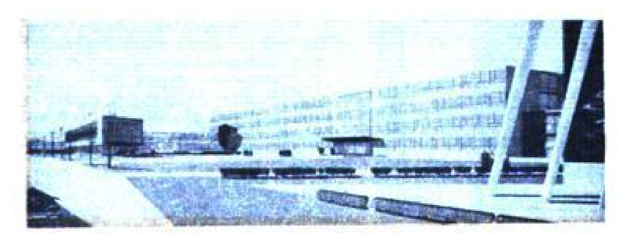
В КОСМОСЕ ЕЩЕ ДВОЕ

Американские космонавты Джеймс Ловелл и Эдвин Олдрин вернулись из полета в космос на корабле «Джемини-12». Несмотря на целый ряд технических неполадок, экипаж «Джемини-12» провел ряд ценных научных и технических экспериментов. В ходе полета Эдвин Олдрин пробыл в открытом космосе более двух часов. Находясь в космосе, Олдрин произвел стыковку своего корабля со спутником-мишенью «Аджена». Был осуществлен также ряд экспериментов при открытом люке «Джемини-12». Проявив незаурядное мужество, Ловелл и Олдрин успешно завершили свой полет.

ЗДЕСЬ, В ГОРОДЕ ФОНТАНОВ

Так будет выглядеть главный корпус нового университета.

Фото Б. Сукача.

Наверное, об этом мечтало не одно поколение студентов. Во всяком случае, еще несколько лет назад мы спорили, каким же все-таки будет город и стоит ли так далеко относить его от Ленинграда. Идея давно носилась в воздухе. И вот строительство нового комплекса Ленинградского университета начато. Оно раскинулось слева от железной дороги, сразу за станцией Старый Петергоф, и занимает площадь около 45 гектаров. Справа начинается парк еще петровских времен, с древними дубами, соснами и елями. Стена леса впереди заставляет забыть близость большого города, а свежий ветер с залива опьяняет тебя. Стройка еще не обрела характерных черт индустриального пейзажа. Но уже окончен нулевой цикл строительства первой очереди, заложены учебный корпус физики, экспериментально - производственные мастерские. До конца года строители обещают возвести первые этажи в блоках «А» и «Б» главного корпуса и построить два вспомогательных здания.

К 1970 году в городе фонтанов поднимутся несколько зданий естественных факультетов, студенческие общежития и жилые дома для профессоров и преподавателей.

Активное участие в строительстве своего университета решили принять студенты-комсомольцы. В честь 50-летия Советской власти студенты физического факультета проведут здесь свой традиционный трудовой семестр. К славной годовщине должно быть в основном окончено сооружение главного здания и ряда других объектов.

Университетский городок будет красивым, современным и удобным. По традиции одна из улиц сохранит прежнее название — Менделеевская линия. Новичкам она напомнит о славной плеяде великих ученых и общественных деятелей, учившихся в стенах университета.

Ю. ЛУШИН,
студент факультета журналистики Ленинградского университета

ДЛЯ ВАС, ДОМАШНИЕ ХОЗЯЙКИ

Моющие химические вещества с каждым годом становятся все более и более популярными и прочно завоевывают себе место не только в народном хозяйстве, но и в быту. Спрос на них непрерывно возрастает. Некоторыми из них пользуются домашние хозяйки, бытовые химчистки и прачечные, другие применяются в промышленности. Недавно химики Азербайджана освоили выпуск очень эффективного моющего средства — высокоочищенного раствора хлористого сульфанола. На химическом заводе города Сумгаита пущена первая в Советском Союзе опытно-промышленная установка для получения такого продукта.

На снимке: аппаратчики А. Караева, В. Милейчик и А. Алиев, работающие на новой установке.

Фото Э. Мкртычяна (Фотохроника ТАСС).

ОТРЫВНОЙ КАЛЕНДАРЬ

НОЯБРЬ 1966

Рисунки В. ЧЕРНИКОВА.

Выступая в бундестаге, Эрхард заявил: «Я очень хорошо знаю, что такое демократия!»

Бывшему королю Буганды, обосновавшемуся в Лондоне, запрещен въезд в Уганду за его подрывную деятельность.

На последних выборах в американский сенат был избран Эдвард Брук. Это первый негр-депутат за столетнюю историю сената.

Так называемая «Национал-демократическая партия» ФРГ — наследница гитлеровской идеологии фашизма — рвется в ландтаги земель Гессена и Баварии.

«Учредительное собрание» Сайгона объявило «месячник борьбы против правительства Ки». Начался новый тур «круговой грызни».

Из Гвинеи за подрывную деятельность выслан американский «корпус мира».

Три американских солдата за отказ воевать во Вьетнаме посажены в тюрьму.

ЛИСТАЯ ЧУЖИЕ СТРАНИЦЫ

ПОСЛЕДНИЙ РЕЦЕПТ

Слушайте все и слушайте внимательно! Сейчас вы узнаете, что на самом деле происходит в Южном Вьетнаме. Сведения достоверные и самые свежие. Итак, начинаем!

«Жители Южного Вьетнама проявляют полное безразличие к нашей борьбе, которая ведется буквально у порогов их домов. Коммунистическая угроза не тревожит их. «Партизаны — по крайней мере вьетнамцы»,— сказала одна вьетнамская девушка. Студенты Сайгонского университета потребовали, чтобы Соединенные Штаты точно сказали, сколько еще времени они собираются находиться во Вьетнаме. Молодежь Южного Вьетнама обеспокоена американизацией вьетнамской культуры. Отношения между американцами и южновьетнамским населением стали болезненно антагонистичными».

Вы обратили внимание, читатель, что весь предыдущий абзац взят в кавычки? Да, это цитата. И знаете откуда? Из американского журнала «Ньюсуик». Опубликованная в нем статья, озаглавленная «Вьетнам: исправление роковой ошибки», как видите, претендует на объективность. Автор ее, Эверет Мартин, глава отделения «Ньюсуика» в Сайгоне, пишет:

«Как-то американский пилот мрачно сказал мне: «Если бы вьетнамцы с энтузиазмом участвовали в военных усилиях, мы бы с охотой оставались здесь до победы. Но никто из американцев не желает сражаться здесь еще пять лет, когда нет никаких надежд на единство духа и действий среди вьетнамцев».

«Возрастающее взаимное разочарование,— продолжает Мартин,— между американцами и южновьетнамцами, провалы одного за другим планов решения вьетнамской проблемы — все это превратило в циников многих американских военнослужащих во Вьетнаме. «Вы больше не найдете здесь идеалистов,— сказал мне один американец.— Наши военнослужащие хотят поскорее убраться отсюда домой или по крайней мере отслужить положенный срок, но не больше».

Любопытные откровения, не правда ли? С чего бы это «Ньюсуик» так разошелся? Послушайте только, как журнал пишет о своих же союзниках:

«Южновьетнамские солдаты не являются серьезной военной силой, число дезертиров за текущий год уже достигло 61 тысячи. Одна военная хунта за другой берет власть в свои руки и обещает народу разрешить все проблемы. Но обещания остаются пустыми словами. Зато с каждым очередным правительством к власти приходит еще большее число политиков, погрязающих в коррупции».

Умри, а сильнее не скажешь! Читайте, мол, добрые люди, и знайте, что с американской политикой во Вьетнаме решительно ничего не получается. Чего только не перепробовали там стратеги из Пентагона и дипломаты из госдепартамента!

Вот так прямо и написал об этом «Ньюсуик». И знаете зачем? Затем, чтобы сделать следующий вывод: необходимо превратить Южный Вьетнам и по форме и по существу в придаток Соединенных Штатов. Автор статьи Мартин пишет:

«Многие из моих вьетнамских знакомых считают, что американцы должны взять на себя политическое руководство их нацией, и они не понимают, почему дело еще не дошло до этого. «Мы не в состоянии разрешить наших проблем, и мы знаем это,— сказал мне один влиятельный вьетнамский адвокат.— Вы должны сами решить, что вы хотите для Вьетнама, и заставить нас выполнить это».

Можно, конечно, оставить это высказывание на совести анонимных знакомых Мартина, но вот и его собственное утверждение: «По мнению Вашингтона, население Вьетнама не готово к самостоятельной политической деятельности».

Вот теперь уже видна подлинная цена откровениям «Ньюсуика»! С ведома, разумеется, режиссеров американской агрессии журнал предлагает новый рецепт решения всех вьетнамских проблем без... вьетнамцев. Даже без сайгонских марионеток. Но и этот последний рецепт не спасет агрессоров от позора и поражения.

В. НИКОЛАЕВ

ЧЕРНЫЕ ОЧИ

О. КУПРИН

Здесь ездят только на дрезине.

ТЕТЯ НИНА

— Ты знаешь, что такое сэ-эм-пэ-двести тридцать четыре? Ни черта ты не знаешь!— сказала тетя Нина, хозяйка гостиницы, едва мы переступили порог ее владений.— Ты приехал? Работай. И расскажи людям всю правду про сэ-эм-пэ-двести тридцать четыре. А я тебе — все условия. Ужин? Пожалуйста, ужин. Если найдешь в комнате хоть одного комара, можешь убить тетю Нину. Буду называть тебя сынком. И не морочь мне черные очи. Я пошла за Кричевским.

— Не надо Кричевского. Поздно уже. Завтра с ним познакомимся.

— Ты приехал в гости. Я пойду за Кричевским. И не морочь мне черные очи.

Гостиница в Вожской (так называется поселок, столица СМП-234— строительно-монтажного поезда 234) отменная. А хозяйка тут поистине феерическая женщина. У нее с избытком энергии, гостеприимства и невероятного обаяния. Тетя Нина говорит, что ей пятьдесят лет. Правда, этот юбилей уже отмечали дважды...

— В паспорте наврано,— уверяет она.— По-настоящему пятьдесят мне исполнится только в этом году.

Но торжественных юбилеев больше не будет. Во время последнего тете Нине вручили грамоту, где абсолютно ясно написано: «...в связи с пятидесятилетием». И сказали при этом:

— Грамота — документ официальный. С печатью. Веди дальнейший счет годам от нее.

Тетя Нина возмущенно дернула плечами.

— Я молодая.

Начальник поезда Григорий Менделевич Кричевский оказался человеком в годах и, под стать тете Нине, весьма общительным и веселым. Дороги, которые он строил, можно измерять не сотнями километров, а тысячами. Прежде всего мы занялись выяснением тонкостей местной терминологии. Вот, например, слово «десант».

— Это очень просто,— объяснил Кричевский.— Сто человек забрасывают в тайгу. Только добровольцев. Пекарню туда, магазин, инструменты, горючее, электростанцию... Полгода они живут в отрыве от цивилизации, если такой поселок, как Вожская, можно назвать цивилизацией. Пробивают трассу. Раз в месяц я к ним топаю, раз в месяц — главный инженер, парторг, механик, почтальон. Однажды перед праздником решили десантники послать трактор за вином. Привезли два ящика и немного продуктов. Тогда расхрабрились и снова поехали за продуктами. Не тут-то было! Утонул трактор. Второй послали — тоже утонул. Еле их потом вытащили.

Еще одно чисто железнодорожное слово — агмушка.

— Так вы на ней ехали! И все мы ездим. И все возим. АГМ расшифровывается так: автодрезина грузовая модернизированная. Есть у нас машинист агмушки — Валя Овсянкин. С ним недавно невероятная история приключилась.

— Какая?

— Женился. А сколько раз зарок давал! Однажды звонят мне: «На дальнем участке женщина рожает. Овсянкин ее на агмушке в больницу везет». У нас это не так уж близко, иногда километров сто. Я команду даю по всей трассе: «Овсянкину — зеленую улицу». Через полчаса он звонит сам: «Возвращаюсь обратно. Мальчик родился». «Кто роды принял?» «Я и принял. Ни за что не женюсь, Григорий Менделевич, ни за что!» После того он еще шестнадцать родов принял. И все удачно. Теперь возит с собой комплект белья и все что положено.

И еще одно местное выражение — черные очи.

— Вы о тете Нине?— продолжает Кричевский.— Не такая она веселая, как кажется. И прошу вас, не судите ее строго. Хорошо?

ЧЕГО БОЯТСЯ ОПТИМИСТЫ...

На насыпи буйно растет иван-чай. Высокие его красноголовые стебли выстроились вдоль рельсов многокилометровым почетным караулом.

День к концу. По среднерусским понятиям он давно уже кончился: до полуночи два часа. А солнце еще не зашло, оно скачет по рельсам беззаботными зайчиками, до ослепительного блеска вызолотило струны телеграфных проводов, что тянутся рядом с насыпью. Глянешь в сторону—поваленные деревья тянут корявые свои руки к небу из темно-коричневой топи болот. И как вызов этому таежному аду, этому комариному кошмару — дорога, шеренги цветов, золотые провода. Луч света в темном царстве! Василиса Прекрасная в преисподней! Нужна невероятная вера в свои силы, чтобы сделать то, что сделано. Или сказочная фантазия: пустить поезда там, где запросто утонет шагающий экскаватор.

Как только от станции Микунь, что стоит на воркутинской магистрали и теперь будет узловой и, вероятно, самой крупной в Коми АССР, мы покатили по новой дороге, я спросил провожатого:

— А лес там валят?

— Валят. Только это не самое важное и не самое интересное.

Мы ехали по дороге, по которой уже ходят поезда. Даже пассажирский. И даже с купированным вагоном довоенного образца. Потом мы ехали на дрезине там, где поезда еще не ходят и рельсы выписывают плавные синусоиды. Здесь вовсю идет работа. Потом шли пешком там, где нет пока рельсов и зиловские самосвалы возят песок для насыпи. Потом пробирались по просеке, где стволы деревьев лежали как попало, еще не сдвинутые в сторону. И, наконец, дошли до того места, где два вальщика шуруют пилой «Дружба» и где с пронзительным стоном падают на землю десятиметровые елки.

Все! Дальше стеной тайга-таежина.

Очень хотелось хоть на шаг уйти за эту стену, ступить туда, где еще ничего нет, где, быть может, еще никто не ступал. Короче говоря, оказаться на десять метров дальше других. Наверное, это и есть романтика, по крайней мере частичка романтики, ну хоть сотая доля.

Я прошел метров сто по тайге и вернулся на просеку довольный.

— Там никого нет,— сказал я Вале Зелинской, рыженькой симпатичной девушке, мастеру участка.— Быть может, никого там и не было.

— Там прошли изыскатели,— ответила Валя, не подозревая, что разрушает мою маленькую иллюзию.— Они отсюда, вероятно, километрах в пятнадцати. Вы к ним пойдете?— спросила она так просто и с такой уверенностью в положительном ответе, словно интересовалась, пойду ли я обедать в столовую.

Но совсем недавно эти места были действительно нехожеными. И дорогу Микунь — Кослан стали прокладывать прежде всего по той причине, что здесь гибнет лес, а вывезти его отсюда тракторами или машинами — глупая затея. Тут не нужно заниматься лесоразведением, деревьев вырастет больше, чем их будут рубить. Дорога эта пойдет до Архангельска.

— А я говорю, уеду. Не отпускаете в отпуск — так уволюсь. На Урал подамся. В шахту пойду. Здесь скучно,—так начался диалог между большой оптимисткой Валей и вовсе не оптимистом вальщиком леса Иваном Мурзаевым. Скучно на стройке было ему.

— Ах, тебе скучно! Ну, знаешь ли... Библиотека есть. Бильярд. Волейбол. Учиться можно. Вон Женя-шофер учится. А вам бы только карты да козла забивать.

— Женька учится и каждый день таблетки от головной боли глотает,— не унимался Мурзаев.— Одна таблетка, говорят, день жизни отнимает.

Валя слывет на стройке человеком решительным и бескомпромиссным. Ругает таких, как Иван, убежденно. Презирает нытиков и холостяков. До полуночи играет в волейбол, пока таежные белые ночи белее ленинградских. Живет она в бараке и принципиально выписывает журнал «Служба быта», чтобы утвердиться в собственном мужестве.

И все-таки, если честно...

— Я боюсь идти в отпуск,— так сказала мне Валя.— Вдруг потом не вернусь.

В отпуске она не была три года. То учеба, то работа — как-то не получалось. Теперь скоро поедет со своего участка с непонятным названием Селог-Вож, с бараками, длинными улицами теплушек, деревянными тротуарами, туда, где люди могут жить, неукоснительно соблюдая наставления журнала «Служба быта», где воду в чайник наливают из водопроводного крана, а не бегают за ней с ведром к водовозке, что стоит посреди поселка...

Здесь даже отпуск не только отдых, но еще экзамен на прочность. Испытание убеждений, призвания и характера.

А дорога, вот она, бежит между двух рядов вагончиков, властно раздвигая лесные завалы, поглядывает с высоты насыпи в коричневые зеркала болот. И опять выписывает плавные кривые, похожие на вопросительные знаки. Словно спрашивает: «А ты не удерешь? Тебя здесь ждет много трудностей. Не сдрейфишь?»

ЗНАКИ ПРЕПИНАНИЯ

У меня из головы не выходит Валина фраза: «Боюсь идти в отпуск. А вдруг не вернусь». Надо найти человека, который только что приехал из отпуска, решил я. Отыскал. Женя Горшков. Тот самый шофер — «учится и каждый день таблетки глотает».

Часа два мы вместе возили песок из карьера к насыпи. День был безветренный, пыль столбом, ехали словно в густом тумане. Женя вернулся позавчера. Был на экзаменационной сессии в Горьком: он родом оттуда. Перешел на третий курс техникума. Еще он учится в школе. Постарается сдать экзамены на аттестат зрелости, а будущей весной решил поступать в Московский автодорожный институт. Если все пройдет удачно, станет первокурсником московского института и перейдет на четвертый курс горьковского техникума. Ну и, естественно, будет строить эту дорогу. И по старой памяти крутить кинокартины. Первая его профессия — киномеханик — на стройке тоже дефицитная. Правда, Горшков обучил этому делу коменданта, и теперь они «киношничают» по очереди.

— Сегодня был неудачный день,— сказал Женя, хотя день в полном смысле только начинался и делали мы лишь второй рейс.

— Почему неудачный?— осведомился я.

— Одолел только четыре страницы учебника.

— Какого?

— Высшая математика. Дифференциальные уравнения. Туго идет. Да!— Он вдруг оживился.— Вы случайно не можете мне объяснить одну там штуковину?

— Нет.

— Жаль. Посоветоваться здесь не с кем.

Мне тоже стало обидно, что я не силен в высшей математике. Очень хотелось чем-нибудь помочь Жене. Правда, у меня были таблетки от головной боли, очень хорошие таблетки, но предложить их ему я постеснялся. Зато я задал ему не очень оригинальный вопрос:

— Как вы все это успеваете делать?

— Не знаю,— ответил он абсолютно искренне.

Тогда я задал вопрос более оригинальный:

— Вам никогда не казалось, что рельсы на поворотах похожи на вопросительные знаки?

— Нет, не казалось. Дорога в основном состоит не из поворотов, а из прямых участков. Они должны больше напоминать знаки восклицательные. Но я на это не обращал внимания.

Для Горшкова отпуск — тоже экзамен. Вернее, экзамены, экзаменационная сессия. Его волнуют дифференциальные уравнения. На рельсы, которые напоминают вопросительные знаки, он не обращает внимания. И многие не обращают. У них другие на то причины.

ВЕЛИКИЙ ЧЕЛОВЕК МАКСИМЫЧ

Мы шли по шпалам от будущей станции Ус, где пока стоят всего два вагончика, спешили на балластер, чтобы ехать на нем дальше. Идти нужно было километров семь. Мой попутчик, начальник производственно-технического отдела Петр Федорович Вдовиченко, целый час великолепно рассказывал об охоте в здешних местах. Когда до балластера оставалось километра два, он сказал:

— А охотников здесь много. Считай, каждый третий. Есть один экскаваторщик...

— Это не тот, чья землянка тут неподалеку?

— Он. Максимыч. Мы же до Уса с ним на одной агмушке ехали. Сзади вас сидел справа, такой маленький. Не заметили?

— Вы как хотите,— сказал я,— но мне нужно обратно, на Ус.

«Чокнутые люди эти корреспонденты»,— наверно, подумал Вдовиченко, однако на Ус мы возвращались вместе.

Я никак не мог уехать со стройки, не повидав Максимыча — Ивана Максимовича Андросова, того самого, о ком без всякой иронии и улыбки говорят: «Наш Максимыч — великий человек, необыкновенный экскаваторщик». Несколько дней я его искал и вдруг ехал с ним рядом и упустил.

Через час мы были опять на станции Ус. Великий человек гонялся по кабине дрезины за оводами, на которых прошлым летом был богатый урожай. Одет Максимыч в короткую вельветовую куртку, выцветшую настолько, что о первоначальном цвете ее догадаться было невозможно, в латанные-перелатанные шаровары, на ногах баскетбольные кеды. Рост у Андросова наполеоновский. Живые, хитрющие глаза.

— Курский соловей,— так он представился.

Пока мы разговаривали, Андросов продолжал ловить оводов, хлопал себя по ногам, по шее и складывал свои жертвы в коробочку из-под сигарет. На овода отлично идет хариус.

— Не надо даже забрасывать крючок в воду. Чуть опустишь, так он выпрыгивает и глотает на лету.

Об Андросове я знал уже столько, сколько он сам о себе ни за что не рассказал бы. Одни, почитающие превыше всего точность, называли Максимыча экскаваторщиком-ювелиром. Другие, натуры более чувствительные, величали его художником. Третьих восхищало то обстоятельство, что Андросов иногда зарабатывает семьсот рублей в месяц. И в каждой из этих характеристик была правда.

Однажды на стройку приехала комиссия. Из Москвы, из главка. Приехала проверять качество работ. Высшей оценки удостоилась выемка — самая сложная работа при возведении насыпи.

— Сколько тут ручного труда?— спросила комиссия.

— Нисколько,— был ответ.

— Положено двадцать процентов!— изумилась комиссия.

— После андросовского экскаватора ручной работы не надо.

— Это невероятно!— сказала комиссия, и Андросову выдали солидную премию.

Максимыч в то время был в мрачном настроении: его поставили грузить песок в самосвалы. Насыпал один кузов — стой и жди, пока подкатит другой. А Максимыч любит работать запоем. Ковш его экскаватора непрерывно в движении. Вверх-вниз, вправо-влево без секундной паузы. На выемке как раз такая работа. И еще одно. Как и всякий художник, Андросов любит творить в одиночестве, чтобы никто не мешал и не заглядывал через плечо, чтобы был он один на один с тайгой.

Максимыча с экскаватором забрасывают далеко в тайгу. Харчей недели на две. И обязательно чай. Он любит, когда рядом с экскаватором горит костер и над ним кипит чайник. У великих людей обязательно есть какие-нибудь причуды. Достоевский, когда писал, тоже без конца пил чай.

В тайге Максимыч первым делом роет экскаватором себе землянку, потом садится за рычаги своей послушной машины и начинает. Работает сколько просит душа. Делает перерывы: попить чайку, стрельнуть глухаря или поймать хариуса, сварить обед, поспать немного. И никто неделями не мешает его упоительной схватке с болотами, тайгой, с неподатливой северной землей. В такие дни Максимыч по-настоящему счастлив.

И сейчас он был в отличном расположении духа, потому что после долгой отлучки спешил домой, к жене и дочери.

* * *

А мне пора уезжать. На станции Вожской снова была роскошная встреча. Тетя Нина, одетая по случаю генеральной уборки в синий тренировочный костюм с белой каемкой у ворота, опять без предисловий спросила:

— Ну, знаешь ты теперь, что такое сэ-эм-пэ-двести тридцать четыре? Такого поезда больше нету. Нигде. Даже на планете Венера. Смотри, не гуляй сегодня долго. Утром рано вставать. И не морочь мне черные очи!

Весь вечер я просидел в уютной комнатке начальника поезда Кричевского. Говорили мы о том, как живут люди в поезде, почему убегают, почему остаются. Куда ни шагни — проблема. В Селог-Воже я видел парней с прическами пушкинского Ленского: кудри черные до плеч. До ближайшей парикмахерской десятки километров.

Пожалуйста, еще одна проблема — парикмахер. И вовсе не простая проблема. Насколько я понял, простых здесь нет. Особенно если речь идет о квалифицированных кадрах. В местной газете я увидел такое объявление: приглашается на работу директор завода (!!!). На Носимский кирпичный завод не могут найти директора. Представляете: директора! А тут остановка всего-навсего за парикмахером.

— Был парикмахер, да уехал,— рассказывает Кричевский.— И правильно, я вам скажу, сделал. Пришел ко мне и говорит: «Давай, начальник, работу. Не дашь — ухожу». А где я ему возьму работу? Стригутся ребята не каждый день. Хорошо, если раз в два месяца. Бреются сами, у всех электробритвы. Здесь, знаете, нужен какой парикмахер? Экстра-класса. Чтобы наимоднейшие прически женские умел делать. Халу или еще что там теперь в ходу. Девушек у нас много. Тут бы в очередь к такому парикмахеру записывались, как в Москве на Кузнецком мосту. Как строить железную дорогу, мы знаем, а вот как решать остальные проблемы — наука, я вам скажу, ох какая сложная!

Главный закон этой науки уже открыт и выполняется безоговорочно. Звучит он так: «Строительство железной дороги начинается со школы, детского сада, почты...»

Когда мы прощались, начальник поезда сказал, продолжая старый разговор:

— Прошу вас, не судите тетю Нину строго. Не такая она разбитная, как кажется. Ленинградка. Блокаду пережила. Сына с трудом выходила. А потом сын погиб. Вот так же, на стройке железной дороги. Несчастный случай. С тех пор она всегда с нами. Все у нее с трассой связано. Сильный характер.

В гостиницу я вернулся поздно. На улице бесновались комары. Словно кто-то швырял их в лицо совковой лопатой. Тетя Нина спала в своей комнатке, где стена увешана рекламными кадрами из кинофильмов, где тикает будильник и слегка пахнет лекарством.

Мастер Владимир Игнатов: «Дорога наша лесу на выручку идет».

Фото Г. КОПОСОВА.

Расступись, тайга-таежина!

Поздняя осень.

Фото Г. СМЕХОВА.

Р. ЗЕРНОВА

Рисунки В. ПЕРЦОВА.

Рассказ

ДЛИННОЕ-ДЛИННОЕ ЛЕТО

— А мы думали, что вы злодеи.

Так это и было нам сказано, без всякого разделяющего тире перед этим словом, без малейшей подготовительной паузы.

Вечером я застала мужа перед зеркалом: он озабоченно разглядывал свое отражение.

— Хочешь понять, почему мы им показались злодеями? — догадалась я.

— Да ну, какие глупости! — сказал он.— Это ведь у них просто игра!

Вот уже третий день они живут на даче, рядом с нами, за невысоким редким штакетником. В первый день, ошалев от солнца, воздуха, высокой травы, они нас не замечали: носились по участку с победными воплями, забирались в свои кукольные домики и сразу же оттуда выскакивали, качались на деревянных лошадях и возили по дорожкам маленькую открытую машину, на которой к вечеру осталось всего три колеса. Их много, и в своих белых панамках они похожи друг на друга, как муравьи. И, как муравьи, они делают какое-то непонятное для нас, но для них очень важное дело.

День начинается с бубна — бубен сзывает их на зарядку. Бьет в бубен пожилая воспитательница с терпеливым выражением истощенного лица. Вот уж при взгляде на кого не придут в голову ни бубны, ни тимпаны. Еще она кричит тоненьким голоском:

— Средняя группа, ко мне!

Где-то по участку звучат еще бубны и слышатся клики:

— Малыши, ко мне! Старшие, ко мне!

Но мы наблюдаем средних, потому что они возятся как раз под окнами нашей веранды. Мы уже кое-кого различаем: смуглого — когда это он успел загореть? — узкоглазого мальчика, который на первой зарядке строил рожи (мы прозвали его Тимуром); и рослого курносого силача — это Великан; и девочку с прической типа «Колдунья» — длинные русые волосы по плечам, русая челка до самой переносицы. И мы наблюдаем за этими тремя. Моя подруга-художница говорила мне как-то, что дети нравятся ей эстетически: их пропорции, их движения. Но быть среди детей целый день — нет уж, извините!

А я бы, наверное, согласилась. Может быть, потому, что так сложилась моя жизнь: своих детей в этом возрасте я не видела. Рассталась с ними, когда старшей было четыре года, а младшему два, и встретила опять уже школьниками. Их детство мне не дано — наверное, потому меня так интересуют чужие. Вот эти, средние.

Мы их тоже заинтересовали. На второй день они с любопытством поглядывают сквозь штакетник на наш дом. Мы открываем окно веранды, Тимур и Великан подбегают поближе, за ними — Колдунья. О чем-то они сговариваются, бросают на нас косые быстрые взгляды. Но заговорить не решаются. И так проходит второй день.

На третий я нахожу под нашим окном лиловое колесо от детской пирамидки. Подхожу к забору и спрашиваю:

— Кто потерял?

Подходит Тимур, за ним, слегка косолапя, Великан.

— Это, наверное, Оленька,— говорит Тимур, улыбаясь лукаво и застенчиво.— Она маленькая, всегда все раскидывает. Давайте, я ей отдам!

Вприпрыжку бежит Колдунья и, не добежав, останавливается поодаль.

— А что это у вас там стучит? — спрашивает Великан.— Вы когда сидите за столом, у вас что-то стучит.

— Пишущая машинка.

— Вы дадите нам посмотреть?

— Возможно.

— А мы думали, что вы злодеи,— говорит Тимур.

Так мы познакомились.

И теперь мы потеряли покой.

Утром, еще до бубна, раздается призывный клич:

— Окно открыли!

И они слетаются к забору, как воробьи.

— А сколько у вас комнатов?

— А кто у вас есть?

— А куда вы пойдете?

— А потом придете?

И если я встаю,— общий вопль:

— Не закрывайте окно!

Они приводят к забору своих друзей.

— Вот это Оленька, она маленькая, она вчера плакала. Вы слышали, как она плакала? А вот это Степан!

Тимур оказывается Алешей, Великан — Костей, а Колдунья — Таней Серовой. Кроме нее, в группе еще две Тани. Ну и, конечно, несколько Наташ, две Иры, два Андрея. Но зато Степан один.

У Степана ангельское лицо и совершенно круглый рот. Он с нами не разговаривает. Он просто кидает в наш сад пучки травы, свернутые жгутом, и, кинув, валится ничком, ловко, как настоящий гранатометчик. Видно, дома есть телевизор.

Таня Серова говорит:

— У меня три папы. И маленький Игоречек.

— А у меня,— говорит Алеша,— есть собака Казбек. Настоящая охотничья. Она в Эстонии живет. Мы осенью опять туда поедем. Вы знаете, в Эстонии все есть: куры, и молочные продукты, и все...

— И я тоже поеду осенью! — кричит Таня Серова.— И у меня тоже есть собаки! Две! Три! И кошки есть, три кошки, они ходят... ходят по лестнице... где мы живем... где мы будем жить...

Три собаки — это я еще понимаю. Но три папы? Зачем такое множество?

Вечер. Все уже поужинали, разошлись по спальням, наступает тишина. И только — последний раз за сегодняшний день — плачет маленькая Оленька.

Когда плачет Оленька, сбегается весь детский сад. Оленькин плач — это спектакль. Она ревет громко, выразительно, то рявкает польвиному, то загудит, протяжно и долго, как пароходная сирена. Слезы у нее не льются, а сыплются горохом на грудь, на колени... На минуту перестанет плакать, оглянется, все ли собрались, и заводит снова.

Ей еще нет трех лет, она на два-три года младше наших средних, и здесь она живет с мамой, которая работает не то нянечкой, не то поварихой. Оленька живет без режима. И бывает, во время тихого часа она бродит по огромному саду совсем одна, тихонько, словно прислушиваясь, или лепит в полном одиночестве куличи на песочной площадке. Плакать она любит прилюдно, а играет одна.

А наши средние — коллективисты. Игры у них всегда общие. И утром, прибегая к забору, они кричат мне:

— А нам снился родительский день!

Может быть, им в самом деле снятся одни и те же сны?

— А когда приедут ваши дети?

— Дочка не приедет, она на практике. А сын приедет.

— А когда он приедет?

— Вот сдаст экзамены и явится.

— Он в каком классе?

— Он уже не в классе, он студент.

— А вдруг он сегодня приедет?

— Может быть.

— А как его зовут?

— Его зовут Шурик.

— И у меня есть Шурик,— говорит Костя.— Он в нашем дворе живет. Он шофер.

— А у меня брата зовут Шурик,— говорит красивая Инга.

Таня Серова:

— А я вашего Шурика встречу. Пойду на дорогу и встречу.

— А на дорогу ходить нельзя! — говорит Костя.

— А я возьму с собой кого-нибудь.

— А мы сейчас все пойдем на полянку, ты останешься, а мы наберем ягодов.

Это окончание Костя приделывает ко всем родительным падежам множественного числа: «Мы сейчас будем ловить пчелов!», «Из шишков можно сделать человечка».

Алеша почему-то молчит. Сверлит меня своими черными глазами, улыбается застенчиво и молчит. Зубы у него тоже черные: наверное, закармливают его конфетами любящие родители. Наконец он решается:

— А правда, что Степанка к вам приходил под окно?

— Это вчера было,— говорит Таня Серова.

Положим, это было сегодня утром. Но после этого они уже спали. Сон делит их дни пополам, и все, что было утром, уже называется «вчера». Так много всего произошло с утра, а потом был сон...

Степан — человек предприимчивый. Никто из ребят не догадался, что можно просто перелезть через штакетник, даже Алеша. А Степан сообразил. И вдруг его панамка проклюнулась под самым моим окном. Попросил дать ему машинку поиграть, получил отказ — и умчался восвояси. И теперь Алеша, видно, тоже обдумывает план похода в наш сад. Со Степаном они друзья. Оба непоседливые, обоих наказывают, обоих все время одергивает воспитательница:

— Степан, ты опять? Алеша, ты опять?

— А чей у вас вѐлик? — спрашивает Костя.— Я видел, у вас в комнате стоит. Чей это велика?

— Это Шурика.

— А ваш Шурик умеет кататься?

— Умеет.

— А нас покатает?

— Наверное, покатает.

— Скорей бы он приезжал!

И вот он приезжает. Громадный, чернобровый, великолепный. Сессия сдана — хорошо ли, худо ли, но сдана; практики в этом году нет; на целину он уже ездил. Два месяца свободы предстоят ему, два месяца полной свободы.

— Тихо, как в кузнице,— говорит он.— Удачно вы выбрали место для отдыха, ничего не скажешь.

Он довольно быстро съедает свой обед и ужин всей семьи, потом выводит велосипед и начинает его накачивать. Открываю окно веранды и вижу: вся средняя группа у забора в молитвенном молчании наблюдает за красивой мужской работой. Только Костя заметил меня, подмигнул и крикнул:

— А мы смотрим!

Шурик выпрямляется и замечает их.

— Привет! — говорит он.— Еду в магазин. У кого какие поручения?

Они конфузятся. Какие еще там поручения? Но Степан, подтянувшись на локтях, повисает на штакетнике, легкий, как образцовская кукла, и говорит очень серьезно:

— А вы меня покатаете на вашем велике?

— Покатаю! — обещает Шурик.— Обязательно покатаю! И тебя тоже,— говорит он Вове, у которого непросыхающий насморк.— И тебя.

— А меня? — спрашивает Таня Серова, стараясь просунуть лицо сквозь деревянные брусья.

— Тебя непременно.

И уезжает.

С этой минуты мы перестаем существовать сами по себе. Мы папа и мама Шурика, это и есть наше положение в жизни.

В восемь утра, еще до бубна, за штакетником раздается недружное, но пронзительное:

— Шу-у-урйк!

«Рик» — короткое и с ударением.

Они следят за ним, они опрометью бросаются к забору, как только он появляется, они выбегают на дорогу, чтобы посмотреть на него поближе. Степан однажды принес ему два печенья «Садко» — наверное, из своего подарочного мешка. Алеша ведет с ним долгие интеллектуальные беседы:

— А вы знаете, почему у нас кровь не выливается? Она вся из шариков, и эти шарики бегают друг за другом, по кругу.

— А вы знаете, как по-немецки стол? Дер тиш!

— А вы знаете, где пальмы на воле растут? В Сухуми.

— Ты-то откуда знаешь? — спрашивает Шурик, оглушенный всей этой премудростью.

— Мне бабушка рассказывает. Она в школе работает.

Но самым преданным человеком оказывается Таня Серова. Она первая выскакивает из спальни с криком: «Шу-урик!»

— Таня, он еще спит. Он поздно лег.

Шурик теперь спит не меньше двенадцати часов. Он переутомлен сессией.

— А вы разбудите его. Мы хочем его видеть. Мы его любим потому что.

И когда он появляется, она прилипает к забору намертво. И строит рожи — удивительные рожи. И рассказывает свои истории, не менее удивительные:

— Раньше мы жили с папой Васей. Это я еще совсем маленькая была. А потом переехали и жили с папой Толей. А теперь опять переезжаем, в отдельную квартиру, три комнаты — и все изолированные, и будем только с папой Олегом. У меня три папы. А дедушку закопали в яму, когда была война. И я так плакала, так плакала...

— Когда это ты плакала? Когда война была?

— Ну да! — подтверждает она, нисколько не смущаясь. И продолжает: — А еще у меня есть маленький Игоречек, он в ясельках.

— Сильна врать! — говорит потом Шурик с почтительным изумлением.— У нее никогда не поймешь. Это так, фантазерка? Или врунья? Тут ведь есть принципиальное отличие.

За что они его так полюбили? Неужели только за то, что он ездит на велосипеде? Так он их и не покатал еще ни разу! Говорит, надо, чтобы воспитательница позволила, а мне неохота у нее спрашивать. Еще подумает, что я познакомиться хочу.

— Да что ты болтаешь! Воспитательница старше меня, очень ей надо!

— Нет, я не про эту. У них еще одна есть. С косой. В голубом сарафане.

Правильно, есть. Я думала, что она в другой группе. Оказывается, в этой же. Они работают посменно.

— Давайте все на забор! — командует Шурик.— Я вас сфотографирую.

Он поднимает их, каждого по очереди, и рассаживает на заборе. Тут обе Наташи, и Вова-с-насморком, и Андрюша, и красивая Инга. А в середине — наши любимцы: Алеша, Костя, Таня Серова и Степан.

— И потом нам будут карточки? Да, Шурик? Ты дашь нам фотокарточки?

— А как же! — говорит Шурик.— Завтра поеду в город, проявлю и напечатаю.

Видно, уже заскучал на даче.

Из нашего окна видна сухая ель. Ветки у нее начинаются низко, пригласительно: что это вы все тут бегаете, а на меня не обращаете внимания?

И Степан обратил. Как только воспитательница отвернулась, Степан оказался тут как тут: панамка где-то брошена, вихры дыбом на двойной макушке, вид сосредоточенно-деловой. И мигом добрался чуть не до самого верху. Воспитательница еле его согнала.

Через минуту он уже подвозил на тачке воду для изготовления песочных куличей. А лучший друг Алеша бежал за ним и гудел, как самосвал.

Кажется мне или в самом деле? Эти двое никогда не разговаривают между собой. Они всегда вместе, рядом, им удобно и интересно играть вдвоем, но разговаривать им некогда. А между тем Алеша — большой любитель поговорить.

Степан — человек изобретательный. На днях прошел дождь. Все с упоением хлюпали по лужам в своих резиновых сапогах. А Степан раздобыл где-то веревочку, привязал ее к палке и уселся на край лужи:

— Я буду рыбу удить!

И за эту изобретательность ему нередко попадает.

Воспитательница — та самая, пожилая, с лимонно-клюквенным выражением лица — тоже заглядывается на нашу веранду. Мы с ней уже здороваемся, она нам улыбается — получается, как будто в клюкву добавили сахару. Зато вторая, с косой, делает вид, что нас нет на свете.

Шурик с ней так и не познакомился. Он, видимо, абонирован на это лето. Однажды днем к нашему домику подъезжает «Волга»; оттуда выходит девушка, которая мне давно уже не нравится, и какой-то незнакомый пожилой мужчина. Оказывается, ее папа. Он сам привез ее к нам в гости, хотя мы с ним никогда в жизни не встречались.

Мы сидим с ним на веранде, пытаемся нащупать тему для общего разговора. Но папа интересуется только автомашинами, а мы еле отличаем «Волгу» от «Москвича». Наконец он пускается в монолог — рассказывает про строительство автозавода, и мы с облегчением замолкаем.

А Шурик с девушкой стоит у забора. По ту сторону собрались дети. Их беседы я не слышу, но замечаю, что у Тани выражение лица какое-то незаинтересованное. Шурик кричит нам:

— Мы пойдем на залив!

Сейчас рассказ про автозавод кончится. Не перейти ли на дорожное строительство? Но папа сам перебивает себя и поднимается:

— Пожалуй, я их отвезу, если вы не возражаете.

— Ну что вы!

— Очень люблю приморское шоссе!

Тут бы и перейти к дорожному строительству. Получился бы чудный разговор. Но он уезжает.

— Ноги мыть, ноги мыть! — кричит нянечка под нашим окном.— Степан, я кому говорю! Таня Серова, где ты так ноги извваздала? Вот сейчас позову врача, чтоб тебе йодом намазали!

У Тани вечно расцарапаны колени, исхлестаны крапивой руки. Она все время ищет червяков и гусениц и для этого расковыривает цветы, раскапывает ямки в земле и забирается в муравейники. Чем только ее привлекают эти ползучие твари?

Наверное, ей больно, когда трут мочалкой царапины и ссадины, но она молчит. Боится йода или, может быть, от гордости.

А через десять минут, перед самым обедом, я слышу горький, отчаянный плач. Выглядываю в окно — Таня Серова. Гордая Таня Серова безутешно рыдает: у нее распух нос, и она вытирает слезы распущенными волосами, как Мария Магдалина.

Вова-с-насморком пытается погладить ее по голове, но она отмахивается локтем и уходит прочь — не хочет, чтобы ее жалели. Что же такое она натворила? Костя бежит за ней, что-то приговаривая, но она и от него отмахивается локтем. Нет, никто ей не нужен в эту минуту горя: ни взрослые, ни дети. Она убегает в далекую половину сада, которой от нас не видно, и там будет переживать — одна.

— Ей разрежут живот! — объясняет Алеша, и лицо его пылает страстным интересом.— Воспитательница сказала, что ей разрежут живот. Потому что она ела сырую картошку!

— Ей разрежут живот! — ликуя, кричал маленький Андрей.— Вчера будет родительский день, а ей разрежут живот!

— Вчера! — иронически говорит Алеша.— Не вчера, а завтра.

Неужели им не жалко Таню? Может быть, они просто жестокие, эти дети? Или интерес к такому необычному событию перевешивает все остальные эмоции — сочувствие, жалость, сострадание? А где-то в глубине сада гордая Таня плачет от ужаса и раскаяния, и никто ее не может утешить, даже если бы хотел, потому что она не желает, чтобы видели ее слезы.

Впрочем, когда после тихого часа она опять появляется у забора, о слезах и сырой картошке никто не вспоминает. Она говорит Шурику:

— А у моего папы тоже есть машина!

— Одна или две? — спрашивает Шурик.

— Две! — отвечает Таня, не задумываясь.

— Так я и думал,— с одобрением говорит Шурик.

Мне очень нравится Таня Серова. И не только эстетически — хотя, конечно, с этой точки зрения ее можно наблюдать целый день с удовольствием и пользой. Мне нравится ее гордое мужество.

Наступает родительский день. Средняя группа с родителями располагается все на том же излюбленном месте — под нашими окнами. Родители оглядывают, оправляют, обласкивают своих детей — и кормят их, кормят, кормят... Может, они в тайниках души подозревают, что их тут морят голодом? А дети ничего, едят. Только что был завтрак, скоро будет обед — а маленькие рты глотают и глотают, словно они бездонные.

К Тане приехали папа с мамой. Мама молодая, хорошенькая, модно одетая. Значит, она успела сменить трех мужей? А папа очень ласков с Таней — наверное, он хороший человек.

Степанова мама гоняется за сыном по всему участку. Они очень похожи друг на друга: круглолицые, круглогубые, светловолосые. И оба никак не усидят на месте.

Зато Костя смирно сидит около своей матери. Они беседуют, неторопливо и серьезно. Костина мать — большая, немолодая, усталая. И едят они не какие-нибудь пряники или конфеты, а большие деловые бутерброды.

Алеша сегодня один. К нему никто не приехал, а вид у него обычный: заинтересованный и счастливый.

Потом он объясняет нам:

— Ко мне все равно приедут. Мне должны ботинки привезти, а то у меня только сандалии и резиновые сапоги. Просто, наверное, папе некогда, а мама нездорова, а бабушка не может ее оставить.

— А где папа работает?

— В институте НИИ. Он так много работает, так много... Бывает, мы его ждем-ждем, а он только утром приходит.

И сияет своей чернозубой, счастливой улыбкой.

Что тут скажешь?

Но вот детей зовут спать. Родительский день кончен. Матери, так и не насытившись этими короткими часами, тоскливо смотрят вслед детям. Те бегут прочь, веселые, ничуть не взволнованные. Только Костя, который сначала пус-

тился бежать со всех ног, вдруг возвращается и кричит жалобно:

— Мама! И ты с нами!

— Нельзя, миленький! — говорит мама низким, трепетным голосом.— Вам спать надо, а мне в город пора, на работу. Нельзя, мой ангел!

Она произносит по-московски: аньгел.

— И всегда тебе на работу! — говорит Костя с упреком.

После родительского дня мы все-таки разговорились с воспитательницей — с той самой, пожилой. Я расспрашиваю ее о родителях. Но она знает очень мало.

— Алеша не мой, и Таня Серова тоже не моя. Они из другого детского сада, их сюда только на лето устроили. У Алеши, наверное, семья культурная — он очень развитой мальчик. Но лодырь и неряха.

Алеша — неряха? На нем так ловко сидят его рубашки и штанишки. Ну, ей лучше знать, она его больше видит. Но почему же лодырь?

— Конечно, лодырь. Вы посмотрите на него, когда дети приборку делают. Другие сами берутся, смотрят, что бы сделать, а он никогда. Не приучен. Очень разбалованный мальчик. Не успеешь его переодеть, а он уже весь вымазался. Вот вы заметили, у меня есть две девочки, две Наташи? Вот это мои девочки, аккуратистки, скромные, хорошие девочки.

Как же можно увидеть в Алеше, в счастливом, любознательном и вежливом Алеше, только то, что он неряха и не приучен убирать?

— Наши дети вообще скромнее этих,— рассказывает она.— И дисциплинированнее. Мы из Невского района, а они откуда-то с Васильевского.

Наши, не наши — это я понимаю. Это искренне. Она всегда будет предпочитать своих тем, кто пришел только на одно лето. Интересно, замечают ли это новички.

— Вот вы часто на нас смотрите, я вижу. Вы обратили внимание, как Алеша ведет себя на зарядке? Строит рожи, кривляется. Все потому, что плохо воспитан. Очень возбудимый мальчик. И слишком напичкан всякими знаниями. Рассуждает, рассуждает... Разве дело только в общем развитии? Надо, чтобы ребенок понимал дисциплину.

— А Степан ваш?

— Степан мой. Конечно, это тоже недисциплинированный мальчик. Они с Алешей просто друг друга нашли. Алеша хоть ничего не ломает. А Степан — это какой-то огонь. Все у него так и горит. Взять, например, игрушки. Ломает свои, ломает чужие... Вчера ему мать самосвал привезла — где тот самосвал? А ей нелегко, наверное, было купить игрушку, она теперь одна, муж зимой погиб. Он с лесов упал, на строительстве.

Наверное, от отца у Степана ухватка, проворство, эта, как бы сказать, солдатская смекалка. Вон как лихо он метал в наш сад свои травяные гранаты. Хотя отец его не мог быть солдатом: молод был. Дед, наверное. Расти теперь Степану без мужского глаза — сам научится вбивать гвозди, колоть и пилить дрова... Хотя к чему теперь пилить дрова? Они, наверное, в новом доме живут, с горячей водой и паровым отоплением.

— Очень трудно с детьми. И опыт есть и годы, а все-таки очень утомительно.

Когда Шурик был во втором классе, он спросил отца:

— Почему воспитателями в детских садах не бывают мужчины? Они ведь гораздо лучше относятся к детям!

Что его навело на эту мысль? То ли я с ним в тот день поступила слишком круто, то ли вспомнил он свою воспитательницу? Она тоже была немолодая, тоже утомлялась.

— Вам, наверное, очень мешают наши дети? Это ваш сын их приучил. Мы просто не знаем, как с этим бороться.

— И не нужно бороться. Нам это не мешает.

Теперь, когда Шурик появляется, все зовут Таню. Она бросается на зов — грива развевается, панамка нахлобучена на самый нос. Как она смотрит на белый свет из-под этой панамки — загадка.

— Когда же ты покатаешь нас на велосипеде? — спрашивает она.— Когда же ты сделаешь наши фотокарточки?

Все — «нас», «наши», «нам»... Таня — великий коллективист. Но Шурик — это ее признанная привилегия.

— Вот когда будет день моего рожденья, я получу много конфет и угощу Шурика! — сообщает она, ни к кому особенно не обращаясь.

— А когда же он будет?

Но этого Таня не знает. И никто не знает даты своего рождения, даже развитой Алеша.

Девушка-которая-мне-не-нравится приезжает довольно часто: у нее неподалеку от нас живут родственники. Шурик пропадает с ней целыми днями. К нам они заходят ненадолго, и когда она у нас, никто не подходит к забору и не зовет Шурика. Почему бы это?

Они к нам вполне привыкли. Теперь, когда Шурик седлает свой велосипед, ему кричат:

— Шурик! Привези конфет! Пирожных! Баранок!

Степан ловит его на дороге и говорит деловито:

— Шурик, привезите мне конфет молочных, в кулечке.

Только Алеша и Степан говорят Шурику «вы».

А Шурик правда однажды привез двести граммов драже «Театрального» и отдал Тане, чтобы она всех угостила. Было много недовольных. Степан сказал:

— А мне — две конфетки!

Костя возмутился:

— Какой ты умный! Другому ни одной, а тебе две?

Но, в общем, на всех хватило. И популярность Шурика еще выросла.

Лето в разгаре, созрела малина, на деревьях висят довольно крупные зеленые яблоки. Костя заводит со мной разговор:

— Сорвите нам ягодку!

— Нельзя, Костенька, это ягоды хозяйские.

— А яблочко?

— Тоже хозяйское.

— Ну, хоть цветок.

Но и цветы хозяйские.

А Шурик уезжает. Он отправляется автостопом по старым русским городам. Мне хочется спросить его, едет ли девушка-которая-мне-не-нравится, но я не спрашиваю. Он отучил меня задавать ему вопросы. И все чаще я задаю их себе. Особенно один, тот, который беспокоил пятнадцатилетнюю Наташу Ростову: «Какие вы, мужчины? Такие ли, как мы? Нет?»

Потому что чем дальше, тем меньше я понимаю собственного сына. Может быть, потому, что он не такой, каким я хотела бы его видеть. Впрочем, многие ли родители имеют это счастье? Приходится любить своих детей такими, какие они есть, а не сердиться на них за то, что они не такие, как тебе бы хотелось.

Все это я говорю себе довольно часто.

Дети за забором при виде меня сиротливо тянут:

— А где Шу-урик?

Каждому из них я говорила, что он уехал и скоро приедет. Но Таня Серова желает точно знать, когда именно это будет. С ее понятиями насчет завтра и вчера ей это довольно трудно.

— Вот мы поспим, и еще поспим, и еще — и тогда он приедет? Нет? А в родительский день?

А я и сама не могу сказать это точно. Потому что представление моего сына о времени не очень отличается от Таниного. Он не может загадывать надолго вперед. День такой длинный, такой полный — кому придет в голову заглядывать в следующий?

Но вот он наконец приезжает. Приезжает ночью, когда детский сад спит и видит его в своих снах. Как раз вчера Вова-с-насморком сказал мне:

— А одному мальчику из нашей спальни снился Шурик!

Утром я наблюдаю их встречу. У забора — большой курултай. Таня просунула руку сквозь брусья и держит Шурикову огромную ручищу. Она даже сдвинула панамку на затылок, чтобы лучше видеть. И молчит. Она счастлива.

Растроганный Шурик приходит домой со словами:

— Надо будет им перед их отъездом устроить отвальную. Купить конфет, пирожных, может быть? А главное, лимонаду. И позвать их к нам. Представляешь, какой это будет праздник!

Потом он выводит свой велосипед, и Алеша кричит:

— Шурик! Вы куда теперь помчитесь?

Отвечает Таня:

— Он уедет ненадолго. Он теперь уже не будет уезжать надолго! Он все время будет здесь!

Вечером я иду мимо детского сада домой, и навстречу мне катит машина медицинской службы.

У меня привычно екает сердце. Да нет, она не от нас. Муж в городе, дочь на практике, Шурика я видела полчаса назад. А вот и он — с девушкой-которая-мне-не-нравится.

— Алеша упал с дерева,— кричит он мне.— Очень плакал. Я ему дал яблоко, он ел и все плакал, плакал. Да не пугайся, не очень высоко было.

— Его что же, в больницу повезли? Я видела медицинскую машину.

— Да нет, зачем же в больницу? Он просто ушибся. Наверное, положат в ихний изолятор.

Но его положили в больницу. На следующий день все дети, захлебываясь, рассказывают:

— Прямо спиной на камень! Он залез на сухое дерево, стал звать Шурика и упал. Прямо спиной на камень. И его повезли в больницу.

Спиной на камень — это серьезно. А завтра родительский день.

— Давай, Шурик, сходим к Алеше вечером! — предлагаю я.— Он очень обрадуется тебе.

— Вечером? — переспрашивает Шурик.— Да нет, вечером я, пожалуй, не смогу.

— Неужели у тебя такие важные дела?

— Может, и не очень важные...

Так мы и не договорились. К Алеше отправляется медсестра из детского сада. На следующий день пожилая рассказывает:

— Ничего страшного. Говорит, его уже все там узнали. Минуты не может полежать спокойно, настоящий ванька-встанька. В общем, он, как всегда...

— Но он же спиной об камень...

— Да никакого камня там нет, я специально смотрела. Ну, сегодня он обрадуется: к нему его бабушка приехала. Культурная такая женщина, все спокойно выслушала, сказала: вы не беспокойтесь, мы знаем, что он у нас шалун!

Так и не увидела я Алешину бабушку.

Зато я познакомилась с Таниной мамой. Конечно, разговор зашел о Шурике:

— Я думала, он такой, как она. А он, оказывается, уже студент!

Во время этого разговора Таня на меня не глядит и вроде даже не слушает, словно речь не о ней. Чем-то ее этот разговор шокирует. Мама — одно, а мы с Шуриком — совсем другое, и оттого, что мы совместились, в ее атмосфере возникает что-то новое, необычное... Она сама тоже новая. Волосы заплетены в косички, капроновые банты торчат, как пропеллеры. И у панамки загнуты поля.

— Она и нам про вас рассказывает,— говорю я.— И про Игоречка, и про папу Олега...

— Ох, да она вам, наверное, про трех пап рассказывала? — спрашивает мама.— Она это любит. Она всех своих дедушек называет «папа». А нас с мужем она раньше просто по имени звала, за родителей не признавала. Это уж теперь мы ее уговорили нас папой и мамой звать, а раньше — ни в какую!

Вот вам и разгадка трех пап. А мы-то думали...

Что-то давно я не вижу девушки-которая-мне-не-нравится. Не уехала ли она куда-нибудь на своей машине?

Выясняется: да, действительно уехала. Вместе с папой. И пригласила с собой Шурикова ближайшего товарища. Ну, знаете! Этого я даже от нее не ожидала! Долго я возмущаюсь ее поступком вслух и про себя, а потом мне приходит в голову, что я элементарно приревновала — не к сыну, а за сына. А он довольно спокоен. Или, может быть, владеет собой?

Между тем подкрадывается конец лета. Не осень еще, но конец лета. Если утро ясное,— в середине дня дождь. Если с утра туман,—

можно надеяться на теплый день. Но вместо тепла откуда-то срывается ветер — пять метров в секунду, десять метров в секунду, пятнадцать... Пятнадцать ветров в секунду! Эти ветры налетают на злополучное сухое дерево — и вдруг оно подламывается с жалобным скрипом.

А вчера я видела, как Степан исподтишка погрозил ему кулаком — за Алешу.

Остальные Алешу не вспоминают. Ни Таня, ни Вова, ни даже справедливый Костя. У них свои дела. Осень принесла новые игры. Они теперь гораздо больше времени проводят в своих кукольных домиках. Там происходят игры в дочки-матери и в поликлинику.

Прием в поликлинике обычно проводит Вова-с-насморком — вероятно, у него есть некоторый медицинский опыт. Во всяком случае, он ставит ребятам уколы в мягкое место до того усердно, что пожилая находит нужным прекратить эту игру. Пожалуй, она права. Тогда они прямо на полянке устраивают игру в больницу — и этот самый Вова забирается под одно одеяло с аккуратистской Наташей: он любит обниматься с девочками. А Костя укутывает Таню. И в том, как он это делает, чувствуется заботливая нежность.

Все лето я не видела игр в войну. До чего же мирное наше время! Лет пятнадцать назад мальчики только в войну и играли. И вдруг игра в войну вспыхнула, разразилась, как эпидемия, захватила все группы, даже девочек, даже малышей. С утра на участке идет пальба, раздаются крики:

— Ты убитый! Ты убитый!

Я не очень понимаю, кто с кем воюет, и нет Шурика, чтобы мне это объяснить.

Потому что Шурик опять уехал автостопом. У него обширные планы — он хочет добраться до Крыма. Может быть, девушка с папой поехала туда?

— Когда же ты вернешься? — спрашиваю я.

— В конце августа, наверное. Помогу вам вещи перевезти в город.

— А ребят увезут двадцать третьего. Ведь мы хотели им устроить отвальную.

Вспомнив об отвальной, он улыбается.

— Главное — лимонад! — говорит он.–Я, когда был маленький, больше всего любил лимонад.

— Так, может быть, ты приедешь к двадцать третьему?

— Постараюсь,— говорит он, не глядя.

Не приедет, конечно.

Он уезжает, не дождавшись Алешиного возвращения, не напечатав фотокарточек, не попрощавшись ни с кем, даже с Таней Серовой. И опять ребята привычно-жалобно тянут:

— А где-е Шу-урик?

Но они уже не ждут его больше. Это просто так, форма разговора.

Война бушует теперь под самыми нашими окнами, один снаряд разбивает стекло на веранде. Холодно. Пора уезжать.

Возвращается Алеша. Мне кажется, что он вырос за эти несколько дней в больнице. Впрочем, все они выросли за лето. И поправились. Алеша, например, по его словам, поправился на целых четыреста граммов. Но както они на нем располагаются незаметно. И — кажется мне это или на самом деле? — он теперь больше ходит, чем бегает. И как будто думает о чем-то своем. Глаза у него все такие же лукавые и блестящие, но что-то появилось в них новое.

— А Шурик хотел ко мне в больницу прийти,— сообщает он мне.— Мне воспитательница говорила. Но он уехал.

— Он уехал на юг,— говорю я извиняющимся тоном.

— Все уехали на юг. И мой папа тоже. Может быть, он там встретит Шурика? И Степанка тоже уехал. Я остался без друга.

Да, Степан уже уехал. Я думала, что отъезд детского сада будет одновременным, веселым, шумным. Ничего подобного. Вот уже неделя, как в лагерь просачиваются родители и потихоньку, крадучись увозят своих ненаглядных детей. Увезли Вову, Андрюшу, красивую Ингу. А Степана с матерью я встретила на остановке автобуса. Он самостоятельно нес какой-то баульчик. Прощай, Степан, солдатик из русской сказки.

К забору подходят Костя и Таня Серова.

— А мой папа тоже поедет на юг и встретит там Шурика,— говорит Таня.

— А когда же Шурик приедет? — спрашивает Костя.

— Не знаю, дружок.

Мы стоим молча, все четверо. Хорошо еще, они не вспоминают о фотографиях.

— Послезавтра я уеду, и он больше меня не увидит! — говорит Таня.

— Но почему же, Танечка? Ты дашь нам свой адрес, и он к тебе приедет в городе.

— Не приедет! — говорит она.

Она устала ждать и надеяться. Но какие слова у нее появились! «Послезавтра»!

И с Алешей мы тоже разговариваем в последний раз.

— А помните,— говорит он,— как мы вас называли: злодеи?

Вот и у него появилось: «а помните». Повзрослел Алеша и уже понял сладость воспоминаний.

— А помните,— говорит он,— как я с дерева упал, а Шурик дал мне яблоко?

Хорошее, видно, было яблоко, если оно ему и теперь вспоминается.

— А за тобой когда приедут? — спрашиваю я.

— Я с воспитательницей поеду,— говорит он.— Бабушке трудно. Мы теперь на новую квартиру переезжаем. Папа получил квартиру, и мы с бабушкой и мамой тоже получили квартиру. Бабушка говорит, это очень хороший район. Там такой воздух, не хуже, чем за городом. Бабушка говорит, для меня и для мамы самое главное — это воздух.

— А бабушка — это мамина мама?

— Нет, папина. Она говорит, мы с ней в этом году будем каждый день заниматься немецким. Я, оказывается, все забыл за лето. А помните, как я вас спрашивал, как по-немецки стол?

И — мечтательно, задумчиво:

— Дер тиш!

И вот никого не осталось за забором. В спальнях заколочены окна. Тишина. На березе вспыхивают желтые листья. Лето кончилось.

Скоро приедет Шурик. Мы не устроили детям отвальной. Мы не записали их адресов. Мы не напечатали их фотографий. Мы вообще ничего для них не сделали из того, что обещали. Шурик их даже на велосипеде не покатал.

А сколько мы могли бы сделать!

Ведь мы были среди них как великаны. Как Гулливеры. Как олимпийские боги.

Мы могли бы, например, купить Алеше ботинки. Так ему и не привезли ботинок до самого конца лета, и он в холодные дни ходил в стоптанных своих белых сандалиях.

Мы могли бы встретиться с Алешиным папой. А почему бы нет? Может быть, это еще можно было бы исправить. Иногда ведь бывает, что можно исправить. Пусть бы они все вместе жили в таком хорошем районе, где воздух совсем как за городом.

И Степану мы могли бы купить молочных конфет в кулечке, а не купили.

Мы могли бы рвать для них яблоки в хозяйском саду — пусть бы сердилась хозяйка. Ведь это какое счастье — сорвать с дерева румяное яблоко и отдать ребенку. Или даже пусть не румяное, пусть зеленое. Разве когда-нибудь можно это забыть — первое яблоко, которое для тебя сорвал добрый Гулливер?

Великаны должны быть добрыми великанами, иначе какой же от них прок?

А мы не были добрыми великанами. Мы были обыкновенными великанами, могущественными, но равнодушными.

Они-то многое для нас сделали, сами того не зная. Кто это сказал: около детей душа лечится? Год у нас был трудный — и все это лето мы лечились, восхищались, радовались.

Когда-нибудь у них у всех появится «а помнишь». Как жаль, что не будут они нас вспоминать как добрых великанов.

И почему же в то длинное-длинное лето мы так и не поняли, что мы всемогущи?

Ведь всего-то и надо было — устроить отвальную, записать адреса, покатать на велосипеде, купить конфет в кулечке.

И попрощаться с маленькой женщиной, Таней Серовой.

ВДОХНОВЕННОСТЬ

Вдохновенность, эта традиционная черта поэта, несомненно, определяет облик Михаила Дудина. Война сформировала его мировоззрение. Военные стихи Дудина волнуют жестокой правдой: «Исходит кровью рваная заря. И от смертей тупеют писаря». Но военные стихи волнуют и неистребимым оптимизмом, истоки которого и в молодости поэта и в молодости его народа. Сквозь дым пожарищ Дудин пронес раненым, но сохраненным задорное мальчишеское, юношеское сердце, для которого восторженность — естественная форма жизнедеятельности.

Романтики! Но кто из нас не трафил
К большим делам, седой простор любя?
В скупых словах анкетных биографий
Мы не законсервируем себя.

В стихах поэта мир встает таким прекрасным, каким его видят дети и влюбленные. Он отзывчив к миру. Он открыт восторженности и удивленности. А все хорошее, как известно, от удивления. И оно не иссякает, потому что перед глазами поэта его мудрый учитель — природа.

Осень проберется между просек
И пойдет по лесу не дыша,
И чего-то тихого запросит
Светлая, печальная душа.
Ты уйдешь по солнечной тропинке
С белою ромашкою в косе.
А леса в огне и паутинке,
В матовой серебряной росе.
Ты увидишь мир, раскрытый настежь,
И ресницы вздрогнут и замрут,
Будто выпьешь радости и счастья
До краев наполненный сосуд...

Михаил Дудин — поэт-солдат. Он хранит память о героях и, вкладывая в свои слова самое драгоценное качество — энтузиазм, утверждает идею преемственности поколений. Дудин горячо ратовал за создание монумента защитникам Ленинграда, за то, чтобы город Ленина был окружен зеленым кольцом.

Говорят, что двигаться за недоступным и есть сущность поэта. Дудина это не устраивает. Он нетерпелив. Как к источнику жизни обращается он к поэзии:

Живую воду с облака пролей ты
В большую чашу голубого дня,
Пока поют серебряные флейты
В моей душе,
Ликуя и звеня.

Михаилу Александровичу Дудину исполнилось пятьдесят, но не иссякла молодая, здоровая энергия его творчества. Стихи поэта по-прежнему покоряют непосредственной силой большого и умного дарования.

В. ШОШИН

В. СЕДОВ

РУКА К ПЕРУ, ПЕРО К БУМАГЕ

РАССКАЗЫВАЕМ О ПРИВЫЧНОМ: ПОЧЕРК

Несколько капель крови было сдано на экспресс-анализ. А тот, у кого ее взяли, тем временем написал под диктовку несколько фраз.

Кровь оказалась нормальной, почерк вполне ясным и, видимо, типичным для писавшего.

— Пейте,— сказал врач,— проводивший этот необычайный эксперимент, и подал обследуемому стакан водки.

По условиям эксперимента, именно этот человек был избран из числа других добровольцев, он не только никогда не пил водки, его организм был чужд алкоголю.

Через двадцать минут снова взяли пробу крови и снова продиктовали несколько фраз.

С почерком творилось что-то неладное. Буквы диктанта становились все расплывчатей и расплывчатей. Но что было поразительно — субъективные особенности почерка не исчезали. Они как бы сопротивлялись натиску развивавшегося опьянения. Почерковед даже средней квалификации сумел бы в случае необходимости установить авторство написавшего.

Это торжествовал физиологический закон о почерковом стереотипе, присущем каждому человеку и неповторимом в своих деталях. Почерковеды говорят: так же как нельзя отказаться от собственной тени, нельзя отречься от однажды написанного.

Само понятие почеркового стереотипа как частное вытекает из павловского учения о стереотипе общего поведения человека. И. П. Павлов подчеркивал, что преодолеть этот стереотип — труднейшая задача. Конечно, он все-таки поддается внешним воздействиям. За это Павлов и назвал его динамическим, подвижным.

Но вернемся к почерку нашего «пьяницы поневоле». Подобные опыты не новость. Влияние алкоголя на поведение человека исследовалось не раз, и всегда оно проявляло себя примерно одинаково. Новость исследований, проведенных в одной из подмосковных больниц, заключалась в том, что здесь использовался неожиданный «свидетель» — почерк.

Динамический стереотип почерка давно служит криминалистике, способствуя раскрытию самых различных преступлений, когда их следами оказывается почерк. Это не обязательно подлоги. Это также инсценировка самоубийства и анонимный донос, шантаж и подделка завещания. Это и загадки, совсем не имеющие отношения к уголовным и гражданским делам. Вспомним, например, исследование почерка генерала Брусилова, которое помогло отвергнуть выдвинутые против него вздорные обвинения.

* * *

...Между одним центральным учреждением и человеком из далекого городка велась многолетняя переписка. Он забрасывал учреждение запросами и предложениями, ему отвечали, хотя часто совсем не были уверены, что разобрались в смысле его писем. Он, к слову говоря, ни о чем реальном как будто не просил и ни на кого конкретно не жаловался. Однажды кто-то все-таки решил послать письма на экспертизу. Они попали к почерковеду — судебному медику В. В. Томилину. Он пришел к заключению, что зряшную переписку затеял психически больной, скорей всего шизофреник.

Вывод этот подтвердился. Через некоторое время в Москву пришел ответ из далекого городка: местная поликлиника сообщила, что у этого человека еще несколько лет назад диагностировали шизофрению с глубоким распадом личности.

Вполне ясно, что точность заключения не явилась результатом гадания на кофейной гуще. Вывод эксперта базировался на итогах исследования сотен образцов почерка здоровых и больных людей. Занимаясь физиологией и особенно патологией письма и почерка, В. В. Томилин, воскресив эту порядком забытую отрасль медицинской науки, проделал огромную работу по систематизации всего того, что в этой области было достигнуто его предшественниками, а также пресловутыми графологами, которых сверхортодоксальные криминалисты подвергли, казалось, окончательному остракизму. Это было явным преувеличением опасностей графологии, хотя немало ее сторонников в действительности занималось гаданием на кофейной гуще. Но, конечно, не все, что было открыто и достигнуто графологией, подлежало уничтожению на свалке лженаук. Одно дело «кофейная гуща» для определения будущего и прошлого по почерку, а совсем другое — попытки проникновения в психику человека.

Воскресив патологию письма, Виталий Васильевич Томилин уже много лет изучает ее особенности, знание которых обогащает не только медицину, но и криминалистику. Этим вопросам была посвящена его кандидатская диссертация.

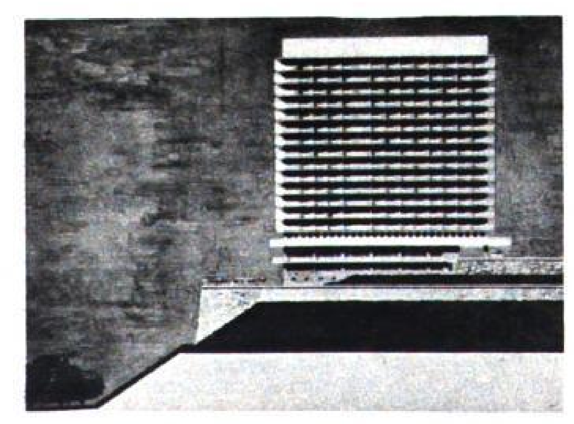
Лаборатория В. В. Томилина — обычный служебный кабинет со шкафами и полками, набитыми бумагами и книгами. Это старые фолианты и труды современников. Это записки самоубийц, письма здоровых и больных людей, школьников и взрослых, дневники и черновики рукописей писателей и поэтов.

* * *

Возраст неизбежно влияет на почерк. Но и в этом случае почер-

---

ДЛЯ ГОСТЕЙ ЮБИЛЕЙНОГО ГОДА

Так будет выглядеть гостиница в Тбилиси для иностранных туристов.

Недавно в Москве закончилась конференция представителей зарубежных туристских фирм и транспортных компаний, сотрудничающих с «Интуристом». Наш корреспондент попросил первого заместителя начальника Управления по иностранному туризму при Совете Министров СССР тов. Никитина С. С. рассказать о целях и результатах этой конференции.

— Прежде всего мы учитывали, что конференция собралась накануне юбилейного, пятидесятого года Советской власти. В 1967 году мы ожидаем много гостей и готовимся к этому основательно. Кроме обычных туристских маршрутов, предлагаем нашим гостям десять новых. Они пройдут по городам, сыгравшим огромную роль в революции и связанным с историей зарождения и развития Советского государства. Прежде всего это, конечно, Ленинград, Москва и памятные ленинские города на Волге — Ульяновск и Казань.

Другие маршруты составлены так, чтобы познакомить зарубежных гостей с союзными республиками, их трудовыми успехами, культурой, искусством.

В будущем году, помимо традиционных фестивалей «Русская зима», «Московские звезды» и «Белые ночи», будет проводиться около двадцати фестивалей, посвященных искусству национальных республик. Торжества и фестивали начнутся с января и закончатся в декабре, так что, когда бы ни приехали к нам гости, они все равно смогут побывать хоть на одном из фестивалей.

Готовятся грандиозная спартакиада по олимпийской программе, театрализованные представления, специальные туристские аттракционы.

Большое внимание, несомненно, привлечет и юбилейная выставка в Москве, которая будет расположена на территории ВДНХ.

1967 год будет знаменателен и тем, что он объявлен Международным годом туризма. Поэтому «Интуристу» придется много потрудиться, чтобы гости чувствовали его заботу и смогли с интересом и пользой путешествовать по нашей стране.

— Само собой разумеется,— сказал в заключение тов. Никитин,— что это только часть наших задач. Предстоит дальнейшее развертывание туристской индустрии. Будет построено много новых гостиниц, мотелей, кемпингов, а затем вырастут и крупные туристские комплексы в наиболее интересных в туристском отношении районах СССР.

Обо всем этом мы проинформировали наших зарубежных коллег и во время конференции вели переговоры со всеми транспортными компаниями и туристскими фирмами, а их было представлено более двухсот двадцати.

УРОЖАИ НА КУПОЛАХ

Здесь, в Выруском районе, находится самая высокая точка Прибалтики, отметка 317 метров над уровнем моря — холм не холм, гора не гора — Суур-Мунамяги. На горбу ее стоит 27-метровая вышка из светлого кирпича. С ее площадки возвышенность Хаанья как на ладони. На десятки километров, пока хватает глаз, в темной зелени елей и в осенней желтизне берез виднеются круглые, куполообразные холмы, по-эстонски они так и называются «куплид» — купола.

Жители Выруского района, большие патриоты своего красивого холмистого края, ведут давний спор с жителями низинной части Эстонии.

— Ничего хорошего нет там у вас внизу, сырость одна...

— А урожаи?— бьют главным козырем те.

Раньше на этом спор и кончался, потому что какие же могут быть на холмах урожаи? На макушках всходы вымерзают и высыхают, в распадках вымокают, а со склонов их постоянно смывают дожди. Испокон веку считалось, что если с боков холма получишь по 6—8 центнеров с гектара, то и отлично. И если теперь в северной и западной части Эстонии колхозные и совхозные поля широки, просторны и урожайны, то здесь они по-прежнему напоминают мелкие заплатки на склонах холмов. Полей совхоза «Мунамяэ», самого «высокогорного» в Эстонии, с вышки и не разглядишь, хоть они находятся буквально под ногами: так малы, что теряются за кустарниками, лесами, за извилинами озера Васкна. И все же урожай с них этой осенью получен нисколько не хуже, чем с остальных эстонских полей: по республике в среднем снято 16 центнеров с гектара, а в совхозе «Мунамяэ» — по 17.

Директор совхоза, молодой агроном Э. Хинн, рассказывает:

— И в предыдущие годы и нынче мы внесли в наши купола хорошую дозу органических и

новый стереотип сохраняется. В. В. Томилин проследил за эволюцией почерка одного писателя на протяжении 70 лет его жизни, с семилетнего возраста, когда он делал первые шаги в правописании. Годы, конечно, наложили свой отпечаток, но корни каждого заметного изменения в почерке можно было найти в предыдущих рукописях. И всегда это был, естественно, почерк только этого человека, так же, как портреты и фотографии разных лет позволяют уловить знакомые черты одного и того же лица.

О прочности стереотипа свидетельствуют очень интересные опыты гипнотизеров. Известный австрийский психиатр Крафт-Эбинг погружал в гипнотический сон свою 33-летнюю пациентку, последовательно внушая, что ей то 7, то 15, то 19 лет. При этом у нее воскрешались особенности почерка тех лет, которые ей внушал гипнотизер. Об этом свидетельствовали взятые для сравнения школьные и студенческие тетради.

* * *

...Человек умышленно искажает почерк. Но эксперт, как правило, сумеет выявить в подделанном почерке то или иное количество признаков собственного почерка мошенника, который не в состоянии полностью преодолеть присущие ему привычные движения. И чем быстрее он пишет не своим почерком, тем чаще будут проскальзывать особенности его собственного письма.

...Дабы выгнать побольше километров, один шофер стал подделывать записи учетчицы в путевых листах. Когда ей предъявили документы, она поначалу затруднилась отвергнуть их подлинность, настолько искусно они были сделаны. Но, хорошенько разобравшись в путевках, учетчица категорически заявила, что их она не выписывала.

Документами занялись специалисты, тщательно изучившие почерки шофера и учетчицы. Совпадений было немало, но микроскопическое изучение записей показало, что почерковый стереотип крепко держал мошенника в руках.

Ученый-специалист найдет хозяина почерка и в подметном письме. Наиболее распространена в таких случаях скорописная маскировка: изменены наклон, размер, иногда связность и разгон. Но так называемые частные признаки изменить не удается. Анонимщик пытается прикрыться почерком школьника, искривляет штрихи в буквах, думает обмануть вычурностью букв, разными хвостиками, завитушками и прочими выдумками. Нередко он подражает буквам печатного шрифта. И чаще всего это тоже оказывается бесполезным. «Родимые пятна» не вытравить: автор их не заметит, но попади подобная рукопись к мастерам почерковедения, таким, например, как Б. И. Шевченко, его ученица А. И. Орлова или В. М. Манцветова и Н. П. Яблоков,— все будет замечено и разоблачено этими виртуозами.

Стереотип дает о себе знать, даже если человек что-либо напишет левой рукой, что, кстати говоря, далеко не редкость. Попытки остаться «неизвестными доброжелателями» легко разоблачают опытные почерковеды. Они хорошо умеют отличить подлинного левшу от неудачливого жулика.

* * *

...По страничкам сорока тетрадей скользили сорок перьев. Строгий педагог требовал, чтобы все первоклассники с первого же урока аккуратно выписывали буквы так, как это показано на доске, чтобы точно соблюдались нажимы, расстояние между буквами, наклоны, чтобы соблюдались и прочие законы чистописания. Школяры старались вовсю, для них это был нелегкий труд — написать букву как надо...

В этом почерковом роддоме в муках появлялся на свет тот самый стереотип, который, словно тень, будет в дальнейшем сопровождать человека всю его жизнь.

Но ведь всех их учили по одному и тому же рецепту, всем предъявляли одни и те же требования, так не будут ли их почерки одинаковы или хотя бы близки друг другу?

Ничуть не бывало. В. В. Томилин скрупулезно изучил тетради, собранные к концу года в каждом классе случайно выбранной восьмилетки. И вот что выяснилось.

Уже в первом классе, невзирая на требовательность учителя и добрые намерения ребят, в каждой рукописи отразились следы индивидуального своеобразия писавших. Жизнь взяла верх.

В общем, оказался прав создатель почерковедения в России Е. Ф. Буринский, сказавший, что всякий «человек пишет так, как ему от рождения писать предназначено», и что школа может придать почерку твердость, красоту, но не в силах бороться с построением его.

320 тетрадок из школы-восьмилетки, иллюстрируя рождение динамического стереотипа, в то же время показали, что детский почерк не спасение для того, кто использует ребенка для своих грязных целей: детский почерк, не сформировавшийся еще окончательно, все же обладает такими индивидуальными особенностями, которые в состоянии распознать эксперт-почерковед. Ведь даже преподаватели чистописания все пишут по-разному!

Но, быть может, почерк передается по наследству?

Е. Ф. Буринский, ряд лет выступавший в качестве эксперта в русских судах в начале XX века, считал, что такая возможность не исключена. Он описал случай из своей практики, когда одного юношу обвинили в составлении подложного духовного завещания его отца — богача генерала. Речь шла о двухстраничном документе, почерк которого, по мнению каллиграфов (так тогда называли почерковедов), был настолько схожим с почерком генерала, что они отказались признать подделку. «Когда юный претендент на миллионы,— писал Е. Ф. Буринский,— написал в камере следователя собственноручно свое показание, мы все были поражены сходством их почерков. Анализ показал, что сходство только внешнее, но на взгляд оно представлялось полным...»

Юноша, как оказалось, не мог упражняться в копировании почерка генерала, так как не знал, что является его сыном, ибо был «незаконнорожденным». Ему удалось видеть почерк отца только раз, да и то незадолго до случившегося.

Значит, наследственность.

* * *

Гете, глубоко изучивший собранную им коллекцию автографов, считал, что характер человека может найти отражение в письме, хотя не верил, что это могут распознать современные ему психографологи. Буринский, перевидавший несметное количество почерков, тоже скептически относился к такой возможности этих лжеученых. Психографологи, как он указывал, «начинают не с того конца». Они как бы «оперируют со страницей решений арифметического задачника, надеясь угадать по числовым ответам содержание соответствующих задач». А надо идти другим путем, надо, писал Буринский, «изучить механизм письмодвигательного аппарата, происхождение письменной речи, обращаясь к анализу только тогда, когда это известно».

В современной науке изучен механизм движения руки, известны условия образования письма. Созданы, следовательно, условия для анализа, о котором мечтал Буринский. Физиология и патология письма и почерка и в самом деле создают начатки для определения особенностей психики того, кто написал письмо. Определив заболевание и зная причины его возникновения, почерковеды-медики могут узнать и частицу прошлого человека и как бы предсказать его судьбу, если иметь в виду последствия болезни. И если рядом с медиком-почерковедом окажется психолог, то, кто знает, быть может, при таком содружестве ученых почерк в действительности сможет дополнить «нравственный портрет» автора изучаемого письма.

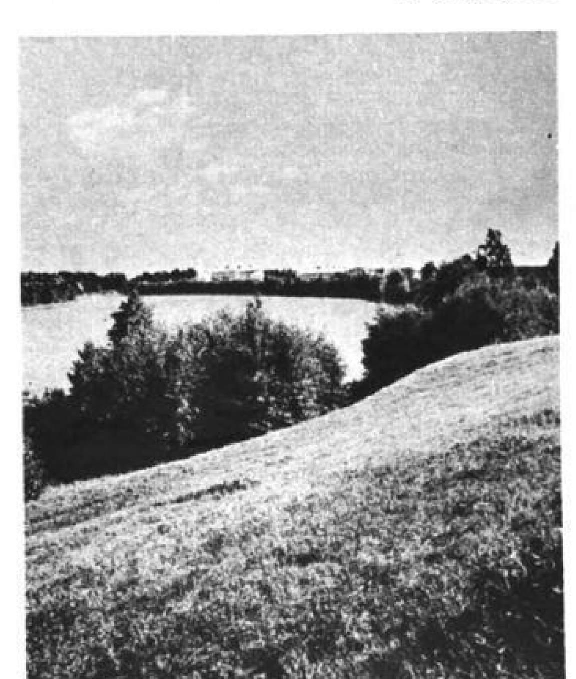
Так неужто начнется ренессанс и для графологии, в которой копошились предприимчивые дельцы-психографологи?

Нет, волноваться нет причин. Развивавшаяся астрономия не реабилитировала астрологов. Нет этой заботы и у современного почерковедения.

Речь идет лишь о дальнейшем научном проникновении в тайны письма и почерка.

минеральных удобрений. Да еще за урожай надо благодарить наших комбайнеров и трактористов. По правде говоря, им ведь на наших склонах и работать-то небезопасно: на крутых, маленьких полях неосторожному ничего не стоит перевернуться и полететь вниз с тяжелой машиной. А наши ребята пашут на уровне самых высоких требований агротехники. Вот мы и считаем: 17 центнеров — только начало больших урожаев на холмах.

Н. ХРАБРОВА

Поле на склоне. Фото В. Сальмре.

Иван Васильевич Сапожков. Фото А. Хатева.

В 1944 году лейтенанта Ивана Сапожкова ночью вызвали в штаб авиационного полка.

— Готовьтесь к полету.

У лейтенанта чуть было не вырвалось: «Куда?» Но он вовремя спохватился и отчеканил: «Есть готовиться к полету!» Иван Сапожков был включен в группу летчиков, переброшенных командованием Красной Армии в тыл врага — в Чехословакию.

Советские штурмовики дислоцировались на лесных полянах в районах Зволен, Banска-Бистрица, Острава. Они наводили ужас на фашистов. Те не могли понять, каким образом в их тылу оказались советские самолеты, бомбившие и обстреливавшие мосты, железнодорожные станции, вражеские эшелоны. Вместе с советскими авиаторами действовали и их чехословацкие друзья.

Коммунист Иван Васильевич Сапожков работает сейчас на Сумгаитском заводе синтетического каучука. Он имеет десять правительственных наград. А недавно ему были вручены награды Чехословацкой Социалистической Республики. За боевые заслуги советский патриот И. Сапожков награжден орденом «Боевого креста» и медалью «За Сопротивление».

Почти 22 года награды искали героя. Искали и нашли.

К. ХРОМОВ

РУКАМИ ЛИТЕЙЩИКОВ

Улан-удэнские литейщики — большие мастера своего дела — отлично освоили не только производственное, но и художественное литье. Они создали много памятников и чугунных скульптур. На улицах, скверах и в общественных зданиях Улан-Удэ стоят отлитые в металле памятники партизанам, погибшим в годы гражданской войны в Забайкалье, памятники, посвященные видным ученым.

Сейчас литейщики работают над изготовлением памятников, посвященных 50-летию Советской власти...

Недавно на заводе выполнили ответственный заказ Министерства культуры Бурятии — отлили из чугуна бюст соратника В. И. Ленина, революционера Ивана Васильевича Бабушкина, расстрелянного царскими карателями на станции Мысовая в 1906 году. Бюст будет установлен на одной из центральных улиц Улан-Удэ, носящей имя Бабушкина.

Д. БАЛДАНОВ

Вл. ВОРОНОВ

ХОКУСАЙ— ПРОЖИВШИЙ ВЕЧНОСТЬ

Так подписывал свои последние работы почти 90-летний художник. В этих словах нет самолюбования или претензии на бессмертие, здесь высокая требовательность великого мастера к своему труду, понимание беспредельности творческого движения. Есть в этой подписи и лукавый взгляд жизнелюба, дерзавшего спорить с вечностью, противопоставляя разрушительному времени создания человеческих рук.

ОДЕРЖИМЫЙ РИСОВАНИЕМ

Прожив три четверти века, художник писал:

«С шести лет мной овладела страсть рисовать все предметы. В 50 лет я выпустил значительное количество произведений всякого рода, но ни одно из них не удовлетворяло меня. Настоящая работа началась к 70 годам. Настоящее понимание природы пробуждается во мне теперь, в 75 лет; поэтому я надеюсь, что в восемьдесят лет я достигну известной силы проникновения, которая будет развиваться далее, до моих 90 лет, и в сто лет я смогу гордо заявить, что мое понимание совершенно художественно. И если бы мне было суждено прожить 110 лет, я надеюсь, что жизненное и правдивое понимание природы будет сиять из каждой моей линии и точки».

При такой требовательности к себе Хокусай успел сделать много: пятнадцать томов рисунков «Манга», трехтомное издание «Сто видов Фудзи», 12-томная «История Будды», иллюстрации к 90-томному «Соокаден» (история одного из литературных героев), знаменитые серии видов Фудзиямы (36 листов), «Водопады» (48 листов) и еще многое, подписанное различными псевдонимами — их было у художника около пятидесяти. Недаром некоторые свои произведения Хокусай подписывал: «Старик, одержимый рисованием».

Рисование было для него почти манией. Он стал величайшим рисовальщиком в стране, где рисованием увлекается почти каждый, где сама письменность — предмет высокого искусства. Иероглифы, начертанные знаменитыми художниками на вратах храмов, на общественных зданиях, вызывают восхищение и благоговение нескольких поколений японцев. Для европейских и американских художников середины прошлого века открытие японского искусства, испытанное при этом потрясение связаны были прежде всего с именем Хокусая.

ВЕТКА ЦВЕТУЩЕЙ ВИШНИ

Трудно двумя словами передать обаяние японского искусства; может быть, потому, что оно на протяжении многих веков развивалось независимо от европейской культуры и выработало совершенно особый художественный мир. Артистизм кисти? Поэтичность линии и ритма? Чистота цвета? Всё это, конечно, есть у японских художников, и на первых порах именно эти качества привели в восторг ценителей живописи. Прошло почти сто лет с тех пор, как японская гравюра и живопись вошли в художественное сознание Европы и Америки, и постепенно искусство островной страны открывает неведомые ранее духовные глубины. Оно волнует своим сосредоточенным раздумьем о месте человека на земле, о смысле его жизни, причем всегда оставляет громадный пласт невысказанного, еще не познанного... При всей символичности образов (зеленые побеги бамбука, черепаха, кукушка и т. п.) оно понятно каждому, так как обращается непосредственно к человеческому чувству. Но чтобы полнее ощутить очарование японского искусства, нужно на минуту представить себе своеобразный мир, породивший это искусство.

Японские писатели и художники издавна опоэтизировали каждый уголок своей страны: марево туманов, скрадывающих вершины гор и морские дали, причудливые карликовые сосны, которым по 250—300 лет, мост Обезьян и вишневые рощи Овари, головокружительные водопады, грохочущие по уступам, и знаменитые пони в Суминойе; крошечные, тщательно возделанные садики с цветущими хризантемами и громадные растения Фуки... Все это — объекты долгого любовного созерцания и восхищения — преображалось фантазией поэтов и живописцев, воплощалось в стихи и картины, чтобы создать прочную художественную традицию, вошедшую в быт жителя страны.

Поэту древней Японии принадлежат строки:

> Я в весеннее поле пошел за цветами,
> Мне хотелось собрать там фиалок душистых,
> И поля
> Показались так дороги сердцу,
> Что всю ночь там провел средь цветов до рассвета!

Каждый японский мастер, любуясь тончайшими переливами чешуи золотых рыбок или цветущими глициниями, старался запомнить игру линий и красок, чтобы потом воспроизвести их на бумаге. В течение целого тысячелетия, начиная с восьмого века, японские художники не рисовали с натуры; они полагались на память и воображение. Если живописец Киото и Эдо (так назывался раньше Токио) хотел нарисовать птицу с куском мяса, то начинал он не с общих контуров, как принято у европейцев, а с самого интересного для себя — с птичьего глаза. Сверкающий черный глаз вороны, устремленный на кусок мяса,— вот что прежде всего помнит художник, и первыми же ударами кисти по натянутому шелку он изображает глаз. Шея, ноги, крылья — все возникает потом, из этого впечатления от блестящего глаза... Вы можете прервать работу живописца в любой момент и увидите, что в той части, которой коснулась кисть художника, картина совершенно готова, каждая нанесенная линия сгармонирована. Этот артистизм, внешняя легкость исполнения — результат изнурительного, каждодневного труда по освоению приемов, выработанных целыми поколениями мастеров. Не случайно многие художники Японии вплоть до XIX века специализировались на одном-двух изобразительных мотивах. Одни мастера всю жизнь рисовали цветы и птиц, другие — горы и воды, третьи изображали только женщин, проводя бо́льшую часть времени в увеселительных зеленых домиках токийского района Ёсивара. Например, знаменитый современник Хокусая — Утамаро прославился как певец женской красоты; известен художник, многие десятилетия рисовавший ветви цветущей вишни... Живопись цветов и птиц, гор и воды, борцов сумо и зверей, актеров и женщин — все это было возвышенно, полно значения.

СУЕТНЫЙ, СУЕТНЫЙ МИР...

К тому времени, когда трехлетний Хокусай, родившийся в бедной крестьянской семье, был отдан на воспитание к зеркальных дел мастеру Накадзиме Исе, в японской живописи и гравюре возобладала художественная школа укие-э, изображавшая реальную жизнь простого люда, купцов и ремесленников Эдо (Токио). Академик Н. Конрад сорок лет назад красочно описал процесс пробуждения третьего, городского сословия в Японии XVIII века и развития нового искусства, крупнейшим мастером которого стал Хокусай.

У горожан, писал исследователь, «в один прекрасный день как бы открылись глаза; они проснулись и увидели, что вселенная (тэнка) стала принадлежать не кому иному, а именно им... Всю бодрость и жизнерадостность становящегося сословия они перенесли на картину того мира, что теперь оказался перед ними, в их обладании. Это был уже не тот укие — «суетный мир», «горестный мир»... Вместо «суета — скорбь» они начали понимать его как «веселье — гульба». Мир греха и печали превратился для них в мир радости и удовольствия. Знаменитый японский живописный жанр.., так называемый «укие-э», «картины укие», именно и передает во всех подробностях этот живший интенсивной жизнью и предающийся неудержимому веселью мир».

Впрочем, в первую половину своей жизни Хокусай испытал не много веселья. В 10 лет он ушел от приемного отца, работал разносчиком в книжной лавке, затем резчиком гравюрных досок, подмастерьем. Почти до сорока лет продолжалось его ученичество. Тогда же он начал писать стихи, рассказы, романы. Некоторые современники находили их даже превосходными. Очевидно, это так, ибо Хокусай подвергся травле со стороны профессиональных литераторов, увидевших в гравереподмастерье своего конкурента, и тому пришлось навсегда оставить писательство. Ему и позже не очень везло с литераторами. Друг художника, известнейший в то время романист Бакин, разругался с Хокусаем, увидев, что иллюстрации к его сочинениям лучше, чем сами сочинения. О книгах Бакина японские исследователи говорят, что в них было все: авантюрный сюжет, назидательный слог, фантастические образы,— не было только одного — живых людей.

В самом начале XIX века Хокусай уходит от учителей и вкушает тяготы самостоятельной жизни. Положение художника в Японии тех лет незавидное: он числился чуть ли не в одном ряду с бродягой. Гравюры кормили плохо: они продавались за гроши. В каждом японском доме — на ширме или стене — висела гравюра, которая быстро пылилась, старела, и ее заменяли новой. Это подлинно народное искусство, проникшее в быт, но художникам от этого не было легче. Правда, в свои сорок лет, заканчивая ученичество у Кацукавы Сюнсё, Хокусай приобрел славу отличного мастера суримоно, поздравительных открыток, украшенных рисунками. В 1809 году у него уже 20 учеников, множество заказов, так что его кисть, как писал современник, не знала покоя.

Кацусика Хокусай. 1760—1849. Гравюры из серии «36 ВИДОВ ФУДЗИ».

К. Хокусай. ВОЕНАЧАЛЬНИК МИНАМОТО ЁРИМАСА. 1847.

ДИКИЕ ГУСИ И ЛАСТОЧКИ.
1815.

ЖЕНЩИНА
С МОСКИТНОЙ СЕТКОЙ.

К. Хокусай. Гравюры из серии «36 ВИДОВ ФУДЗИ».

«МАНГА»

По пути в город Нагоя, куда Хокусай в 1812 году отправился, чтобы проведать некоторых своих учеников, художник делает многочисленные дорожные зарисовки, заносит в альбом все, что видит вокруг: бытовые сценки, пейзажи, портреты, архитектурные ансамбли, растения и прочее. Ученики, рассматривая рисунки, а их набралось более трехсот листов, предложили издать альбом как учебное пособие для начинающих художников. Хокусай не предполагал тогда, что в Нагое рождался замысел будущего пятнадцатитомного труда «Манга», ставшего делом его жизни.

«Манга» в переводе с японского — «зарисовки», «наброски». Выход первого тома убедил издателей и художника, что альбом имеет громадный успех. Каждый выпуск сопровождался предисловием известных литераторов; недавно все пятнадцать предисловий впервые переведены на русский язык Аллой Коломиец, написавшей обстоятельное исследование о «Манга». Во вступлении ко второму тому, в частности, говорилось:

«Изображения людей особенно очаровательны: грациозные фигуры важных персон; грубые, простые крестьяне, напыщенные синтоистские монахи; буддийские монахи в строгих, возвышенных позах; умные лица учеников; самодовольные врачи: чувственные гетеры; страстные любовники; сгорбленные старцы; ползающие младенцы; крестьяне на рисовых полях; картежник, лодочник, кучер, кормилица, повивальная бабка, слуга, беременная женщина, красильщик, кровельщик, кузнец, чертежник, маляр, торговец, духовное лицо, гравер, привратница, борец сумо, сцены утреннего туалета и приготовления пищи — все сословия, множество людей в разнообразных ситуациях, занятых своим делом».

Поистине целый мир открывался в рисунках Хокусая. «Манга» стала великим художественным открытием, подлинной энциклопедией японской жизни первой половины XIX века. Современники писали, что «число желающих приобрести рисунки Хокусая было так велико, что в результате цена на бумагу в Эдо значительно поднялась». В этой полушутливой фразе — общественное признание гениального художника, показавшего соотечественникам поэзию, неисчерпаемое богатство и контрасты окружающей жизни. Можно понять новаторское значение «Манга», если вспомнить, во-первых, что рисунки делались в основном с натуры, а не по памяти, что само по себе было необычно, и, во-вторых, универсальность охвата жизни, свойственную художнику. Но решающим было, конечно, неподражаемое мастерство рисунка. На недавно закрывшейся московской выставке произведений Хокусая можно было любоваться листами из «Манга»: изящные росчерки кисти передавали сложные движения человеческого тела; кропотливые рисунки растений и насекомых воспроизводили мельчайшие характерные детали... Справедливы слова поэта-современника о том, что в «Манга» изображено все, что живет под солнцем.

Последний, пятнадцатый том «Манга» вышел уже после смерти художника. Пожалуй, одного издания «Манга» достаточно, чтобы обессмертить имя его автора. Но Хокусай одновременно работал и над сериями станковых, классически законченных гравюр: «100 видов Фудзи», «36 видов Фудзи», «Водопады»; иллюстрировал многочисленные религиозные и беллетристические издания.

СВЯЩЕННАЯ ФУДЗИ

Особого внимания заслуживают первые две серии, связанные со священной горой Фудзи, «о которой мечтают все женщины и поэты». Созерцание Фудзиямы, ставшей излюбленным символом японского народа, помогло Хокусаю проникнуть в глубинные пласты народной жизни, почувствовать истоки национального самосознания. Из названий серий не следует, что все гравюры являются пейзажами и показывают одну лишь гору в различные времена года, в разные часы дня и ночи, хотя и это могло стать самостоятельной художественной задачей. Чисто пейзажных гравюр в серии немного; они доказывают, что в творчестве Хокусая пейзаж-гравюра впервые в японской ксилографии стала оригинальным жанром. Размер их невелик, на репродукциях они уменьшены всего в полтора раза.

Однако и в серии видов Фудзи Хокусай верен себе: его интересует жизнь народа в самых будничных проявлениях. А священная гора? Что ж гора, она в одних гравюрах едва просматривается на горизонте, как в «Волне», воспроизведенной на наших вкладках. В других рисунках она окутана туманами или видится в окружности большой бочки на первом плане, которую ладит трудолюбивый бондарь. Или проглядывает между расставленными ногами пильщика. Просматриваешь лист за листом серии «Фудзи»: маленькие, с любовью и улыбкой нарисованные люди трудятся, окруженные загадочными и величавыми стихиями воды, земли и неба; люди суетятся, пытаясь противостоять могучим силам природы, но те же самые люди, осознавшие себя разумной частицей природы, учатся укрощать еще далеко не подвластные им силы. Художника не удовлетворяет какой-то однозначный ответ на труднейшие вопросы жизни: человек и стихия, человек и время. Казалось бы, такие хрупкие создания, как японские дома, дороги, храмы — сколько лет они могут простоять? Тысячу лет, ну, две тысячи лет, а дальше? Но упрямый человек, этот простой, такой слабый человек не приходит в отчаяние; он хочет жить на земле и собирая хворост для домашнего очага, высаживая рисовую рассаду, задумчиво созерцая первый осенний снег или сверкающую шапку Фудзи; вылавливая рыбу или распиливая огромные деревья,— человек творит нечто значительное, обживает неуютную планету.

Вот знаменитая «Волна» (ее точное название — «В морских волнах у Канагава»), обошедшая весь мир. Об этой гравюре написаны сотни исследований; ей одной посвящена целая книга Ф. Кауфмана, вышедшая в Берлине. Разыгравшаяся стихия воды и неба; не сразу замечаешь скользящие по волне легкие японские лодки с прижавшимися к сиденьям людьми, которые осмелились выйти в море. Что может сделать человек в единоборстве со страшной стихией, перед лицом этой величественной, холодноватой красоты Фудзи? Хокусай видит самоценность природы, внешнего мира, устойчивого, вечного, хотя и постоянно изменчивого...

В этом мире много опасностей и риска, но человек хочет жить в нем, ибо другого у него пока нет. Иногда этот мир страшен, но люди трудом своим, неутомимым, беспрестанным трудом миллионов предшественников вырвали у природы немало прекрасных открытий, и людские руки не опускаются при мысли о не познанных пока силах мироздания.

«КЛАНЯТЬСЯ НЕ НАДО...»

В искусстве есть вещи, трудно выразимые словами. Давно замечено, что эстетическое содержание произведения Искусства намного превышает способность человека воспринять его (отсюда неоднократное перечитывание любимых книг, созерцание любимых картин). Современная эстетика (А. Моль) вводит понятие «степеней свободы» в понимании произведения искусства. Особенно наглядно «пространство степеней свободы» обнаруживается в различных исполнительских трактовках одного и того же музыкального произведения. Они объясняются не только различием эстетических вкусов, но и богатством содержания, заложенным в художественном произведении. Так с годами углублялось понимание шекспировского «Гамлета».

«Волну» Хокусая можно рассматривать как обычное изображение людей, попавших в беду. Обычное ли — вот вопрос.

Альбер Швейцер в превосходной книге об Иоганне Себастьяне Бахе сделал интереснейшее наблюдение. Сравнивая партитуры хоралов, месс гениального композитора с произведениями его современников, рядовых музыкантов, Швейцер писал, что они почти ничем не отличаются в принципах композиции, полифонии, но баховские вещи звучат как откровение, а другие — как искусные ремесленные поделки. Во времена Хокусая каждый грамотный японец мог написать стихотворение из трех строчек — хокку, но проверку временем выдержали немногие. Вот одно из них — поэта Басе (XVII век).

Как безмолвен сад!
Проникает в сердце скал
Тихий звон цикад.

Школа укие-э насчитывала более четырехсот художников, в разной мере одаренных, а пережили столетия произведения четырех-пяти мастеров. Жанр какемоно — удлиненных по вертикали живописных произведений на шелку или бумаге — весьма распространен в японском искусстве XVIII—XIX веков. Три какемоно воспроизводятся на центральной вкладке. Традиционен самый выбор сюжета: военачальники, красавицы, птицы. Но посмотрите, как подчеркнуто жестка линия, контрастна цветовая гамма в портрете военачальника, устойчива и угловата композиция, призванная выразить силу и мощь самурая. Та же самая линия становится текучей и грациозной в портрете красавицы, подвязывающей занавес из прозрачного зеленого шелка. Изящное движение молодой женщины передано переливающимися складками кимоно; вы следите за этим волнообразным контуром, одна пола кимоно вновь возвращает глаз к тяжелому убранству головы, выполненному по одному из 14 классических типов прически, известных красавицам столицы. И сколь беспокойна в своей асимметрии композиция среднего какемоно: вы будто слышите, как со свистом обрушиваются дикие гуси на беззащитных ласточек. Движения гусей при внимательном рассмотрении не повторяются, можно говорить даже об оттенках характеров двух птиц, единых в агрессивном порыве.

Сравнив живопись Хокусая с произведениями других художников, можно убедиться, что искусство большого мастера способно, казалось, в самых обычных формах выразить самое сокровенное, неповторимое. Хокусай писал ученикам: «Если собираешься что-либо нарисовать, то оставь всякие высокопарные теории, а лучше в каждую изображенную тобой форму вложи свою душу». Наверно, в этих словах — разгадка того, чем отличается настоящее от поддельного в искусстве...

Вот почему, видя острые характеристики на полотнах Эдуара Мане, его сияющую живописную маэстрию, вы вспоминаете японских мастеров. Мане, впитавший традиции Веласкеса и Гойи, после знакомства с гравюрами далекой страны по-новому, с неожиданной свежестью воспринял картины родной Франции.

«Симфония в белом № 1» Уистлера стала сенсацией в 1862 году благодаря творческому переосмыслению уроков японских художников. А Ван Гог, этот суровый моралист, преклонявшийся перед Рембрандтом, с детской непосредственностью восхищался бесстрашием в сопоставлении красочных контрастов, первозданной чистотой цвета токийских живописцев. «...Кто любит японское искусство,— писал Ван Гог,— кто ощутил на себе его влияние — а это общее явление для всех импрессионистов,— тому есть смысл отправиться в Японию, вернее сказать, в места, равноценные Японии».

Давно прошло то время, когда в японском классическом искусстве видели лишь экзотику. Сегодня оно составляет неотрывную часть художественного опыта человечества, проникая тысячами путей в духовную культуру пяти континентов, воздействуя на нравственный облик нашего современника. В произведениях Хокусая запечатлен один из высочайших взлетов творческого гения человека. И хотя на дверях дома этого веселого, неунывающего художника были написаны шутливые слова: «Кланяться не надо, подарков не принимаю»,— люди земли сегодня воздают должное мастеру Хокусаю из токийского предместья Кацусика.

Юрий ЖУКОВ

Фото автора.

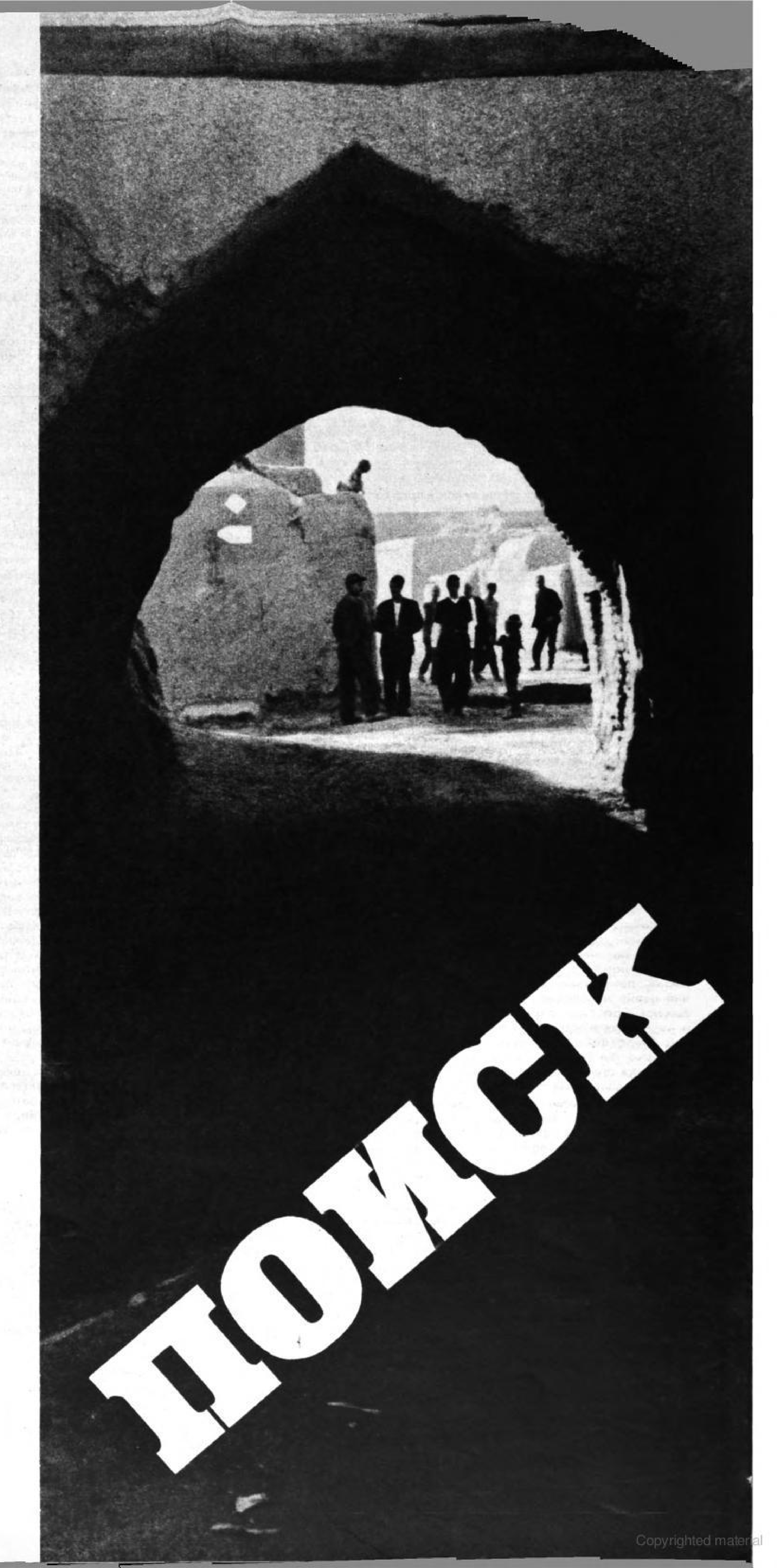
Ранним утром, в половине пятого, нас будит муэдзин. С ближайшего минарета он спешит сообщить нам, что нет бога, кроме бога, и что только Магомет — пророк его. И сразу же в соседнем гараже начинают фыркать и откашливаться могучие грузовики. За зеркальным стеклом широкого окна отеля в розовато-перламутровом небе голубеют стройные силуэты небоскребов, сооруженных из стали, бетона, алюминия и пластмассы. Из-за угла доносится жалобный, какой-то скрежещущий крик осла, который тащит на себе тяжелые вьюки, набитые спелыми, растрескавшимися дынями. Пробежали веселой стайкой черноволосые девчонки в темных форменных платьицах, с портфелями для книг. Не спеша прошагал пожилой дяденька в черной фетровой шапочке, с мешком за плечами, протяжно распевая свое: «Ста-арые вещи покупа-а-аю». Бородач несет измятый самовар: «Паяю, чиню, будет, как но-о-вое». Он отскакивает на узкий тротуар, уступая дорогу «бьюику» модели 1967 года, за рулем которого сидит свежевыбритый господин в современном костюме.

Где мы, в каком краю, в каком столетии?.. Две недели живу в Тегеране, езжу, летаю над страной, в которой нахожусь впервые, жадно вглядываюсь в ее удивительные черты. «Свет вечерний шафранного края, тихо розы бегут по полям»,— писал когда-то Есенин, мечтавший о Персии, но так и не добравшийся до нее. Жаль, конечно, но розы здесь по полям не бегут — их выращивают лишь в немногих садах люди, у которых вдосталь воды, а она ценится так дорого. «Золото холодное луны, запах олеандра и левкоя. Хорошо бродить среди покоя голубой и ласковой страны...» Нет, и запаха левкоев не чувствуется, да и страна пока еще не стала ни голубой, ни ласковой. Но и небоскребы отнюдь не являются доминирующей чертой в пейзаже Ирана.

Две недели — это и много и мало. Достаточно много, чтобы в памяти, словно на фотопленке, отпечатались резко и сильно впечатления от увиденного. И слишком мало, чтобы можно было с уверенностью судить о большой и сложной стране, которая в будущем году отметит два с половиной тысячелетия своей государственности: она ведет отсчет своих дней со времен грозных монархов Кира и Камбиза, Дария и Ксеркса, которые держали в страхе и трепете всю Западную Азию, Египет, Эфиопию и Элладу.

Отгремели века и тысячелетия, обжигающей бурей пронеслись над этими выжженными беспощадным солнцем плоскогорьями полки Александра Македонского и римские легионы, конница сельджуков и грозные полчища монгольских завоевателей, войска Тимура и армии арабов. На долгие столетия исчезали, как бы теряясь в песках, иранская культура, язык, государственность; рушились в прах столицы; погибали поля; умирали целые племена — и вдруг вновь, словно былинка в сухом поле, прорезалось свое, национальное, родное; и опять оживала пленительная гортанная речь фарси, звенели звучные строфы Фирдоуси и терпкие строки Хайяма; мудрые астрономы следили за тихим движением звезд, и терпеливый крестьянин, словно неутомимый крот, прокладывал под окаменевшей землей на десятки километров путь прохладной воде от предгорий в сухую степь.

Долгая и трудная история научила этот народ несравненному терпению и упорству, и сегодня, две с половиной тысячи лет спустя после завоеваний Кира, двадцать четыре миллиона людей, населяющих эти выжженные

Деревни, окруженные глинобитными стенами, и сегодня выглядят так, как они выглядели в средние века.

плоскогорья, горы и котловины, изобилующие руинами древности, упрямо продолжают трудный поиск своей судьбы. И как ни тяжко это осознать, им приходится, в сущности, еще раз начинать все с самого начала: превратности злой судьбы оставили Ирану очень и очень немногое от того, что было свершено отцами и праотцами.

Летишь над страной, и жутковато становится на душе: лишь изредка увидишь зеленое пятнышко, куда ни глянь — острые, морщинистые голые горы, серо-рыжие каменные осыпи, зловеще растрескавшиеся долины. Из пятидесяти миллионов гектаров пригодной к обработке земли используется лишь двенадцать, а из этих двенадцати ежегодно шесть остается под паром. Ирану приходится ввозить из-за границы даже хлеб и рис. Неслыханными богатствами наделила природа недра этой страны — в ее подземных кладовых плещут огромные маслянистые моря великолепной нефти, недвижно лежат богатые залежи каменного угля, железа, серы, марганца, свинца, цинка, золота, серебра, урана. Но из всех этих богатств пока по-настоящему используется только нефть: по ее добыче Иран занимает нынче третье место на Ближнем и Среднем Востоке, после Кувейта и Саудовской Аравии, да и то на долю хозяев нефти приходится лишь половина дохода, а остальное отнимает ненасытный международный нефтяной консорциум — главным образом американцы и англичане.

Труден, подчас мучителен бывает поиск новой судьбы, и каждая страна должна пробиваться к ней сама: никто ее не облагодетельствует со стороны. По-моему, это начинают понимать в Иране, и очень-очень важно спокойно и беспристрастно, с хорошим соседским благожелательством приглядеться к тем глубинным процессам, которые там происходят в последние три-четыре года.

Во-первых, здесь, как мне это представляется, поняли, что для того, чтобы открыть двери в завтрашний день, надо расквитаться с днем вчерашним. Я уже писал в «Правде» о том, что делается сейчас для того, чтобы покончить с отсталостью Ирана в области промышленности. Теперь мне хочется поговорить о том, что происходит в иранской деревне. Ведь эта страна пока что в основном страна крестьянская, и горьким, реальным фактом является то обстоятельство, что во вторую половину двадцатого века иранская деревня вступила такой, какой она была тысячи лет назад.

Крестьянство Ирана, составляющее три четверти населения страны, до самых последних лет оставалось в прямой зависимости у феодалов и зачастую получало за работу лишь одну пятую плодов своего труда. Почему же именно одну пятую? Да потому, что до сих пор действовало средневековое правило, в соответствии с которым подсчитывалось пять элементов сельскохозяйственного производства: земля, вода, семена, орудия труда и сам труд, и поскольку нищий крестьянин, как правило, мог предложить лишь свой труд, а все остальное принадлежало помещику, он получал только пятую долю урожая, выращенного им с таким трудом.

Феодалы часто даже не знали, где находится их земля. Они жили где-нибудь во Франции или в Италии, и их управляющие посылали туда доходы, выколоченные из крестьян. Помнится, я видел в пятидесятых годах в Монте-Карло, как эти холеные господа проигрывали в какие-нибудь пять минут в рулетку то, что зарабатывали за год их безымянные рабы в далеком пыльном Иране.

Нынче этим феодальным порядкам приходит конец — наступила аграрная реформа. Сразу же оговоримся: конечно, земельный вопрос здесь решается не столь радикально, как это было сделано в социалистических странах. Не будем забывать: Иран был и остается страной монархии и частной собственности. И все же то, что здесь делается в области земельных отношений, означает существенный шаг вперед на пути к современной жизни. Возможно, многим из сильных мира сего, близких к рулю управления Ираном, не по душе то, что делается сейчас, но сама жизнь заставляет рвать со старым, отжившим, прогнившим.

Было так: землей владели семья шаха, церковь и помещики, а крестьянин, веками обрабатывавший эту землю, оставался нищим. Из более чем пятидесяти тысяч иранских селений десять тысяч принадлежали крупным земельным собственникам — у каждого свыше семи деревень, а у иных и по семьдесят, по сто, по полтораста. В руках этих крупных землевладельцев — их называли в Иране английским словом «лендлорды» — было 70—80 процентов обрабатываемых полей, и от них зависела жизнь и смерть 75 процентов всего сельского населения.

На первом этапе было ограничено именно это, крупное землевладение: лендлордам было предложено **продать** государству свои земельные «излишки», им оставляли «только» по одной деревне. Государство расплачивалось с лендлордами так: подсчитывали, сколько поземельного налога они должны были бы выплатить за свои имения государству за сто лет, и возмещали им эту сумму (десять процентов деньгами, девяносто процентов платежными расписками, которые они могли обменять на акции принадлежавших государству промышленных предприятий; в результате эти предприятия становились частными или смешанными — ради проведения аграрной реформы приносилась, таким образом, в жертву государственная индустрия, а перед лендлордами открывалась перспектива превращения в промышленников). Справедливости ради следует отметить, что при этих подсчетах строго учитывались недоимки. Надо сказать, что лендлорды, на протяжении столетий чувствовавшие себя князьями в своих уделах, как правило, не считались с государственными интересами и часто налогов не платили; теперь, пользуясь случаем, с них взыскали всю задолженность до копеечки. И все-таки выкуп за землю лег тяжелым бременем на государственную казну.

Этот первый этап реформы завершился 22 сентября 1963 года; всего было выкуплено 14 266 деревень. Земля, приобретенная государством у короны, церкви и феодалов, была роздана 581 817 крестьянским семьям (2 762 812 человек). Им было сказано: до сих пор вы обрабатывали эти поля как наемные рабочие, теперь вы будете работать на них как хозяева. Но вам придется возместить казне ее собственность — двадцать процентов стоимости, оплаченной государством помещику, мы скостим, но восемьдесят процентов вы должны будете выплатить на протяжении двадцати пяти лет...

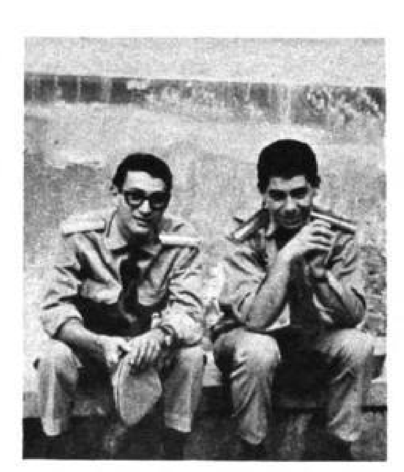
В феврале 1965 года начался второй этап реформы: надо было решить судьбу имений помещиков, каждый из которых владел одной деревней, а таких ведь было подавляющее большинство. Им оставляли теперь не более 30—150 гектаров, в зависимости от того, что это за земля, какова степень пригодности ее для обработки, орошается ли она или нет. Что же касается остальной земли, то помещику предлагалось на выбор три решения: либо добровольно поделиться «излишками» с крестьянами, либо продать эти «излишки», либо сдать их в аренду. Нетрудно догадаться, что большинство помещиков — девяносто процентов! — предпочло третье решение: аренду. Все-таки земля остается своей... Так свыше миллиона крестьянских семей стали арендаторами; договоры были заключены сроком на тридцать лет, но каждые пять лет договоры эти должны возобновляться.

Этот второй этап уже подходит к концу; как заявил руководитель организации по проведению земельной реформы, работа завершена на 98 процентов, остались нераспределенными лишь небольшие участки земли в провинции Фарс, в районах Кермана, Бушира и Исфагана. На этом втором этапе реформа охватила 49 139 деревень и 16 765 ферм, причем в той или иной форме на новые поземельные отношения были переведены 2 214 639 крестьянских семей (11 025 235 человек). Отныне крестьянам Ирана предстояло начать новый этап в своем многотрудном существовании, и перестройка эта была нелегка, если вспомнить, что у подавляющего большинства нет ни сельскохозяйственного инструмента, ни семян, ни денег. А тут еще предстоят платежи за землю. Да если бы каким-то чудом и удалось одолжить где-нибудь деньги, как обеспечить современное ведение сельского хозяйства на разрозненных клочках? «Раздел пахотных земель на мелкие клочки противоречил бы современной практике, когда сельское хозяйство ведется на основе больших хозяйств», — справедливо написала 27 сентября 1966 года тегеранская газета «Кейхан».

Так сама жизнь поставила в порядок дня вопрос о производственном кооперировании сельского хозяйства. В деревнях вокруг Казвина нам много говорили об этом. Сообща можно и трактор приобрести, и воду дать полям, и обработать землю как полагается. Сколько еще можно мириться с урожаем в восемь центнеров с гектара? Его нужно по крайней мере удвоить, чтобы покончить с нищетой! И вот уже в Иране создано 6 865 кооперативов, охвативших 851 049 семей. Крестьяне, понатужившись, внесли в них свои паи — 850 миллионов риалов, да центральная организация сельскохозяйственных кооперативов одолжила им 1 947 миллионов. Это, конечно, не бог весть какие капиталы: ведь трактор, к примеру, стоит нынче от 166 до 500 тысяч риалов. И все-таки это какая-то отдушина, какой-то выход для крестьян...

Наступает третий этап реформы: техническая реконструкция сельского хозяйства, внедрение прогрессивных методов обработки земли, укрепление кооперативов, применение химических удобрений, более экономичное использование водных ресурсов, строительство дорог, перевод кочевых племен на оседлый образ жизни. Ставится задача удвоить сельскохозяйственное производство.

Так начинаются перемены в тысячелетней персидской деревне. О, конечно же, о сельскохозяйственной реформе Ирана можно много спорить, можно ее всячески критиковать: зачем правительство платит помещикам выкуп за землю; зачем крестьян обязывают возме-

Сержанты Корпуса образования Амир Эмади и Киван Эбраими.

Президент Академии наук Таджикистана М. С. Асимов на хлопковом поле в районе Казвина.

Встреча с иранскими трактористами в районе Казвина.

щать государству стоимость земли, которую они обрабатывают с незапамятных времен; как пойдет дальнейшее развитие деревни — ведь бедняки будут разоряться все сильнее, а рядом с ними возникнет кулачество. И все-таки не будем упускать из виду главное: то, что происходит сейчас в Иране,— это отказ от феодального землепользования, а значит, это шаг вперед по пути общественного развития. И еще: вот вам цифры — в 1963—1964 годах Иран произвел 2 468 140 тонн пшеницы, а в 1965—1966 годах—3 600 000. И это в условиях ужасающей технической бедности (на тысячу гектаров — один трактор!) и агротехнической безграмотности. Стало быть, новое все же прокладывает путь?

Люди, занятые проведением аграрной реформы, несут на себе тяжкое бремя — они знают почем фунт лиха, хотя рассказывают об этом скупо и неохотно. С одним из них, Амине Мадани, руководителем сельскохозяйственного управления Тегеранской провинции, мы ездили в Казвинское губернаторство поглядеть, как проводится реформа. Высокий, стройный, с седыми висками, он отдал двадцать три года работе в сельском хозяйстве и только теперь начинает ощущать кое-какие результаты своего труда.

— Конечно, было очень трудно,— лаконично замечает наш спутник.— В эти три года я спал по три часа в сутки, семью свою совсем не видел. Если бы сам шах, его мать и брат не продали первыми свои земли, ничего сделать не удалось бы. Помещики очень цепко держались за землю. И церковь тоже. Вот поседел я на этом деле! — Он скупо улыбнулся...

Деревни в районе Казвина выглядят и сегодня так, как они выглядели в средние века: глинобитные зубчатые стены, сторожевые башни по углам. Внутри селения путаница узеньких улочек. Жилища, похожие на пещеры. Ни деревца, ни травинки... Хакали, Машалдар, Камалабад — все селения похожи друг на друга, словно срисованные с древней гравюры. Но уже появились школы, в них учится до сорока процентов детей. Есть первые кооперативы. Нам с гордостью показали первый пункт искусственного осеменения — будет породистый скот. За стеной селения, на горячей голой земле, усеянной серой галькой, стучит дизель: это работает насос, качающий воду из-под земли,— четыреста кубометров драгоценной воды в час! От будки с насосом бежит веселая холодная искусственная речка к полям, и женщины в длинных черных накидках тут же стирают в воде только что вытканные ковры. Знаменитые персидские ковры...

Нищета еще крепко держит крестьянина за горло. Когда мы заехали в местное управление аграрной реформы, нашего спутника обступила толпа взволнованных просителей со скомканными бумажками в руках — то были какие-то прошения, написанные для них пока еще редкими местными грамотеями. Они на что-то жаловались, о чем-то молили. Пройдет еще много времени, пока все образуется. И как образуется? Да и образуется ли? Но все же пока что самое главное — почин: рухнуло тысячелетнее феодальное заклятие, висевшее над землей. А дальше уже жизнь пойдет своим чередом...

Стало быть, аграрная реформа — это, во-первых. А во-вторых, это еще одно новое и пока небывалое дело — реформа в области образования и здравоохранения. Работать и жить по-новому Иран сможет лишь тогда, когда люди, выйдя из феодальных пещер, сумеют приобщиться к нормальной жизни XX века. А это удастся лишь в том случае, если народ станет грамотным и будет здоровым.

Как же быть, что делать? В невозможно тяжких условиях этой страны выход был лишь один: объявить священную войну невежеству и грязи. И шах Ирана Мохаммед Реза Пехлеви был совершенно прав, когда 13 октября 1962 года написал вот эти суровые слова:

«Позор стране, которая долгое время была колыбелью познаний, мириться с таким положением, когда восемьдесят процентов ее молодежи лишены привилегии быть грамотными! Нация, которая рассматривалась некогда как вожатый каравана цивилизации и дала миру целую группу великих гениев науки, литературы и искусства, не должна мириться с тем, что большинство ее народа не может ни читать, ни писать. Поэтому я провозглашаю священную борьбу против дьявольского невежества, за распространение грамотности во всех городах и селениях Ирана».

Задача эта решается по-военному. Молодежь, окончившую среднюю школу, призывают в армию. Там ее четыре месяца учат всему, чему полагается учить солдат, а вдоба-

МЯЧ, КИЕВЛ

Юр. ВАНЬЯТ

Вот он лежит на самой центральной точке огромного прямоугольного газона, именуемого футбольным полем,— виновник спортивного торжества, упругое, желтое «яблоко раздора» — кожаный мяч. В апреле, ныне подернутом романтической дымкой воспоминаний, под ним была свежая мурава, нынче — в ноябре — ее сменила жухлая, порыжевшая, а кое-где изрядно полысевшая после полугодовых битв трава. Очередной футбольный сезон подходит к финишу. Сколько неподдельной радости и искренних огорчений вызвал он у людей самых различных возрастов, профессий, национальностей. И виной тому мяч, его странствия и приключения по футбольным весям.

Наверное, когда-нибудь на одном из самых больших стадионов будет поставлен памятник мячу. Да, нынче с мячом надо обращаться умело. Уроки английского чемпионата мира научили нас этому, ибо даже «чародеи мяча» — бразильцы и «аристократы мяча» — итальянцы потеряли все из-за преждевременной фамильярности с мячом. Нечто подобное произошло и на нашем внутреннем футбольном фронте, где мяч с первых весенних дней и до самой матушки-зимы был на «ты» лишь с одной командой — киевской. Даже такие изящные команды, как московское «Торпедо» или тбилисское «Динамо», такие «Динамо-машины», как московская и минская, такие боевые дружины, как ЦСКА и «Спартак», не были допущены в ранг чемпионов.

Как же все это произошло? В чем особенности нынешнего сезона вообще, в чем причины взлетов и падений отдельных клубов в частности?

Когда мне заказали этот обзор, я внимательно перелистал досье, посвященное футбольному сезону 1966 года. И сразу вспомнил мудрые русские пословицы: «взялся за гуж, не говори, что не дюж», «не давши слова — крепись, а давши — держись». Удивительно, что в спорте вообще, а в футболе в частности мы так неосмотрительно разбрасываемся обещаниями, обязательствами, громкой фразой, не подкрепленной делом.

Вот лишь несколько примеров, взятых из напечатанных в разных газетах весенних интервью: «Динамовцы постараются быть в авангарде нашего футбола». Это говорил Вячеслав Соловьев в апреле. Что он скажет нам в ноябре? «Славные традиции «Спартака» необходимо возродить». Это уже Николай Гуляев. «Где же «эпоха возрождения»?» — могут теперь вопрошать тренера тысячи и тысячи сторонников этой популярной команды. «Сдавать завоеванные позиции «Торпедо» не собирается»,— сказал по весне Виктор Марьенко. Ан нет! Сдал! Да еще как... Сергей Шапошников из ЦСКА обещал: «Будем радовать своих болельщиков содержательной игрой». А слово выполнил наполовину: конец сезона армейцы провели тускло. И лишь один Константин Бесков, давая слово за «Локомотив», видимо, точно знал возможности своих питомцев: «Хотим укрепить свои позиции в высшей лиге». Но здесь уже Бескову не пришлось держать осенний отчет — за него это сделал Валентин Бубукин. Но это еще полбеды. Вот цитата из интервью руководителя Федерации футбола СССР Н. Н. Ряшенцева: «Сейчас составлен проект календаря, который предусматривает интервалы между играми в пять-шесть дней. Срок чемпионата определен с 15 апреля по 10 ноября... Я надеюсь, что будущий чемпионат пройдет более организованно...»

Увы, уважаемый Николай Николаевич! Ни один пункт вашего заявления, к большому огорчению, не претворен в жизнь. Мало того — давно мы не сталкивались с таким хаосом в проведении главного соревнования в стране, как в нынешнем году.

Все это к тому, что с мячом надо обращаться аккуратно. Как киевляне. Думается, что опыт Виктора Маслова и всего коллектива киевского «Динамо», блестяще выигравших первенство СССР и Кубок, должен быть особо и тщательно изучен. В самом деле: киевлянам все мы предрекали трудный год. После изнурительной борьбы с «Торпедо» команда вышла на тропу первооткрывателей европейских клубных турниров, где выдержала шесть матчей (в том числе два тяжелейших). А затем команда откомандировала в сборную СССР сначала троих, а затем еще двоих основных игроков. И вот, как говорится, при всем при том киевский клуб провел сезон поразительно ровно, уверенно и практически без срывов.

Оказалось, что круглогодичная игра в футбол (а киевляне единственные, кто играл в 1966 году с января по декабрь) ничего, кроме пользы, в итоге не приносит. Кроме того, в киевской команде треугольник «тренер — врач — игрок» действовал творчески и синхронно. Наличие 18—20 совершенно равноценных игроков позволило свободно маневрировать резервами. Мало того, возвратившись из Англии, два Виктора — Банников и Серебрянников — практически не смогли вытеснить своих дублеров, укрепившихся в основном составе и, в свою очередь, ставших игроками сборных команд страны. О силе состава киевлян говорит хотя бы тот факт, что игроки резерва Левченко и Круликовский входят в олимпийскую сборную СССР, а Паркуян — в первую сборную страны.

Да, шикарно живет Маслов, что и говорить! И тем не менее воспитание новых резервов продолжается — дублеры киевского «Динамо» получат в этом году малые золотые медали, и, как говорится, по заслугам, продемонстрировав железную линию обороны и стремительное нападение. Внезапность и мобильность киевлян, надежный технический фундамент позволили им без промаха сыграть в родном городе и понести минимальный урон на чужих полях.

Если в обороне чемпион действовал по схеме «1 + 6 + 1 + 1 +2», то при атаке схема мгновенно менялась на «1 + 2 + 2 + 6». Иначе говоря — «все создают атаку — все держат оборону»! Вот почему, не являясь «суперкомандой», киевские динамовцы добились космического разрыва между собой и вице-чемпионом.

Наш чемпион показал интеллектуальный футбол, и это очень радует. Но в то же время беспокоит огромный интервал между первым и вторым местом. И все же героями сезона, думается, можно считать еще несколько клубов из южных городов. Это «Пахтакор», «Нефтяник», «Арарат», «Кайрат» и, конечно, армейцы Ростова. (Очень прискорбно, что на сей раз к их числу нельзя отнести талантливую команду тбилисского «Динамо». Огрехи в режиме, тренировке, недостаточная «волевая мускулатура» снова выбили тбилисцев из группы лидеров.)

Приятно удивил «Пахтакор». Под опытной рукой М. И. Якушина эта команда, тренировавшаяся, жившая и игравшая в труднейших условиях стихийного бедствия, весь первый круг прошла без поражений! Лишь недостаток резервов не позволил ташкентцам во второй половине сезона побороться за медали.

В Ереване упорный и справедливый Артем Фальян, избавившись от капризных горе-премьеров, хо-

вок — методике преподавания. Потом этих молодых людей в звании сержантов вооружают книгами, тетрадями и карандашами и шлют в дальние деревни, где сотни лет никто никого не учил грамоте. Там они вместе с крестьянами строят школы и начинают учить детей читать и писать. По вечерам обучают взрослых. Создают библиотеки. Организуют физическое воспитание молодежи. Прививают людям элементарные навыки санитарии. Оказывают первую помощь.

Я беседовал с двумя работниками Корпуса образования. Амир Эмади, юноша из Тегерана, учит детей в селе Хайаман — у него 28 школьников; парень из Кермана Киван Эбраими обучает в Валедабаде сто шестьдесят два человека — уж больно много там ребят, и все были безграмотные. Трудно? Еще бы! Но как интересно... Не жалуетесь? Солдату это не пристало... Что будете делать, когда отслужите свой срок?.. Поступим в университет. Хотим стать настоящими учителями...

Настоящими!.. Но они уже сейчас настоящие: надо побывать в иранской деревне, надо увидеть ее во всей нынешней неприглядности, чтобы оценить в полной мере эту решимость. А ведь восемьдесят процентов (восемьдесят!) сержантов Корпуса образования решили поступить так же точно. И еще несколько цифр: силами Корпуса образования обучено читать и писать уже 731 988 детей и взрослых; в 11 тысячах деревень учатся в школах, созданных молодыми сержантами, свыше 400 тысяч мальчиков и девочек и около 136 тысяч взрослых. Много это или мало? Мало, если вспомнить о том, что миллионам иранцев тетради и книги все еще недоступны. Очень много, если учесть, что Корпус образования, в сущности, только начинает свое существование...

А Корпус здравоохранения — это еще что такое? Вот что: представьте себе, что на всю эту огромную страну с 24-миллионным населением приходится всего 5 тысяч врачей, причем каждый четвертый из них живет в Тегеране; на всю страну 20 тысяч больничных коек, из них 3 тысячи — опять же в Тегеране. Болезни, эпидемии, самые страшные язвы на протяжении веков свирепствовали в тысячах отдаленных селений, где никто никогда не видывал человека в белом халате.

Что же делать? Было решено пойти по тому же военизированному пути: молодежь, получившая медицинское образование, по достижении призывного возраста в обязательном порядке мобилизуется в армию; из нее формируются подвижные группы, и они в обязательном порядке посылаются в самые дальние и глухие места, где потребность в медицинской помощи особенно велика. Первые группы уехали в деревни в январе прошлого года. Уже к началу этого года они оказали помощь 1 270 045 больным, 3 850 человек взяли на лечение в созданные ими больницы. Врачи и санитары из Корпуса здравоохранения приняли участие в строительстве 91 медпункта и аптеки, вырыли 1 471 колодец для питьевой воды; чем только не приходится заниматься медику в сержантских погонах!..

Еще есть третий корпус этой новой иранской армии, ведущей священную войну против темноты и невежества,— Корпус по развитию и благоустройству села. Туда мобилизуют главным образом людей, обладающих хотя бы элементарной агрономической подготовкой. Его сержанты учат крестьян по-современному вести свое хозяйство, помогают сажать сады и леса, осваивать новые сельскохозяйственные машины...

Нет, не бегут еще розы по серым, оголенным полям Ирана; пока что далеко ему до превращения в голубую и ласковую страну, овеянную ароматами олеандра и левкоя, о чем мечтал поэт. Но поистине значителен и жизненно важен тот многотрудный поиск путей к новому, который начала, очнувшись после тяжелого тысячелетнего забытья, эта страна. И пусть впереди еще уйма трудностей, быть может, и ошибок и разочарований, пусть сознание недостаточной эффективности реформ оставляет привкус горечи у тех, кто хотел бы двигаться вперед быстрее,— пусть! Главное — это сознание того, что перемены в жизни начались. Что жить по-старому уже невозможно. Что у Ирана только один путь в XX веке—путь к современному образу жизни. А как пройти этот путь, в конечном счете решит сам иранский народ, его рабочие, его крестьяне, его интеллигенция. Решит во всеоружии исторического опыта, который будет им накоплен, и в соответствии с непреложными и неумолимыми законами общественного развития.

Поиск новых путей продолжается. И это необратимый процесс. Жизнь возьмет свое!

Тегеран, октябрь 1966 года.

ЯНЕ И ДРУГИЕ...

рошо и умело привел свою команду поближе к футбольным вершинам. А в Баку и того удивительней: оставшись в середине сезона фактически без руководства (не будем сейчас говорить о справедливости такого мнения команды), «Нефтяник», являя собой образец «Персимфанса» тридцатых годов (помните знаменитый оркестр без дирижера?), сыграл настолько сильно (семь побед кряду!), что впервые в своей истории взлетел на верхние этажи турнирной таблицы.

Вообще очень отрадно, что в высшей лиге мы видим теперь не семь клубов из трех городов, а команды России, Украины, Белоруссии, Грузии, Азербайджана, Армении, Узбекистана, Казахстана. И если говорить о россиянах, то, кроме московского квинтета, это в первую очередь ростовчане. Успех футболистов с берегов тихого Дона не случаен: в этом благодатном краю футбол всегда был «спортом № 1».

Эрнест Хемингуэй как-то сказал: боксер, который только защищается, никогда не выиграет. Ему же принадлежит и такая фраза: никогда не лезь на рожон, если не можешь побить противника. Так вот, если перейти с боксерского ринга на футбольное поле, то первое определение можно целиком отнести к куйбышевским «Крылышкам», главным поставщикам нулевых ничьих, а второе — к кутаисскому «Торпедо», которое, жаждая победы, бросалось вперед с открытым забралом и получало по пять — семь голов! Нельзя играть лишь в «бетонный» или только в атакующий футбол. Надо уметь сочетать то и другое так, как это делают ныне киевляне!

Я умышленно оставил на конец разговор о ленинградском «Зените» и москвичах.

Ленинградский футбол, которому мы обязаны столь многим, уже давно хронически болен. Ни в классе «Б», ни во второй лиге (где сражается местное «Динамо»), ни в высшей команды Ленинграда не блещут. «Зенит» стал заурядным клубом, словно он и не входил в пятерку сильнейших. Что до московских футбольных дел, то здесь все та же проблема «трех китов» — «Динамо», ЦСКА и «Спартака». Очень сильная и талантливая команда «Торпедо» одна не в состоянии защищать честь спортивной Москвы на всех фронтах. А поддержки у автозаводцев должной нету. Мало того, десятилетия приучили москвичей к высокому уровню игры «Динамо» и «Спартака». Увы, все это в прошлом.

Печалит и тот факт, что все три старейших московских клуба, особенно «Спартак» и ЦСКА, в последние годы делают ставку на иногородних игроков, забывая о собственных кадрах. Между тем практика показывает, что команда прежде всего сильна монолитностью, здоровым патриотизмом, взаимопониманием и ответственностью перед земляками.

Кроме того, в организации атаки «Динамо», «Спартак», «Локомотив» заметно поотстали от других ведущих клубов. Да и с резервами у москвичей неважно — у них нет такой «длинной скамейки», как, скажем, у киевлян.

Итоги чемпионата также показывают, что московские клубы растеряли волевые ресурсы. Так, например, «Торпедо» и «Спартак» после поражений в Киеве отдали очки и в следующих турах в Одессе («Черноморцу»), а команда ЦСКА не оправилась после «киевского шока» (0:4) практически до конца чемпионата. Между тем современный футбол требует особого умения сконцентрировать волю.

Читатели могут спросить, почему я делаю акцент на неудачах московских клубов. Ведь совершенно не обязательно, чтобы первенство и Кубок завоевывались командами одного города, одной республики. Наоборот, нам надо иметь больше команд «хороших и разных». В этом смысле сезон был обнадеживающим. Но история нашего футбола говорит о важной роли столичных клубов в эволюции тактики и техники игры, о решающем вкладе «Динамо», «Спартака», ЦСКА в биографию сборной команды СССР. А поскольку уходящий сезон неотделим от такого крупнейшего события в мировом футболе, как VIII розыгрыш «кубка Жюля Риме», от участия «Торпедо» и «Спартака» в европейских клубных турнирах, мы и уделили проблемам и неудачам столичного футбола не меньше внимания, чем великолепному сезону киевлян.

Естественно, что итоги выступления питомцев Н. П. Морозова по сей день находятся в эпицентре футбольных дискуссий. Это понятно: впервые наша сборная вошла в четверку сильнейших на подобных турнирах. А тут еще впереди чемпионат Европы — турнир, по остроте борьбы мало уступающий мировому первенству. Ведь нельзя забывать, что английские баталии 1966 года вынесли на гребень победной волны именно четыре сборных нашего континента—Англию, ФРГ, Португалию и СССР.

Но в то же время нельзя забывать и о другом: среди европейских команд мы были уже и первыми и вторыми. Значит, четвертое место (хотя и в турнире более высокого ранга) не должно успокаивать руководителей нашего футбола. А, к сожалению, такие залихватские нотки все же прозвучали. В частности, в интересной статье Н. П. Морозова в «Футболе» мы лишь по крупицам нашли критические, а тем более самокритические выводы. Между тем осенняя серия игр нашей сборной должна охладить некоторые слишком пылкие головы и зажечь на ее пути если не красный, то уж, во всяком случае, упреждающий желтый сигнал.

И вот что нас беспокоит. При высоком четвертом месте в Англии по качеству футбола наши ребята заметно уступали многим командам: одним — в технике, другим — в физической форме, третьим — в умении импровизировать и разнообразить игру (особенно при атаке). Не случайно английская газета «Санди таймс» писала: «Предугадать ход комбинации Банишевского и Малофеева было, пожалуй, делом не более сложным, чем угадать движение поездов, следующих по заранее установленному расписанию».

Думается, что могли бы мы выглядеть лучше и в скоростном отношении — одном из главных козырей нашего футбола. Ведь нынче значение скорости возросло неимоверно. В матче Венгрия — Бразилия, например, второй мяч в сетку бразильцев был проведен после операции, которая заняла пять секунд! Команда ФРГ забила гол швейцарцам, применив многоходовую комбинацию от ворот до ворот за восемь секунд! Был ряд удачных моментов и для нашей команды. Первый тайм матча с Венгрией и встреча с итальянцами наглядно показали большие потенциальные возможности советских футболистов. Коллективу сборной СССР многое дано. Но с него сторицей и спросится.

Нам кажется, что лучшая школа воспитания игрока сборной — его клуб, национальный чемпионат, и в отборе и в подготовке сборной команды образца 1967 года необходимо учесть все уроки чемпионата страны и кубковых встреч, весь опыт наших передовых тренеров.

Михаил ХОДАКОВ

Чиграшки

Рассказ

Ребята нашего двора построили из проволочной сетки голубятню. Ее венчала пирамидальная крыша с резными украшениями. Внутри по углам в два яруса были закреплены палочки-насесты. Вдоль задней стены прибили широкую полку для гнезд. В ненастную погоду к голубятне с трех сторон приставлялись щиты из фанеры с маленькими окошками.

Мы, взрослые, с усмешкой и любопытством наблюдали за суетней и спорами детей...

— Знаешь, папа, мы построили отличную голубятню,— сказал мне вечером сын.

— Знаю.

— Так вот, мы договорились, что каждый купит по одному голубю, правда, лучше покупать их парами.

— Ну, конечно, лучше парами,— подтвердил я, делая вид, что не догадываюсь, о чем пойдет речь.

Сын запнулся и после паузы со смущением спросил:

— Папа, а ты дашь мне денег на голубя?

— Посоветуюсь с мамой. Но как же вы будете отличать своих голубей? Сделаете на них пометки?

— А они будут коллективные.

Случилось так, что первыми обитателями голубятни стали некупленные птицы. Пенсионер Иван Гаврилович откуда-то издалека привез своему двенадцатилетнему внуку Пете пару белоснежных красавцев с черными хвостами. Их и поселили в голубятне.

В воскресенье мы с женой наблюдали в окно, как суетились во дворе ребята. С ними был и Иван Гаврилович. Его внук Петя медленно поднимался по лестнице к голубятне, торжественно держа в руке клетку. Он долго возился там. Потом слез с лестницы, и за сеткой замелькали белые пятна. Голуби справляли новоселье в своем птичьем доме.

Долгое время ребята не решались выпускать птиц на волю. Их опасения были ненапрасны: как только распахнулись дверцы, чернохвостые взмыли в небо и исчезли.

Вернутся или не вернутся? Ребята с тревогой поглядывали на опустевшую голубятню. И, конечно, в этот день никто из них не пошел обедать...

Как ни странно, все мы, взрослые обитатели дома, приросли к подоконникам, тревожно высматривая в небе каждую точку.

К общей радости, птицы вернулись и стали безмятежно клевать белый хлеб. Его накрошили на площадке перед голубятней столько, что хватило бы накормить голубей доброго района. И после этого птичьего ужина, который сопровождался восхищенными комментариями не только ребят, но и взрослых, Петя запер чернохвостых в их домике — это было его неоспоримое право.

На другое утро голубей снова выпустили на волю. Они долго кружились над домом, затем сели на крышу. Важно прогуливались по кровле, подолгу сидели рядышком, о чем-то совещаясь на своем голубином языке, старательно чистили друг другу перья. А жильцы дома, любуясь их благородной осанкой, красивым оперением, спорили о том, породистые они или нет. Знатоки единодушно утверждали, что «наши питомцы» из породы чиграшей. Их так и нарекли — «чиграшки».

Наш Леша заболел голубиной лихорадкой. Он подолгу рассказывал о жизни благородных птиц, приносил книги о голубином царстве, ходил на дежурство, когда наступала его очередь.

Однажды после дежурства у голубятни Леша пришел взволнованный:

— Чиграшка странно себя ведет. Тихая, забилась в угол, чем-то озабочена. А Чиграш ходит около нее и все воркует,— говорил он с таким участием, будто разговор шел о близких ему людях. Леша и в школу ушел в подавленном настроении. Перед вечером ворвался в квартиру возбужденный, радостный.

— Напрасная тревога!— сказал он нам с женой.—Нужно знать голубиную жизнь! Вы знаете, что Чиграшка высиживает яички? Они ведь попеременно! Сперва Чиграшка сидит на гнезде, потом ее сменяет Чиграш.

Вечером Леша примчался с сообщением:

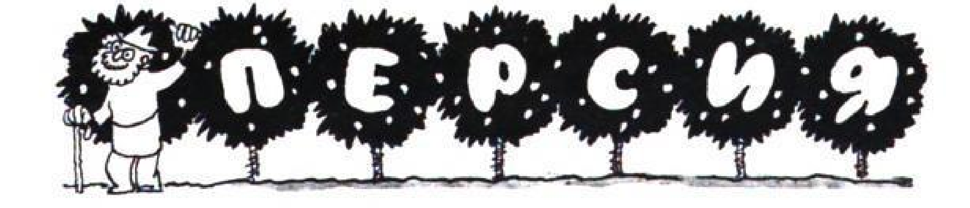
— Правильно! Чиграш сидит на гнезде. А Чиграшка поклевала зерен, попила и полетела. Полетает, порезвится и прилетит.

Но голубка не появилась и к утру. Чиграш один продолжал сидеть на яйцах. Он нахохлился, зоб его то поднимался, то опускался. Исчезновение Чиграшки вдруг стало самым злободневным событием нашего двора. Не только дети, но и взрослые встречали друг друга вопросом: вернулась ли голубка?

Старая лифтерша Анна Степановна уверенно заявила:

— Что-то тут не так. Самка не покинет насиженного гнезда. Она погибла,

Семен КОГАН

Персия

Мы назвали Персией
Персиковый сад.
Ох, какие персики
В Персии висят!

Бородатый старичок
С персиком в руках
Встретил нас приветливо,
Как персидский шах.

Он сказал, что Персией
Нынче правит он.
Он сказал, что в Персии
Есть такой закон:

Можешь ты по Персии
День и ночь гулять,
Можешь кушать персики —
Веток не ломать!

Коль отведал персиков —
Так тому и быть!
Можешь тут же в Персии
Персик посадить.

Мы попали в Персию —
В персиковый сад.
Десять новых персиков
Выстроились в ряд.

Иван БЕЛЯКОВ

Кошка в сапожках

Сшила Таня кошке
Славные сапожки.
— Ты мне еще
Халатик сшей,—
Сказала кошка Тане,—

либо ее словил какой-нибудь голубятник.

Ребята не забывали одинокого Чиграша: почти ежечасно ему меняли воду, корм. Однако голубь ел и пил мало. Он посерел, потерял свою живость, но гнезда не покидал. И ребята ходили как в воду опущенные. Никакие игры их не интересовали.

В воскресенье утром куда-то исчез наш Лешка. Наступил полдень, затем обеденное время... Где Лешка?..

А Лешка с дружком своим ходил по всем дворам, где были голубятни, и высматривал, нет ли там Чиграшки. К вечеру они заглянули на рынок, в тот ряд, где торговали голубями, и увидели Чиграшку в клетке, которую держал в руках рыжий, веснушчатый паренек. Лешка и его дружок схватили воришку за руки...

Больше Чиграшка не покидала гнезда. Она все ворковала, словно рассказывала Чиграшу, где была и что с ней случилось...

А вскоре в клетке появился маленький Чиграшонок. Ребята назвали его Малыш. Весь двор следил за тем, как он сползал с гнезда, как учился ходить. Боялись прозевать его первый вылет. Малыш вошел в хронику жизни двора как полноправный его обитатель.

Однажды Леша вбежал в комнату.

— Сейчас, кажется, будет летать!..— сказал он.

Мы с женой кинулись к окну.

Это было в самом деле очень волнующее зрелище. Малыш подошел к краю голубятни и остановился. За ним вплотную шли Чиграшки, не то подталкивая, не то подбадривая своего питомца. На несколько секунд три белоснежных птицы застыли на пороге голубятни. И вдруг Малыш нырнул вниз, выпростал крылья, затем покружился над двором. За ним плыли по воздуху родители. Потом они приземлились среди двора и долго с важностью расхаживали, что-то обсуждая. Малыш порой отрывался от земли, пролетал над головами родителей и вновь присоединялся к ним.

Борис ВИНОГРАДОВ

Часы

Скажем сразу: речь пойдет о детских часах. Не об игрушечных, не о тех, у которых стрелки нарисованы и никакого механизма нет и в помине, а о таких, которые ходят, как настоящие, и все у них как полагается — и стрелки, и циферблат, и маятник,— просто они небольшие, недорогие, красивые и с рисунком. На рисунке мыло, мочалка и зубная щетка.

Впрочем, вы, вероятно, и сами бы догадались, что это не взрослые часы, потому что история, которая с ними произошла, конечно, не могла бы случиться с серьезными часами.

А произошло вот что. В один прекрасный день обе стрелки и маятник поссорились.

— Объясни мне, пожалуйста,—сказала минутная стрелка, обращаясь к часовой,— почему ты позволяешь себе так медленно передвигаться по циферблату? Я круглосуточно бегаю, как заведенная, а ты, несмотря на то, что в два раза меня меньше, передвигаешься лениво-прелениво и, видимо, бережешь свое драгоценное здоровье.

— Дорогая моя,— ответила часовая стрелка (хотя каждому было ясно, что она о своей соседке совершенно противоположного мнения),— дорогая моя, я передвигаюсь так, потому что занимаю очень важное положение. Ведь ты показываешь какие-то там минуты, а я часы. Часы! Понимаешь разницу?

— Ах, так! Более высокое положение, говоришь? Так знай, что я смогу выполнять твою работу ничем не хуже тебя, а может быть, даже и лучше. А вот как ты справишься с моей — это мы посмотрим.

И минутная стрелка пошла тихо-тихо, стараясь во всем подражать часовой стрелке.

— Я поняла, на что ты намекала,— закричала часовая стрелка,— ты считаешь, что я не умею быстро ходить! Как ты жестоко ошибаешься!

И, даже не договорив фразу, часовая стрелка побежала с такой скоростью, какой действительно никогда не показывала ее соседка.

Минутная подумала и бросилась вдогонку.

Круг. Другой. Скорость все выше, выше...

— Эй вы, стрелки,— закричал маятник,— что у вас там происходит? Вечно какие-то недоразумения! Я самый главный в нашем механизме, я привожу все в движение, и что же? Глупые люди смотрят не на меня, а на вас. Мне это надоело! Не век же мне маяться!

И маятник остановился. Стрелки тоже остановились — видимо, отдохнуть: ведь они, конечно, устали от быстрой ходьбы и нервного напряжения.

Прошел день, другой, третий...

Стрелки не ходили, маятник не качался.

Все спорили, кто самый главный, кто самый важный, кто самый нужный...

На четвертый день часы выбросили.

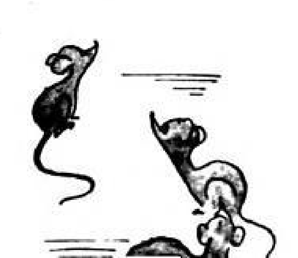

А я пойду
Ловить мышей.
Они живут в чулане...

Сидит она в углу
И ждет,
И вот тихонько
Мышь идет.

Метнулась кошка из угла.
Но кошка,
Вы бы знали,
Расправить когти не могла:
Ей сапоги мешали.

Поэтому-то кошке
И не нужны сапожки!

Хороший совет

— Дедушка!—
Сказал Сережа.—
Посмотри-ка, я какой:
Я красивый,
Я хороший,
Я бесстрашный,
Я герой!

Я бегун,
прыгун,
пловец!
Я не лодырь —
Молодец.

Я силен,
Я крепче стали!..
— Прав ты, прав ты,
Внучек мой.
Только пусть тебя похвалит
Кто-нибудь другой!

И. С. ЗИЛЬБЕРШТЕЙН,
доктор искусствоведческих наук

Мои друзья — французские слависты не раз приглашали меня приехать во Францию. В этой связи прежде всего хочу назвать академиков Андре Мазона, Жюльена Кэна, писателя Луи Арагона. Во время наших встреч в Москве они не раз говорили о том, что во Франции, безусловно, удалось бы выявить много ценных документов по истории русской литературы, которые в конечном счете могут погибнуть. Я и сам не сомневался, что поездка во Францию даст мне возможность отыскать не только много интересных архивных материалов, но и немало совсем неведомых у нас произведений выдающихся русских художников. Случилось, однако, так, что поездку я смог осуществить лишь в начале текущего года. 26 января впервые в жизни я увидел Париж.

Во Франции я провел три с половиной месяца. Тем не менее для меня Париж остался «мимолетным» потому, что с первого же дня пребывания там меня захлестнула работа: стараясь не терять ни часа, я целиком ушел в поиски русских рукописей и русских картин. И не напрасно: превзойденными оказались самые оптимистические надежды, так как не было ни одного дня без находок.

Нужно сказать, что по количеству такого рода материалов Франция до сих пор занимает первое место в зарубежном мире. Это объясняется тем, что после 1917 года многие представители старой русской культуры эмигрировали в основном во Францию. В начале 1920-х годов там было несколько сот тысяч русских, многие из которых вывезли из России свои семейные архивы, коллекции, многочисленные документы. Правда, за последние годы немало ценных рукописей крупнейших русских писателей и политических деятелей перекочевало в США. Тем не менее и поныне Франция еще очень богата русскими материалами. Не ошибусь, если скажу: нет такого выдающегося русского писателя или композитора прошлого, автографы которого — чаще всего неизданные — нельзя было бы обнаружить во Франции, так же как нет почти ни одного значительного русского художника, произведений которого не нашлось бы во Франции, и чаще всего неизвестных даже специалистам-искусствоведам.

Подытоживая свои впечатления от встреч с русскими парижанами, прежде всего хочется отметить, с какой великой любовью они все без исключения относятся к русской культуре. Любовь эта не только не иссякла в людях, из которых многие уже почти полвека живут за рубежом, а приняла, наоборот, характер подлинного преклонения. Многие из них очень интересуются отечественной литературой, советскими научными исследованиями. Иные хорошо знают некоторые из выпущенных нами томов «Литературного наследства» и высоко ценят это издание. Но среди тех, с кем я встречался, были, конечно, и лица, никогда не видевшие наших томов. Но стоило им подарить или хотя бы показать один том «Литературного наследства», чтобы начал таять лед настороженности, возникший от предложения отправить на родину имеющиеся у них документы. Немалую роль сыграли и два путеводителя Центрального государственного архива литературы и искусства СССР, а также двухтомник «Личные архивные фонды», выпущенный отделом рукописей Государственной библиотеки СССР имени В. И. Ленина. Эти справочники служили наглядными доказательствами, как тщательно собирают у нас и с какой любовью описывают и хранят литературные памятники.

Мне удалось отыскать и отправить на родину весьма значительное количество рукописей — около десяти архивов, много документальных и эпистолярных материалов, а также произведений изобразительного искусства. Их публикация заняла бы несколько солидных томов. Поэтому в очерках «Парижские находки» я вынужден говорить лишь о самом значительном из того, что отыскано. Заглавие обусловлено тем, что хотя мне посчастливилось найти и получить немало интересного и в других городах Франции, все же большая часть моих находок была сделана именно в Париже и его окрестностях.

Во Франции мне очень повезло: я встретил много доброжелательных людей, которые отнеслись ко мне с большой теплотой, деятельно и бескорыстно содействовали моим разысканиям. Я буду называть их имена, рассказывая об автографах, документах, архивах или произведениях изобразительного искусства, полученных при их непосредственной помощи. А сейчас приношу всем им — моим старым и новым парижским друзьям — самую глубокую благодарность.

Наконец, несколько слов о тематике дальнейших очерков. Ближайшие из них будут называться «Дневник Аннет Олениной», «Мать четырех декабристов Бестужевых», «Сибирский альбом декабристки А. И. Давыдовой», «Вокруг Лермонтова». Впервые станут известными превосходные иллюстрации Александра Бенуа, исполненные им в 1940-х годах к «Капитанской дочке». Большой интерес представляют эскизы костюмов к «Ревизору», над которыми работал в начале 1930-х годов выдающийся мастер русской декорационной живописи М. В. Добужинский.

В следующих очерках будут публиковаться новонайденные произведения Левицкого, Боровиковского, Венецианова, Кипренского, Карла и Александра Брюлловых; письма русских корреспондентов Бальзака; художнические работы Шевченко.

Будут также впервые обнародованы до сих пор остававшиеся неизвестными произведения В. И. Сурикова, И. И. Левитана, И. Е. Репина, В. А. Серова.

Привезены также новые материалы о И. С. Тургеневе, Л. Н. Толстом, А. М. Горьком, П. И. Чайковском, М. И. Глинке, Ф. И. Шаляпине, И. А. Бунине, А. И. Куприне, И. Э. Бабеле и других.

Таков далеко не полный перечень «Парижских находок», о которых будет рассказано в «Огоньке».

АВТОР

СНАЧАЛА О ПУШКИНЕ

ПОЭТ ДАРИТ СВОИ КНИГИ

Собираясь во Францию, я, конечно, мечтал найти там до сих пор неведомые в литературе автографы Пушкина или хотя бы новые биографические свидетельства о нем, о его друзьях, портреты лиц, с которыми он встречался. Но это были только мечты: почти никакими конкретными сведениями о документах пушкинской поры я не располагал.

Однако по приезде в Париж вскоре выяснил, что еще в давние годы туда какими-то путями попали две книги Пушкина с его дарственными надписями. А как мало сохранилось таких книг, легко себе представить, если учесть, что при жизни поэта его произведения выходили в свет отдельными изданиями тридцать шесть раз, а до нашего времени дошло всего лишь двадцать экземпляров книг поэта с его дарственными надписями (причем от некоторых уцелели лишь обложки с этими надписями!).

Судя по переписке Пушкина и по воспоминаниям о нем, можно полагать, что существовали еще десятки и десятки таких подарков поэта. Сейчас, в частности, нет ни единой из книг Пушкина, надписанных им А. А. Бестужеву-Марлинскому, П. А. Вяземскому, Н. В. Гоголю, А. А. Дельвигу, В. А. Жуковскому, В. К. Кюхельбекеру, П. В. Нащокину, В. Ф. Одоевскому, М. П. Погодину, И. И. Пущину, К. Ф. Рылееву, С. А. Соболевскому, Е. М. Хитрово, а со всеми ними великого поэта связывала большая дружба, и он, конечно, всем им дарил свои произведения. Наконец, имеются свидетельства самого Пушкина о том, как охотно и широко собирался он раздавать свои только что вышедшие новые книги. Собственноручная надпись поэта бросала порой яркий свет на характер его отношения к лицу, которому подарок предназначался.

В двадцатых числах марта 1829 года в Петербурге вышла «Полтава». Пушкин был тогда в Москве, и 29 марта П. А. Плетнев отправил ему туда десять экземпляров этой книги. И уже с первых чисел апреля

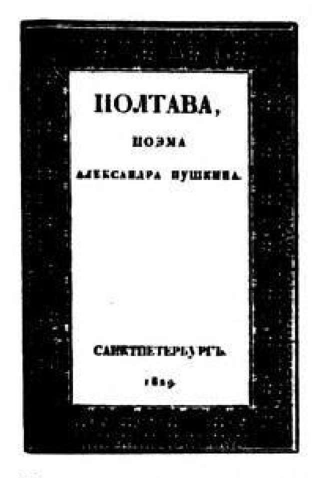

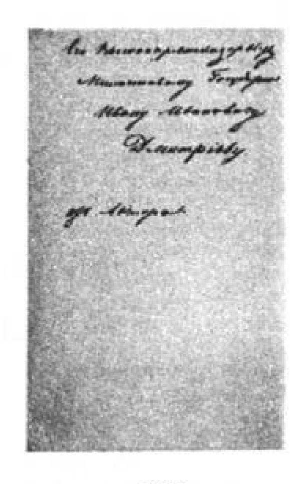
МАРИЯ ВОЛКОНСКАЯ С СЫНОМ НИКОЛАЕМ. **Акварель П. Ф. Соколова, 1826 год.**

ИДАЛИЯ ПОЛЕТИКА.

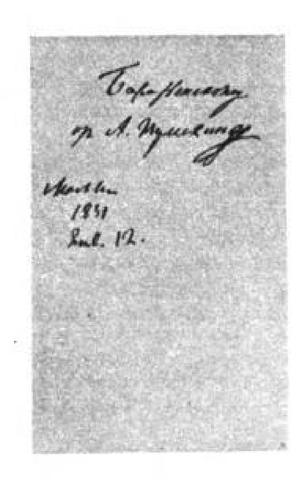
Акварель П. Ф. Соколова, 1820-е годы.

Экземпляр первого издания «Полтавы», подаренный Пушкиным 9 апреля 1829 года И. И. Дмитриеву.

Экземпляр первого издания «Бориса Годунова», подаренный Пушкиным 12 января 1831 года Е. А. Баратынскому.

Пушкин начинает дарить «Полтаву» московским друзьям, в том числе поэту И. И. Дмитриеву, москвичу. Именно его экземпляр «Полтавы» и оказался за рубежом. Вот что написал Пушкин на оборотной стороне обложки:

Его Высокопревосходительству
Милостивому Государю
Ивану Ивановичу
от Автора. Дмитриеву

Для отношения Пушкина к Дмитриеву характерна глубокая почтительность надписи. Вызвана она не только тем, что по возрасту тот годился ему в дедушки,—наряду с Державиным Пушкин числил Дмитриева среди тех поэтов старшего поколения, которые «заметили» его талант. И если с годами отношение его к поэтическому творчеству старшего собрата стало более критическим, он тем не менее навсегда сохранил к нему чувство благодарности и считал своим долгом посылать ему свои новые книги.

Публикуемую впервые надпись Пушкина на «Полтаве» можно датировать почти точно: поэт, по-видимому, отправил эту книгу 9 апреля 1829 года, так как именно в этот день Дмитриев послал Пушкину благодарственное письмо. Вот его текст:

«Всем сердцем благодарю Вас, милостивый государь Александр Сергеевич, за бесценный для меня Ваш подарок. Сей же час начинаю читать, уверенный, что при личном свидании буду благодарить Вас еще больше. Обнимает Вас преданный Вам Дмитриев».

Экземпляр «Полтавы» с дарственной надписью Пушкина приобрел в Париже в 1920-х годах известный адвокат Игорь Кистяковский у Дмитриевых, потомков И. Дмитриева. К сожалению, эта книга ушла за океан, а в Париже мне удалось получить лишь фотографию пушкинской надписи.

В неожиданном для меня месте хранения оказалась другая книга Пушкина с автографом поэта. И хотя на протяжении многих десятилетий я связан дружбой с ее владельцем, мысль о том, что он обладает такой книгой, мне никогда и на ум не приходила. Но об этом расскажу позднее.

От первой книги вторая отделена почти двумя годами.

Пушкин снова в Москве, а в Петербурге только что вышел в свет «Борис Годунов». 1 января 1831 года поэт пишет редактору журнала «Московский телеграф» Н. А. Полевому: «Жалею, что еще не могу доставить Вам «Бориса Годунова», который уже вышел, но мною не получен». А на следующий день, купив, очевидно, несколько экземпляров у книгопродавца Ширяева, он дарит один из них П. Я. Чаадаеву с такой надписью: «Вот, мой друг, то из моих произведений, которое я люблю больше всего. Вы прочтете его, так как оно написано мною, и скажете мне свое мнение о нем. А пока обнимаю Вас и поздравляю Вас с Новым годом» (перевод с французского).

3 января Пушкин собирается послать два экземпляра «Бориса Годунова» редактору «Московского вестника» М. П. Погодину, причем один из них для передачи редактору журнала «Телескоп» Н. И. Надеждину. Но в конце письма, которое должно было сопровождать книги, Пушкин уже после адреса приписал карандашом: «Сейчас отняли у меня экземпляр Надеждина; завтра пришлю другой». А 13 января Пушкин пишет в Петербург П. А. Плетневу: «Пришли мне, мой милый, экземпляров двадцать «Бориса» для московских прощалыг, не то разорюсь, покупая его у Ширяева». А накануне отправки этого письма Пушкин подарил Евгению Абрамовичу Баратынскому «Бориса Годунова» со следующей надписью на оборотной стороне обложки:

Баратынскому
от А. Пушкина

Москва
1831
Янв. 12.

Это и есть вторая книга с автографом Пушкина, уже долгие десятилетия, если не целое столетие, находившаяся во Франции.

Пушкин высоко ценил Баратынского как поэта. Об этом свидетельствуют десятки восторженных отзывов. Больше того, три послания посвятил Пушкин Баратынскому, в последнем из них он написал:

Стих каждый повести твоей
Звучит и блещет как червонец.

С. П. Шевырев вспоминал: «Про Баратынского стихи при нем нельзя было и говорить ничего дурного».

Иначе относился Баратынский к Пушкину. Если в его письмах 1820-х годов встречаются восторженные отзывы о шедеврах Пушкина, то с начала 1830-х годов они сменяются высказываниями весьма критическими. Ближайший друг Пушкина П. В. Нащокин так характеризует отношение Баратынского к Пушкину: «Баратынский не был с ним искренен, завидовал ему, радовался клевете на него, думал ставить себя выше его глубокомыслием, чего Пушкин, в простоте и высоте своей, не замечал».

Как же сложилась судьба экземпляра «Бориса Годунова» с дарственной надписью Пушкина Баратынскому? По-видимому, во второй половине прошлого века (Баратынский скончался в 1844 году) его родственники увезли две книги, подаренные ему Пушкиным, за границу. Обе книги попали к Шарлю Саломону, французскому литератору и слависту. Одна из этих книг — «Полтава», подаренная Пушкиным Баратынскому 7 апреля 1829 года,— после Шарля Саломона оказалась в руках парижского собирателя А. Ф. Онегина, коллекция которого после его смерти, в 1925 году, перешла в Пушкинский Дом. А когда в 1936 году скончался в семидесятипятилетнем возрасте Шарль Саломон, завещав академику Андре Мазону, близкому другу, свой архив, там оказался экземпляр «Бориса Годунова», подаренный Пушкиным Баратынскому.

О существовании этой книги не знал никто. Возможно, Андре Мазон сам собирался написать о ней. Эта чудесная книга носит на себе незримую печать пушкинского времени. И дело не только в своеобразии обложки, в характере шрифта, в особенностях бумаги,— вся она полна какой-то гармонии, удивительной прелести...

Теперь, после, быть может, столетнего пребывания за рубежом, книга снова на родине.

ВОСПЕТАЯ ПУШКИНЫМ

На протяжении моей жизни не раз бывали случаи, когда, отыскав фотографию значительного произведения искусства, считавшегося утраченным, или бесследно исчезнувшего интересного автографа, я какими-то интуитивными путями, если не сказать шестым чувством, затем находил и подлинник. Но никак не мог я даже и предположить, что найду оригинал опубликованного мною десять лет тому назад благодаря уцелевшей фотографии примечательного художественного памятника пушкинской эпохи и к тому же трогательного свидетельства жестокой судьбы одной из первых декабристок. И уж, конечно, совсем не думал, что встречу этот оригинал в Париже. Произошло это так.

18 апреля я вторично отправился к Д. Д. Давыдову, потомку декабриста Василия Львовича Давыдова и бывшему лицеисту. Денис Дмитриевич обещал мне решить вопрос о передаче в одно из наших архивохранилищ имеющегося у него альбома, некогда принадлежавшего жене декабриста, Александре Ивановне Давыдовой (об этом альбоме я позже расскажу подробно). Денис Дмитриевич, прикованный к постели, тяжелобольной, видимо, чтобы посоветоваться, посылать ли альбом на родину, пригласил двух своих друзей. Одного из них он называл бароном, другого — полковником. Наибольшее участие в разговоре принимал «полковник»— В. Н. Звегинцов, из его вопросов и реплик мне стало ясно, что он является крупным знатоком русской истории минувшего века. В частности, выяснилось, что у него имеются обе книги 60-го тома «Литературного наследства», посвященного декабристам. «На странице 81-й второй книги этого тома,— сказал он,— напечатана фотография акварельного портрета Марии Николаевны Волконской и указано, что местонахождение оригинала неизвестно. Так вот, эта акварель находится у меня».

По правде говоря, я сперва не поверил тому, что услышал, настолько это было и неожиданно и невероятно. Ведь, ссылаясь на публикацию портрета М. Н. Волконской, местонахождение которого до сих пор оставалось неизвестным, В. Н. Звегинцов, сам того не зная, имел в виду мое исследование о декабристе — художнике Николае Бестужеве.

Что же это за акварель, существование которой так меня обрадовало, чем она примечательна?

Но прежде несколько слов о М. Н. Волконской. Любимая дочь генерала Н. Н. Раевского, прославленного героя Отечественной войны 1812 года, Мария Николаевна вошла как «утаенная любовь» не только в жизнь Пушкина, но и в его творчество. Давно известно, что именно о ней, хотя ни разу она не была им названа, поэт говорит в ряде своих произведений. И именно о ней в «Бахчисарайском фонтане» он писал:

Все думы сердца к ней летят,
Об ней в изгнании тоскую.

На протяжении долгих лет видные пушкинисты спорили о том, к кому обращено посвящение к «Полтаве», в котором имеются такие строки:

...Твоя печальная пустыня,
Последний звук твоих речей
Одно сокровище, святыня,
Одна любовь души моей.

И лишь когда П. Е. Щеголев, изучив черновую рукопись поэмы, установил, что в первой редакции посвящения строке «Твоя печальная пустыня» предшествовало «Сибири хладная пустыня», стало ясно: «утаенная любовь» Пушкина, та девушка, которая не ответила ему взаимностью, и была М. Н. Раевская.

Ей было всего лишь девятнадцать лет, когда в начале 1825 года она стала женой будущего декабриста С. Г. Волконского. Трудно сказать, чем привлек Марию Николаевну этот человек, старше ее на семнадцать лет, за плечами которого была бурно прожитая жизнь; быть может, ей, выросшей в военной семье, была по душе его героическая биография: за десять лет боевого пути он участвовал в 58 сражениях, а в чин генерал-майора за отличие был произведен в двадцатичетырехлетнем возрасте. Несмотря на то, что за семь дней до его ареста Мария Николаевна Волконская, находясь на юге, 2 января 1826 года родила сына, она, узнав 28 февраля о судьбе мужа, оставила младенца на попечение родственников и поспешила в Петербург. Потянулись долгие месяцы следствия, допросов, очных ставок. А 10 июля Николай I утвердил приговор по делу декабристов: за исключением тех пятерых, которые по первоначальному приговору должны были подвергнуться казни колесованием, все подсудимые были разделены на одиннадцать разрядов. По «Росписи государственным преступникам, приговором Верховного уголовного суда осужденным к разным казням и наказаниям», Волконский был отнесен к категории «государственных преступников первого разряда, осуждаемых к смертной казни отсечением головы». 11 июля «по высочайшему повелению» приговор был смягчен: Волконский приговаривался к лишению чинов и ссылке на каторжные работы на двадцать лет. Узнав об окончательном приговоре, Мария Николаевна принимает решение следовать за мужем на каторгу. Категорический запрет Николая I женам декабристов брать с собой детей не остановил ее.

В последние недели пребывания в Петербурге она заказывает лучшему акварелисту того времени П. Ф. Соколову портрет, на котором художник должен был изобразить ее с десятимесячным сыном Николаем на руках. Причем портрет был заказан в двух экземплярах: один для сестры — С. Н. Раевской, другой — для мужа. О судьбе первого не известно ничего, судьба второго примечательна.

В архиве Волконских мне удалось отыскать два письма Марии Николаевны, в которых она говорит о сеансах у Соколова. В письме к сестре, отправленном 17 ноября 1826 года, незадолго до отъезда в Сибирь, она писала: «Соколов ожидает меня, чтобы писать для тебя ко дню твоего рождения мой портрет и портрет нашего ребенка». А через день — 19 ноября — она извещала мужа: «Наш дорогой Николино чувствует себя хорошо, скоро ты получишь его и мой портрет работы Соколова. Не знаю, выйдет ли он,— так трудно рисовать ребенка, схватить сходство, а у нашего особенно много живости в лице. Я покидаю тебя, мой друг, чтобы позировать. Художник ждет меня».

А через месяц Мария Николаевна двинулась в далекую, почти бесконечную дорогу... В Москву она приехала 26 декабря и остановилась у родственников мужа. Здесь на следующий день был устроен в ее честь вечер, на котором присутствовал и Пушкин. Это была их последняя встреча. А днем позже Волконская отправилась в свой тяжкий, скорбный путь на Благодатский рудник, где ее закованный в кандалы муж уже начал отбывать каторжные работы. И, конечно, она везла с собой портрет, написанный с нее Соколовым. По-видимому, в первую же встречу с мужем она этот портрет ему передала.

В фонде III Отделения, в делах Нерчинского горного правления «О государственных преступниках, сосланных по делу 14 декабря 1825 года», я нашел документ, датированный 20 февраля 1827 года и озаглавленный «Опись поступившим по сие число имуществу и вещам государственных преступников Сергея Трубецкого с товарищи», в котором под фамилией «Волконский» указано: «Портрет отца его — 1, портрет матери — 1, портрет жены и сына — 1». Совершенно очевидно, что эти три вещи он получил из рук жены, прибывшей на Благодатский рудник за двенадцать дней до составления этой описи. А через два года эта акварель приобрела для Волконских ценность реликвии, так как их сын, оставленный на попечение родных, умер в возрасте трех лет.

Пушкин посвятил его памяти трогательную эпитафию:

В сияньи, в радостном покое,
У трона вечного творца,
С улыбкой он глядит в изгнание земное,
Благословляет мать и молит за отца.

Тридцать лет провела М. Н. Волконская в «хладной пустыне» тогдашней Сибири. Но интерес и любовь к родной литературе никогда в ней не угасали. И в сибирской глуши «звуки лиры» Пушкина для Марии Николаевны оставались «милыми». В ее письмах тех лет к родным и друзьям множество упоминаний о поэте и о его новых произведениях. Так, 20 марта 1831 года, то есть спустя всего лишь три месяца после выхода в свет «Бориса Годунова», она писала З. А. Волконской: «Борис Годунов» вызывает наше общее восхищение; по нему видно, что талант нашего великого поэта достиг зрелости; характеры обрисованы с такой силой, энергией, сцена летописца великолепна. Но, признаюсь, я не нахожу в этих стихах той поэзии, которая очаровывала меня прежде, той неподражаемой гармонии, как ни велика сила его нынешнего жанра». Видимо, в многообразном творчестве Пушкина М. Н. Волконской ближе всего была его лирика.

На протяжении всех тридцати лет своей жизни в Сибири Мария Николаевна не расставалась с акварелью, на которой П. Ф. Соколов изобразил ее с сыном. И этот самый портрет оказался теперь во владении В. Н. Звегинцова. А до того как попасть в Париж, этот портрет за 140 лет своего существования проделал несколько десятков тысяч километров в разные концы света. Так, дорога от Петербурга до Благодатского рудника составила 6 тысяч километров, затем Волконские взяли его с собой, когда в 1827 году были отправлены в Читинский острог, оттуда в 1830 году он проделал вместе с ними путь в Петровский завод. В марте 1837 года Волконские отбыли на поселение в село Уриковское, Иркутской губернии.

После смерти Николая I, в 1855 году, когда воцарившийся Александр II подписал амнистию декабристам, Волконские в следующем году возвратились в Европейскую Россию и поселились в селе Воронки, Черниговской губернии. Затем акварель стала собственностью родившейся в Сибири дочери М. Н. Волконской — Елены Сергеевны.

В 1910-х годах портрет находился в ее имении Вейсхбаховке, Полтавской губернии. От третьего брака с А. А. Рахмановым у Елены Сергеевны была дочь, к которой и перешел в дальнейшем портрет М. Н. Волконской с сыном. Дочь Елены Сергеевны вышла замуж за русского офицера А. И. Джулиани, от которого у нее было два сына — Сергей и Михаил, являющиеся троюродными братьями В. Н. Звегинцова. Он и приобрел эту акварель у Сергея Джулиани в 1925 году, встретив его на улице во Флоренции, когда тот нес ее к антиквару, чтобы продать.

В настоящем номере «Огонька» акварель впервые за все время своего существования воспроизводится в красках.

Я очень надеюсь, что В. Н. Звегинцов придет к решению, что этому портрету следует совершить еще одно путешествие — на этот раз последнее — на родину, где любой из наших пушкинских музеев будет счастлив украсить свою экспозицию портретом женщины, воспетой Пушкиным, декабристки, прославленной Некрасовым в «Русских женщинах».

ЗЛОВЕЩАЯ КРАСАВИЦА

Сейчас речь пойдет о привезенном мною из Парижа шедевре русской акварельной живописи. Этот великолепный портрет возвращает нас к одной из загадок биографии Пушкина. Но прежде чем коснуться этой загадки, коротко расскажу о том, как неожиданно портрет обнаружился.

После гражданской войны в числе многих русских эмигрантов за рубежом оказался офицер генерального штаба А. А. Попов, потомственный военный. К чести этого человека, надо сказать, что в нем не только никогда не угасала любовь к русской культуре и огромный интерес к русской истории, но более того —это стало подлинной страстью, приведшей его к глубокому изучению русского изобразительного искусства. Вскоре А. А. Попов, человек смолоду очень далекий от художественных интересов, стал одним из крупнейших в Париже антикваров — знатоков русского изобразительного искусства.

Русскую живопись Попов знал великолепно. Благодаря этому он собрал превосходную коллекцию произведений выдающихся русских художников и мечтал о том, чтобы в дальнейшем она была на родине. Имеется описание этой коллекции, сделанное А. Н. Бенуа. Маститый художник и искусствовед восторженно отзывается о собирательском таланте владельца коллекции.

Во время пребывания в Париже я несколько раз был у Б. Е. Поповой, вдовы Александра Александровича. И вот, рассматривая один из альбомов, в котором находились акварельные портреты первой половины прошлого века, я с удивлением остановился на изображении удивительно красивой женщины, подписанном П. Ф. Соколовым. Меня потрясло обозначенное под портретом имя этой женщины — Идалия Полетика.

Так вот какой она была в молодости, эта зловещая женщина!

В чем же загадка отношений Пушкина и этой женщины? Она ненавидела поэта настолько, что организовала у себя на квартире свидание ничего не подозревавшей Наталии Николаевны с Дантесом, то есть выступила в постыдной роли сводни. Откуда эта ненависть? За что она мстила Пушкину?

Самое удивительное, что Пушкин бывал в доме ее отца, графа Григория Александровича Строганова, который приходился ему свойственником, и, хотя разница их возраста равнялась тридцати годам, они были настолько дружны, что после гибели поэта Строганов взял на себя хлопоты по его похоронам и все расходы и стал председателем опеки над детьми Пушкина и имуществом. И с матерью Идалии — португальской графиней д'Оейнгаузен Пушкин также был в хороших отношениях; последние дни жизни поэта она провела на его квартире.

Современник утверждает, что Идалия Полетика «была известна в обществе как очень умная женщина, но с весьма злым языком». По другим отзывам, Идалия «олицетворяла тип обаятельной женщины...

складом блестящего ума, веселостью и живостью характера, доставлявшим ей всюду постоянный несомненный успех». И в то же время в литературе существует авторитетное свидетельство о том, что когда-то Пушкин не внял «сердечным излияниям» Идалии Григорьевны «и однажды, едучи с нею в карете, чем-то оскорбил ее». Все это, очевидно, относится к ранним годам Идалии. И Пушкин к ее «сердечным излияниям» отнесся насмешливо — это вполне возможно. Не исключено, что ненароком он насмерть обидел едким словцом будущую красавицу. Далее. К ней, несомненно, относится рассказ В. П. Горчакова, близкого знакомого Пушкина, о том, что одна «светская красавица», не имея «никаких особых прав на его преданность», хозяйка аристократического салона, где бывал поэт, обратилась к нему с просьбой написать «что-нибудь» в альбом. Причем, как подчеркивает мемуарист, это «не было просто просьбою простодушного сердца, а чем-то вроде требования по праву». Пушкин ответил, что он не мастер писать в альбомы. «Э, полноте, m-r Пушкин,—заметила баловень.—К чему это, что за умничанье, что вам стоит?» И вслед за этим, сообщает свидетель, «Пушкин вспыхнул, но согласился». И действительно, на следующий день, когда у хозяйки салона были гости, принесли альбом, в котором оказались стихи Пушкина, причем такие, от которых ее глаза «вспыхнули самодовольствием».

Мемуарист говорит: «Знаю только то, что в этом послании каждый стих Пушкина до того был лучезарен, что, казалось, брильянты сыпались по золоту, и каждый привет так ярок и ценен, как дивное ожерелье, нанизанное самою Харитою в угоду красавице». Но через час-другой один из гостей вновь прочитал стихотворение, и, поняв, в чем дело, невольно вскрикнул: «Боже, что это?!» Затем хозяйка, быстро пробежав строки, «вся вспыхнула, на лице выступили пятна, глаза сверкнули, и альбом полетел в другую комнату». Оказывается, в конце стихотворения вместо должного числа Пушкин поставил: 1 апреля».

Если рассказ В. П. Горчакова точен, то он тем более подтверждает, что у Идалии не могло не быть обиды: ей, одной из красивейших женщин Петербурга, Пушкин в действительности не посвятил ни строчки, тогда как молоденькой, ничем как будто не примечательной Олениной, Анне Керн и многим, многим другим поэт щедро посвящал свои стихи... Можно ли это простить?

Именно к таким, как Полетика, относились строки Пушкина в «Евгении Онегине»:

Когда блистательная дама
Мне свой in quarto подает,
И дрожь и злость меня берет,
И шевелится эпиграмма
Во глубине моей души,
А мадригалы им пиши!

И других поэтов Пушкин увещевал не «прославлять надменных».

Ненависть свою Идалия затаила, и светские отношения поддерживались. В 1829 году она вышла за офицера Кавалергардского полка А. М. Полетику, который, по-видимому, был во многом под стать своей жене. П. И. Бартенев, один из первых биографов Пушкина и редактор журнала «Русский архив», встречавшийся и беседовавший со многими друзьями и близкими знакомыми поэта, внес в свою записную книжку такие строки об Александре Полетике: «Это был наглец. Во время Польского похода 1831 года он живился на счет графа Д. Н. Шереметева и даже завладел его вещами и самой походной палаткой. Приятелем ему был кавалергард, убийца Пушкина, Дантес. Его квартира находилась в Кавалергардских казармах, и именно в ней Идалия устроила, не предупредив Наталью Николаевну, ее свидание с Дантесом».

Дантес зачислен был в этот полк в феврале 1834 года всего лишь корнетом, а к 1836 году дослужился до чина поручика. А Александр Полетика был в это время уже полковником.

Вероятно, мысль о мести Пушкину давно зрела у Идалии Полетики.

За полгода до трагических событий в жизни поэта, в лейбгвардии Кавалергардском полку, в котором служил Дантес, разыгралась скандальная история, «героиней» которой оказалась та же Идалия Полетика. Прослышав об этом в дни пребывания в Москве, Пушкин написал оттуда жене 6 мая 1836 года:

«Что Москва говорит о Петербурге, так это умора. Например: есть у вас некто Савельев, кавалергард, прекрасный молодой человек, влюблен он в Idalie Полетику и дал за нее пощечину Гринвальду. Савельев на-днях будет расстрелян. Вообрази как жалка Idalie!»...

В сообщении Пушкина не все точно, да это и понятно, так как поэт находился в Москве и до него дошли лишь слухи. Но доподлинно известно, что Савельев был отстранен от службы и, «согласно просьбы его», определен рядовым в Нижегородский драгунский полк, принимавший участие в военных действиях на Кавказе.

Можно представить себе, какова была репутация Идалии в мужских кругах высшего света, если командир одного из самых аристократических полков империи, генерал-майор Р. Е. Гринвальд, мог позволить себе оскорбительно отозваться об этой женщине и, по-видимому, о таком ее поведении, при котором она начисто роняла в глазах людей строгих нравов свое женское достоинство. Репутация Полетики стала притчей во языцех, если начальник кавалергардов так отозвался о ней, жене командира эскадрона вверенного ему полка.

В недавние годы во Франции отыскались два письма Идалии Полетики к Дантесу, которые он получил, находясь после дуэли под арестом. Их обнаружил, работая над биографией Пушкина, французский писатель Анри Труайа, имевший доступ к архиву Дантеса. Эти письма с предельной ясностью свидетельствуют о том, с каким обожанием Полетика относилась к убийце великого поэта. Вот строки, имеющиеся в первом из них (оба письма по-французски, даем их в переводе): «Бедный друг мой, при мысли о вашем заключении сердце кровью обливается. Не знаю, чего бы я не дала, чтобы прийти немного поболтать с вами; мне кажется, что все, что произошло, это сон, но дурной сон, чтобы не сказать «кошмар», так как в результате я лишена возможности вас видеть... До свидания, мой прекрасный и милый узник, я не теряю надежды увидеть вас до вашего отъезда. Ваша всем сердцем».

Итак, «все, что произошло», для Полетики «кошмар» только потому, что она «лишена возможности» видеть Дантеса!

По получении этого письма Дантес, очевидно, попросил своего приемного отца голландского посланника барона Геккерена передать Полетике в подарок браслет или кольцо. Вот что она тогда написала Дантесу: «У вас есть дар заставлять меня плакать, но на этот раз это слезы, которые облегчают, потому что ваш подарок на память доныне меня трогает, он больше не покинет моей руки; но я сержусь на вас, друг, за то, что вы думаете, будто стоит вам уехать, и я забуду о вашем существовании; это доказывает, что вы меня еще плохо знаете, потому что если уж я люблю, то люблю крепко и навсегда».

И, конечно, Полетика с полным основанием могла бы сказать о себе, что если она ненавидит, то ненавидит «крепко и навсегда».

А когда через несколько дней Дантес был выслан за границу, его жена Екатерина Гончарова писала ему: «Idalie приходила вчера на минуту с мужем: она в отчаянии, что не простилась с тобою..., она не могла утешиться и плакала, как безумная».

В архиве Дантеса сохранилось также несколько писем Идалии Полетики к его жене. Самое интересное из них то, что было отправлено в конце 1838 года: «Я вижу довольно часто ваших сестер у Строгановых, но отнюдь не у себя: Натали не имеет духа притти ко мне; мы с ней очень хороши; она никогда не говорит о прошлом: оно не существует между нами; и поэтому, хотя мы с ней в самых дружеских отношениях, мы много говорим о дожде и о хорошей погоде, которая, как вы знаете, редка в Петербурге... Натали все хороша, хотя очень похудела... Ее дети хороши, мальчики в особенности похожи на нее и будут очень красивы, но старшая дочь — портрет отца; это великое несчастье».

Каждая фраза в этом письме наполнена большим внутренним содержанием, в каждой фразе чувствуется голос врага Пушкина, сыгравшего страшную роль в тех роковых событиях, которые привели к его гибели.

Думается, что найденный портрет Идалии Полетики как бы поясняет в некотором роде характер зловещей красавицы. И неспроста она позировала художнику в горностае: драгоценный мех должен был подчеркнуть, что портрет изображает даму из высшего общества,— хотя все знали, что она незаконнорожденная и не могла носить фамилии отца. Последнее обстоятельство, несомненно, явилось причиной того, что самолюбие Идалии на всю жизнь осталось ущемленным. Что же касается ее внешности, то она действительно прекрасна. И все же есть в этом лице, особенно в красивых голубых глазах, что-то самодовольно-надменное, властное и холодное. Такая вполне могла затаить ненависть против поэта, знавшего ее и никогда не воспевшего. И не в этом ли ответ на загадку, о которой шла речь? Мне это представляется и возможным и вероятным. И не показательно ли, что, пережив поэта на 54 года, она не написала ни строчки воспоминаний о нем! Более того. Ко времени смерти Идалии Полетики (27 ноября 1890 года) уже десять лет высился в Москве памятник Пушкину — выражение неугасимой любви народа к своему поэту. Один этот факт уже был тягчайшим укором роковой женщине, не остановившейся перед подлостью, чтобы утолить свою ненависть к нему. И если кто подумает, что хотя бы тогда, на закате жизни, ее мучили угрызения совести, тот ошибается. В те годы она жила в Одессе, где ее брат по отцу А. Г. Строганов был генерал-губернатором. П. И. Бартенев, побывав весной 1889 года в этом городе в поисках архивных материалов, хотел встретиться с Идалией Полетикой, чтобы записать ее воспоминания о Пушкине. Но вскоре понял, что это безнадежно. Вот строки, внесенные Бартеневым в свой путевой дневник 12 апреля 1889 года: «Я только видел ее, но не знал: ей было достаточно, что я печатал о Пушкине, чтобы не желать моего знакомства. Она ненавидела Пушкина. Нрава она была резкого или что французы называют acariâtre (сварливый, неуживчивый). Смешно и для г-жи Полетики позорно, что ныне, в глубокой старости, она не стыдится клясть Пушкина. Она говорит, что ее оскорбляет воздвигаемая в Одессе статуя Пушкина и что она намерена поехать и плюнуть на него, что был изверг».

Страшное существо, ненавидевшее Пушкина, осталось верным себе до гроба.

Такой была Идалия Григорьевна Полетика, которую в молодые годы изобразил первоклассный русский акварелист П. Ф. Соколов. Портрет этот воспроизводится здесь впервые.

Сейчас нелегко установить все этапы пути, пройденного этим акварельным портретом почти за полтораста лет его существования. Пока удалось выяснить, что существовал старинный альбом, состоявший из одних только акварелей П. Ф. Соколова. Накануне революции он принадлежал Софии Владимировне фон Ден, урожденной Шереметевой. Наследовала она его, видимо, от своей матери графини Елены Григорьевны Строгановой, дочери великой княгини Марии Николаевны от ее второго брака с графом Г. А. Строгановым-младшим. Этот Строганов был внуком отца Идалии Полетики, а его отец — тем одесским генерал-губернатором, у которого она провела последние годы своей жизни. После революции С. В. фон Ден привезла альбом в Рим, где она недавно скончалась. В начале 1930-х годов альбом был отправлен в Париж, и здесь акварели Соколова были распроданы отдельными листами. А. А. Попов некоторые из них приобрел, в том числе портрет Идалии Полетики.

В заключение рад сообщить, что по моей просьбе Б. Е. Попова отправила это замечательное произведение на родину. Портрет Идалии Полетики скоро будет включен в экспозицию Государственного музея А. С. Пушкина в Москве.

СОБЛЮДАЯ ТИШИНУ!

Такой дорожный знак, предупреждающий водителей автомобилей о соблюдении тишины, установлен на улицах швейцарского города Цюриха.

ЖИВАЯ КУКЛА

Гейл Шерер работает в одном нью-йоркском магазине готового платья манекенщицей-куклой. Она совершенно неподвижно сидит в витрине 8 часов 15 минут. Многие безуспешно пытались рассмешить Гейл своими гримасами и шутками. Она так вошла в свою роль, что мужу ради шутки удается бесплатно провозить Гейл в автобусе, как обычную куклу.

СИРОТА

Джо Бизи, живущий в Калифорнии, случайно нашел яйцо неизвестной птицы. Он поместил яйцо в инкубатор, и вскоре из него вылупился пингвин. Птица выросла в доме Бизи и стала другом семьи. Больше всего она любит играть с хозяином дома и, видимо, получает удовольствие от таких вот полетов, когда ее подбрасывают в воздух.

ТАЙНА КЛАДА

Когда рыли траншею для теплотрассы, на территории бывшего Санаксарского монастыря (Темниковский район, Мордовской АССР) строители обнаружили большую дубовую бочку, в которой оказалась разнообразная серебряная и позолоченная церковная утварь.

Многие изделия датированы второй половиной XVIII века и представляют образцы тонкой ювелирной работы. Обращают внимание две чаши с самоцветами и инкрустациями.

Как известно, Санаксарский монастырь, где находится могила адмирала Ф. Ф. Ушакова, строил его дядя, Иван Ушаков. Последние годы жизни флотоводец провел в своей небольшой усадьбе рядом с деревней Алексеевкой, в двух километрах от Санаксара. Современник адмирала настоятель Санаксара Нафанаил в записках, датированных 1829 годом, приводит некоторые данные о Ф. Ф. Ушакове и, в частности, отмечает, что «в честь и память благодетельного имени своего сделал в обитель, в Соборную церковь, дорогие сосуды...» Не эти ли сосуды подарок знаменитого адмирала?

Находка передана в Темниковский краеведческий музей.

А. ЧЕРНУХИН

Фото В. Перункова.

ЗОНТ МАЛЕНЬКОГО КОВБОЯ

Джимми Гроу из Техаса укрылся от солнца под ковбойской шляпой своего отца.

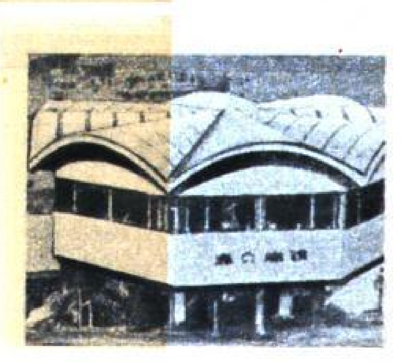
ГРИБ-ГИГАНТ

Свою рекордную находку демонстрирует жительница Австралии. Она нашла в лесу гриб, который весил около четырех килограммов.

БОЛЬНИЦА ДЛЯ РЫБ

Японские зоологи открыли на берегу Тихого океана больницу, в которой лечат рыб, раков, улиток, дельфинов, черепах и других морских животных.

В этой необычной больнице существует хирургическое отделение, а также помещение, где рыб учат правилам гигиены — после еды чистят зубы. Многие рыбы настолько привыкли к этой процедуре, что, отведав угощение, сами подплывают к краю бассейна и требуют гигиенического обслуживания.

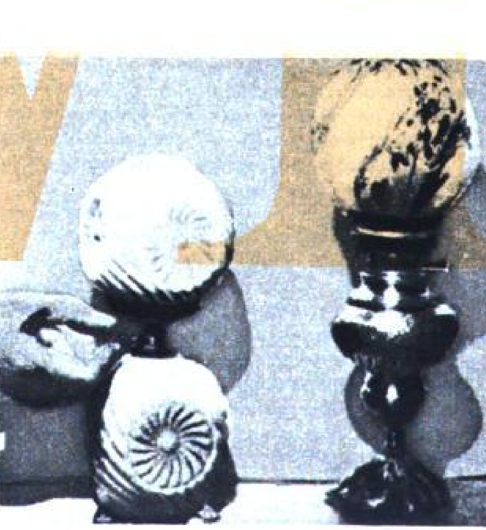

ДРУЗЬЯ

Еще один пример необычной дружбы в мире животных. Исключительно миролюбивые отношения установились между молодым носорогом и пуделем, живущими на одной из ферм Африки.

ВОЗВРАТ К СТАРИНЕ

В некоторых западных странах снова стали пользоваться керосиновыми лампами. Перед вами на снимке — образцы французских и американских керосиновых ламп.

Березовые строки

Вадим СЕМЕРНИН

Исполосовано березами,
Их невесомым отраженьем,
Передо мной лесное озеро
Не отзовется ни движеньем.
В воде березовые линии —
Незамутненные тропинки!
Лежат белее снега лилии,
Горят янтарные кувшинки.
Я пятерню кладу на бревнышко
И воду трогаю устами...
Сейчас, наверное, Аленушка
Стоит и смотрит за кустами.
Как будто снова детство ожило!
Вода — как молоко парное.
Я пью березовое озеро,
Целую таинство лесное.

Береза вышла на опушку
И засмотрелась на шоссе...
Зовут березоньки подружку,
Ветвями русой машут все!
Но та стоит, не шелохнется,
Завороженная стоит:
Катя перед собою солнце,
По ленте мотоцикл летит...
Наскучило качать кукушку,
В вечерней ежиться росе —
Береза вышла на опушку
И засмотрелась на шоссе.

Клен — потому что лист — клин,
Вяз — потому что в траве завяз,
Вишня — потому что из лесу
вышла,
Тополи — потому что полсвета
истопали,
Рябина — потому что в очи
рябила,
А береза?..
Да потому что белёса!

Береза — и рядом Россия...
Мы пили березовый сок,
Березу домой приносили —
Берестяной огонек.
Гремели военные грозы,
Березу огонь не щадил...
Белеют кресты из березы
Над полем нерусских могил!

Мегрэ и старая дама

Жорж СИМЕНОН

Рисунки П. ПИНКИСЕВИЧА.

Роман

ГЛАВА ПЯТАЯ

СУЖДЕНИЯ ДОСТОЙНОГО ЧЕЛОВЕКА

Туман почти рассеялся, но притихшее море медленно, словно вздыхая, все еще дымилось. В мглистых облаках над морем стояла радуга.

Всходившее солнце золотило дома, воздух был чист, свеж, и все поры жадно впитывали его. Вкусно пахли лавки зеленщиков, бутылки с молоком еще ждали у порогов хозяек, а в пекарнях был жаркий час, когда румянились корочки.

И снова, как в детстве, мир предстал перед ним не таким, как он есть, а каким хотелось бы его видеть. Городок Этрета с его чересчур маленькими, чересчур красивыми, чересчур свежевыкрашенными домами казался неправдоподобно чистым и невинным для случившейся трагедии. И скалы выступали из тумана точно такими, как на открытках, выставленных у ворот рынка, а мясник, булочник, торговец овощами вполне могли сойти за персонажей детских сказок.

Свойственно ли это только ему, Мегрэ? Или и другие люди воспринимают мир так же, только не признаются в этом? Ему бы так хотелось, чтобы мир был именно таким, каким он являлся в раннем детстве! Про себя Мегрэ называл это: «Как на картинках». И не только внешне, но чтобы такими были сами люди: отец, мать, примерные дети, добрые седые бабушки и дедушки...

Когда он начинал работать в полиции, ему, например, долгое время городок Везинэ представлялся самым гармоничным местом в мире. Это было в двух шагах от Парижа, но до 1914 года там редко встречались автомобили. У богатых буржуа в Везинэ были загородные виллы, дома кирпичной кладки, просторные и удобные, с заботливо ухоженными садами, фонтанами, качелями и огромными посеребренными шарами. Слуги носили ливреи с галунами, а горничные — обшитые кружевами белые чепцы и фартуки.

Казалось, что здесь могли жить только самые счастливые и добродетельные семьи, в

Продолжение. См. «Огонек» №№ 42—46.

которых царят мир и радость. И он был разочарован в душе, когда вдруг на одной из этих вилл с прилизанными аллеями разразился непристойный скандал — гнусное убийство мачехи из-за денег.

Теперь он, конечно, не обольщался. Долгие годы он сталкивался главным образом с изнанкой жизни; но, словно узор, сохранилось в нем навсегда это детское восприятие мира, «как на картинках».

Небольшой вокзал выглядел так, словно его старательно разрисовал акварельными красками примерный ученик, даже розовый дымок вился над трубой. Он снова застал игрушечный поезд, служащего, проверявшего билеты (мальчиком он мечтал стать контролером на железной дороге). И он увидел только что приехавшую Арлетту. Она была так же изящна и элегантна, как накануне, в парижском туалете, с саквояжем крокодиловой кожи в руке.

Только что он чуть было не отправился ей навстречу по пыльной дороге, на которой, должно быть, приятно пахло скошенной травой и полевыми цветами. Его отпугнула мысль, что это будет похоже, будто он спешит на свидание. Медленно спускаясь с холма на своих высоких каблуках по этой дороге, она, вероятно, чувствовала себя чересчур «светской» дамой.

Почему же все-таки в действительности все выглядит другим? Иначе говоря, зачем детей пичкают иллюзиями о мире несуществующем, а потом они всю жизнь пытаются сопоставлять этот мир с окружающей их действительностью?

Она сразу же заметила, что он ждет ее на перроне у газетного киоска, и, протягивая билет контролеру, чуть неуверенно улыбнулась ему. Она выглядела усталой, и во взгляде ее читалось беспокойство.

— Я была уверена, что встречу вас здесь,— сказала она.

— Как там все обошлось?

— Это было мучительно.

Взглядом она искала свободное купе. Только в одном из купе первого класса не оказалось попутчиков.

— А ваша мать?

— Она жива. Во всяком случае, была жива, когда я уходила.

Поезд должен был вот-вот тронуться. Положив саквояж на скамью, она встала в дверях у самой подножки.

— Вы снова ссорились?

— Спать мы легли очень поздно. Я кое-что должна сказать вам, господин Мегрэ. Это, правда, только мое предчувствие. Но оно терзает меня. Роза умерла. Но чутье мне подсказывает, что этим не кончится. Готовится новая драма.

— Ваше предположение основано на том, что говорила мать?

— Нет. Я сама не знаю на чем.

— Вы считаете, что жизнь ее по-прежнему под угрозой?

Она не ответила. Ее светлые глаза были обращены к киоску.

— Инспектор уже ждет вас,— заметила она, словно давая понять, что интимность их разговора нарушена.

Она поднялась в купе. Начальник станции поднес к губам свисток, локомотив пустил пары.

Это был действительно Кастэн. Он приехал раньше, чем обещал накануне, и, не застав Мегрэ в отеле, решил поискать его на вокзале. Вышло как-то неловко. Но почему, собственно говоря, неловко?

Поезд медленно тронулся. Комиссар пожал руку инспектору.

— Что нового?

— Ничего особенного,— ответил Кастэн.— Но я тревожился без всяких на то причин. Мне снились две женщины — мать и дочь,— они были одни в небольшом домишке.

— И кто из них кого убивал?

Пришла очередь Кастэну смутиться.

— Как вы догадались? Мне снилось, что мать убивала дочь. И чем, как вы думаете? Поленом, выхваченным из печи.

— К девяти должен подъехать Шарль Бессон. У него умерла теща. Люка что-нибудь сообщил вам по телефону?

— Очень немного. Но он еще перезвонит в Гавр, как только получит новые сведения. Я распорядился, чтобы его соединили с вашим отелем.

— Что там известно о Тео?

— У Тео не раз были неприятности с неоплаченными векселями. Но ему всегда удавалось расплатиться до вызова в суд. У него много друзей среди богатых кутил, которым требуются собутыльники. Время от времени он пристраивается к какому-нибудь коммерческому делу, но, как правило, в роли посредника.

— У него нет женщин?

— Судя по всему, он не слишком увлекается женщинами, иногда заводит любовницу, но ненадолго.

— Это все?

Из небольшого бара так вкусно пахло кофе и коньяком, что оба они, не устояв перед соблазном, зашли и уселись за стол, на котором стояли пустые чашки, пахнущие спиртным.

— Меня встревожил не столько сон,— продолжал вполголоса инспектор,— сколько размышления, которыми я даже поделился с женой, перед тем как заснуть. Я часто думаю вслух, так у меня лучше получается. Жена согласилась со мной. Пять лет прошло с того времени, как умер старик Бессон, так ведь?

— Примерно так.

— И насколько нам известно, с тех пор мало что изменилось, но только в прошлое воскресенье кто-то пытался отравить Валентину. И заметьте, чтобы рассеять подозрение, был выбран единственный день, когда в доме оказалось много народу.

— Да, это имеет значение. Что же дальше?

— И умерла не Валентина, а несчастная Роза. Значит, если были мотивы для убийства Валентины, они существуют и по сей день. И до тех пор, пока мы не узнаем эти мотивы...

— ...опасность не устранена, вы это хотите сказать?

— Да. И, возможно, ваше присутствие еще более усугубляет эту опасность. У Валентины нет состояния, следовательно, убить ее пытались не из-за денег. Значит, кто-то пытается помешать разоблачению того, что известно Валентине. Значит, Валентине что-то известно, и кто-то пытается не допустить разоблачения. В этом случае...

Мегрэ не слишком внимательно слушал рассуждения инспектора. Он смотрел в окно и наслаждался утром, смакуя то особое трепетанне воздуха, какое бывает, когда солнечные лучи разгоняют ночную влагу.

— Люка что-нибудь говорил о Жюльене?

— Супруги Сюдр живут очень скромно, снимают квартиру из пяти комнат в дешевом доме, держат горничную. У них есть автомобиль. Субботу и воскресенье они проводят за городом.

— Все это мне известно.

— Виноторговец Эрве Пейро богат, у него большое предприятие на набережной Берси, все свободное время он прожигает с женщинами самого разного пошиба. У него три автомобиля, один — марки Бугатти...

«Семейный пляж»,— прочел как-то Мегрэ в одном из рекламных проспектов. Так оно и есть. Матери с детьми, мужья, приезжающие к ним в субботний вечер, старики и старухи с бутылками минеральной воды и коробочкой пилюль на столике в отеле, всегда встречающие друг друга в казино, в одних и тех же креслах; кондитерская сестер Сёрэ, где подают пирожные и мороженое; старые рыбаки, всегда одни и те же, которых фотографируют на фоне лодок, вытащенных на берег...

Фернан Бессон также был респектабельным старым господином, а Валентина — самой очаровательной старушкой. Арлетта сегодня утром могла бы позировать для почтовой открытки, муж ее — уважаемый дантист, а Тео — эталон джентльмена, которому прощают его пристрастие к спиртному, потому что он всегда спокоен и держится с достоинством.

У Шарля Бессона — жена, четверо детей, младшему только несколько месяцев; в ожидании траурного костюма по случаю смерти тещи Шарль повязал себе черную ленту на рукав. Он депутат, с министром на «ты», во время предвыборной кампании, должно быть, дружески пожимает руки, целует ребятишек и чокается с рыбаками и крестьянами...

Он оказался одним из тех, кого называют «милейшими людьми», а матушка комиссара Мегрэ назвала бы, пожалуй, «достойным человеком» — высокий, широкоплечий, чуть располневший, с обозначившимся брюшком, немного наивным взглядом и усиками на пухлой верхней губе.

— Я не заставил вас ждать, комиссар? Здравствуйте, Кастэн, рад снова вас видеть.

Его автомобиль был недавно выкрашен заново.

— Никаких дурных новостей?

— Никаких.

— А как мачеха?

— У нее как будто все в порядке. Только что уехала Арлетта.

— А! Она опять приезжала? Как это мило с ее стороны! Я не сомневался, что она приедет успокоить свою мать.

— Вы позволите, господин Бессон? — Мегрэ отвел Кастэна в сторону и поручил ему отправиться сначала в Ипор, а затем в Фекан.

— Прошу прощения,— сказал комиссар, возвращаясь к Бессону.— Я должен был дать инспектору кое-какие распоряжения. Признаюсь, я даже не представляю, где принять вас. В такую рань моя комната, наверное, еще не убрана.

— Я охотно выпью что-нибудь, а затем, если вы не боитесь свежего ветра, мы могли бы посидеть на террасе казино. Надеюсь, вы не слишком сердитесь, что я не смог встретить вас? Моя жена в отчаянии: из Марселя приехала ее сестра, супруга судовладельца,— их теперь только двое, в семействе Монте не было сына,— и вот на меня свалились теперь все неприятности...

— Вы полагаете, что вас ждут неприятности?

— О теще я не могу сказать ничего плохого. Она была достойной женщиной, но к старости у нее появились странности. Вы слышали, что ее муж занимался строительным делом. Половина жилых домов и немало общественных зданий в Дьеппе сооружены им. Большую часть состояния он оставил в недвижимости. Моя теща сама всем управляла после смерти мужа. Она никогда не давала согласия на ремонт зданий. Отсюда несчетное число тяжб с жильцами, муниципалитетом и даже с налоговой инспекцией.

— Разрешите вопрос, мсье Бессон. Встречалась ли ваша теща с Валентиной?

Мегрэ выпил вторую чашку кофе с коньяком и принялся наблюдать за собеседником, который вблизи оказался более обрюзгшим и менее представительным.

— К несчастью, нет. Они никогда не соглашались на встречу.

— Ни та, ни другая?

— Точнее, мать моей жены не желала знать Валентину. Это глупая история. Валентина, когда я представил ей Мими, внимательно осмотрела ее руки и пробормотала что-то вроде:

— У вас, конечно, не отцовские руки?

— Как это понять? — спросила Мими.

— Руки каменщика я представляла себе большими и широкими,— ответила Валентина.

— Видите, как все это глупо? — развел руками Бессон.— Мой тесть действительно в начале своей карьеры был каменщиком, хотя очень недолго. И все же он привык сквернословить. Думаю, что он это делал нарочно, ведь он был очень богат; он был важной персоной в Дьеппе и во всей округе, и его забавляло шокировать людей своим поведением и крепкими словами.

Когда моя теща услышала о словах Валентины, она была задета за живое. «Это все-таки лучше, чем быть дочерью спившегося рыбака!» — сказала она. Потом она припомнила время, когда Валентина была продавщицей в кондитерской сестер Сёрэ...

— И обвиняла Валентину в том, что та не отличалась примерным поведением?

— Да. Она еще подчеркивала разницу в годах ее и мужа. Короче, они никогда не соглашались встретиться.

— А у вас работы надолго?
— Да вы спите, у меня рабочий день ненормированный.

Рисунок В. Воеводина.

— Вот, говорят, допился до зеленых чертей, а какие же они зеленые, если они синенькие, голубчики...

Рисунок Е. Шабельника.

Пожимая плечами, Бессон добавил:

— Подобные истории бывают во всех семьях, не так ли? Хотя каждая из них — достойная женщина.

— Вы очень любите Валентину?

— Очень. Она всегда была добра ко мне.

— А как относится к Валентине ваша жена?

— Естественно, что Мими менее расположена к ней.

— Они ссорятся?

— Они редко видятся. Не чаще одного раза в году. Перед встречей я всегда рекомендую Мими быть терпимей, подчеркивая, что Валентина — пожилой человек. Она обещает. Но это не предотвращает взаимных колкостей.

— Так было и в прошлое воскресенье?

— Не знаю. Я водил ребят на прогулку.

«Кстати, что думают дети о своем отце? — подумал Мегрэ.— Вероятно, как и большинство детей, они уверены, что он сильный, умный человек, способный защитить их и направить их жизнь. Они не понимают, что это безвольный и недалекий человек, не приспособленный к жизни.

Мими, должно быть, говорит о нем:

— О, он так добр!

А он и в самом деле любит их всех и на жизнь смотрит большими глазами, наивными, сластолюбивыми. Ему, конечно, всегда хотелось быть сильным, умным, лучшим из мужчин!

И у него, наверно, была масса всяких планов. Многие из них ему не удалось осуществить, и некоторые если и осуществлялись, то при-

водили к фиаско. В обоих случаях он считал, что просто обстоятельства были против него.

И все-таки разве он не добился, чтобы его избрали депутатом? Теперь-то все узнают ему истинную цену. Вся страна услышит о нем, он станет министром, крупным государственным деятелем...»

— В молодости вы не были влюблены в Валентину? Она ведь старше на какой-нибудь десяток лет.

Оскорбленный, даже возмущенный вопросом, он воскликнул:

— Никогда в жизни!

— Ну, а позже не влюблялись ли в Арлетту?

— К ней я всегда относился, как к сестре.

Неужели и этот тоже воспринимает мир и людей, «как на картинках»? Бессон вынул из кармана сигару. Удивленный, что Мегрэ не следует его примеру, тщательно раскурил сигару и, медленно выдыхая дым, следил, как он тает в воздухе.

— Не отправиться ли нам на террасу? Там удобные кресла, обращены они к пляжу. Мы полюбуемся морем.

Круглый год он жил у моря, но всегда с одинаковым удовольствием любовался им, удобно устроившись в кресле, хорошо одетый, гладко выбритый, с видом значительного и процветающего человека.

— А ваш брат Тео?

— Вы хотите узнать, не был ли он влюблен в Валентину?

— Да.

— Наверняка не был. Я ничего подобного не замечал.

— А в Арлетту?

— И того меньше. Я еще был мальчиком, а у Тео уже были связи, особенно с «дамочками», как я их называю.

— Арлетта тоже не влюблялась в него?

— Возможно, она «обожала» его, как говорит моя жена об увлечениях девочек. Вы знаете, как это бывает. Без последствий. И доказательство тому — ее раннее замужество.

— Вас это не удивило?

— Что именно?

— Ее брак с Жюльеном Сюдром.

— Нет. Разве что немного. Ведь он не был богат, а мы считали, что Арлетте не прожить без роскоши. Одно время она отличалась большим снобизмом. Но это прошло. Думаю, что у нее с Жюльеном была настоящая любовь. Он оказался человеком широких взглядов. Отец хотел преподнести им в качестве приданого крупную сумму, в то время мы были необычайно богаты. Но Жюльен отказался.

— И она тоже?

жил на широкую ногу и охотно принимал друзей. Они этого не забыли и теперь, в свою очередь, приглашают его.

Совершенно иная картина! Несколько слов — и это уже совсем другой Тео.

— У него есть средства?

— Денежные? Не знаю. Если и есть, то очень немного. Но у него нет расходов. Он холостяк.

Нотки зависти проскользнули в словах этого грузного человека, обремененного четырьмя детьми.

— Он всегда элегантен. Но это потому, что он аккуратно носит вещи. Его часто приглашают в высшее общество. И мне кажется, что от случая к случаю он занимается и коммерцией. Он ведь очень умен и, если бы захотел...

«Да-да,— подумал Мегрэ,— Шарль тоже, если бы он только захотел...»

— Он сразу же согласился пойти с вами в воскресенье к Валентине?

— Нет. Не сразу.

— Он сказал вам, почему он здесь?

— Надеюсь, комиссар, вы не подозреваете Тео?

— Я никого не подозреваю, мсье Бессон. Мы просто беседуем. Я стараюсь составить себе как можно более точное представление о семье.

— В таком случае, если хотите знать мое мнение, Тео сентиментален, хотя и опровергает это. Он тоскует по Этрета, где мы детьми проводили каникулы. Вам известно, что мы приезжали сюда, когда была еще жива наша мать?

— Да, это понятно.

— Я сказал ему, что у него нет никаких оснований дуться на Валентину. И что она тоже на него не сердится. В конце концов он пошел со мной.

— Как он вел себя там?

— Как светский человек. Поначалу чувствовал себя несколько скованным. Увидев наши подарки, он извинился, что пришел с пустыми руками.

— А с Арлеттой?

— Что? Между ним и Арлеттой никогда ничего не было.

— Таким образом, за обедом семья была в полном сборе?

— Кроме Сюдра, который не смог приехать.

— Да, о Сюдре я забыл. Вы не заметили ничего такого — какую-нибудь деталь, которая могла бы навести на мысль о готовящейся драме?

— Ровным счетом ничего. А я ведь очень наблюдателен.

Ну и болван! Какое же иногда счастье быть болваном!

— Ну что вы! Это я должен благодарить вас, что вы приехали. Хотя я очень занят, но мне, как и многим, случается читать детективные романы. Бесполезно спрашивать, принимаете ли их всерьез вы. В этих романах каждый что-то скрывает, совесть у всех более или менее нечиста и жизнь людей, внешне самых простых, оказывается запутанной и сложной... Теперь вы немного знакомы с семьей,— продолжал Шарль Бессон.— Надеюсь, вы поняли, что ни у кого из нас нет причин ненавидеть мачеху, причем ненавидеть настолько, чтобы хладнокровно подготовить ее убийство. В желудке Розы был обнаружен мышьяк. И, если я правильно понял, он находился в стакане с лекарством, предназначавшимся Валентине. Я не оспариваю выводы экспертов, которые, должно быть, знают свое дело. Хотя даже и у них случаются ошибки и разногласия... Вы встречались с Арлеттой, господин комиссар. Вы видели Тео. И вот перед вами я. Если бы на Мими не обрушилось горе, я ее привез бы к вам, и вы бы убедились, что она не способна никому причинить зла... Все мы были так счастливы в воскресенье! Я предполагаю — пусть даже меня поднимут за это на смех,— что только нелепая случайность могла стать причиной катастрофы.

— Скажите, вы верите в привидения?

Мегрэ был в восторге от своего вопроса, который задал с наигранной улыбкой, как он сделал бы это в парламенте, подпуская ежа своему противнику.

— Нет, я в привидения не верю.

— И я не верю. Однако не проходит года, чтоб где-нибудь во Франции не объявлялся бы дом с привидениями, и несколько дней, а то и недель все местное население пребывает в смятении. В одном городке мне приходилось наблюдать, как целая армия жандармов, полицейских и экспертов не могла найти объяснение тому, что каждую ночь в доме двигались вещи. Но неизбежно все это в один прекрасный день объясняется. И в большинстве случаев настолько просто, что история завершается взрывом хохота.

— Но ведь Роза мертва, не так ли?

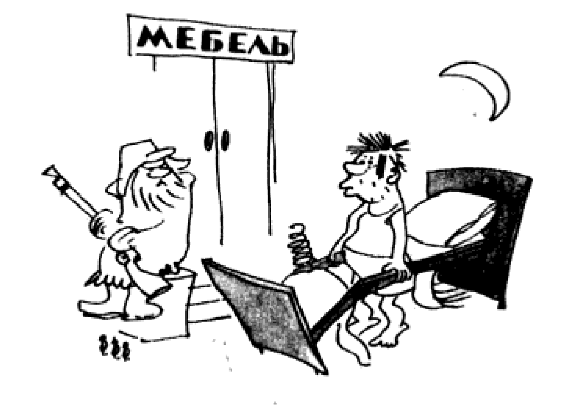
— Я знаю это и не собираюсь утверждать, что она сама отравилась. Лечивший ее доктор Жолли говорит, что она была здорова телом и духом. Ни ее знакомства, ни ее жизнь не дают основания заподозрить самоубийство. Не забывайте, что яд уже был в стакане, когда Валентина захотела выпить лекарство и не выпила его, почувствовав, что оно слишком горчит.

— Согласен. Я не пытаюсь вас убедить, я

— Почему в твоей пьесе не участвуют дружинники?

Рисунок Н. Калитина.

— Купил я у вас днем кровать...

Рисунок В. Воеводина.

— А почему на бифштексе следы зубов?
— Посмотрим, как вы с ним справитесь!

Рис. В. Тильмана.

— Да. Таким образом, буквально на следующий день она должна была привыкать к скромному существованию. Обстоятельства и нас всех приучили к тому же, но позже.

— Ваша жена и Арлетта в хороших отношениях?

— Думаю, да. Хотя они очень разные. У Мими дети, весь дом на ее руках, она редко бывает в обществе.

— А ей хотелось бы вести более светский образ жизни? Не тянет ее в Париж?

— Она терпеть не может Парижа.

— И не скучает в Дьеппе?

— Разве чуть-чуть. К несчастью, сейчас, когда я стал депутатом, мы не имеем возможности жить в столице. Что скажут мои избиратели?

Слова Шарля Бессона вполне гармонировали с окружающим пейзажем — с голубым, как на открытке, морем, сверкающим на солнце утесом, с купальщиками, которые словно позировали перед фотоаппаратом...

В конце концов реальная ли это действительность? Или же только мираж? И, может быть, этот большой самодовольный ребенок посвоему прав? И действительно ли умерла Роза?

— Вы не удивились, встретив здесь брата в воскресенье?

— Да, поначалу немного удивился. Я думал, что он в Довиле. Или же в одном из солонских замков — ведь уже начало сентября и разрешена охота. Тео, знаете ли, сохранил светские привычки. Когда у него было состояние, он

— Нужно сказать, что Мими и я были очень заняты детьми. Дома они сравнительно спокойны, а в гостях очень возбуждаются. Вы ведь заметили, что дом Валентины крошечный, в столовой так тесно, что невозможно выйти из-за стола. И наш малыш, который обычно спит, воспользовался этим и орал, не переставая, целый час, буквально оглушив всех. Мы уложили его на бабушкиной кровати, а со старшими не знали, что делать.

— Розу вы хорошо знали?

— Каждый раз, приезжая в «Гнездышко», я видел ее. Она была славной девушкой, немного замкнутой, как и большинство местных жителей. Правда, стоит их узнать поближе...

— Значит, видели вы ее примерно раз пять-шесть?

— Пожалуй, несколько больше.

— Вы разговаривали с ней?

— Ну, как говорят с прислугой? Мимоходом, на кухне. Она была хорошей кухаркой. Не знаю, как теперь устроится Валентина, она ведь любит вкусно поесть. Знаете, комиссар, если судить по вашим вопросам и моим ответам, боюсь, что вы на ложном пути.

Мегрэ невозмутимо продолжал потягивать трубку, следя глазами за крошечным корабликом, постепенно исчезавшим за горизонтом.

— Впрочем, я так и предполагал. И, предвидя, в каком направлении полиция поведет следствие, просил министра об одолжении: передать следствие в ваши руки.

— Благодарю вас.

просто говорю: никто из присутствовавших на обеде у Валентины не был заинтересован в убийстве старой беззащитной женщины.

— Известно ли вам, что ночью в доме был мужчина?

Шарль слегка покраснел и сделал жест, словно отгоняя назойливую муху.

— Мне говорили. Я с трудом в это поверил. Но ведь Арлетте тридцать восемь лет. Она чрезвычайно хороша собой. И пользуется успехом больше, чем другие. Может, это не так страшно, как можно подумать. Во всяком случае, я надеюсь, что Жюльен об этом никогда не узнает.

— Вероятно.

— Видите ли, господин Мегрэ, любой мог бы заподозрить кого-либо из присутствовавших на обеде, но ведь вы, судя по тому, что я о вас знаю, проникаете в самую суть вещей. Я убежден, как и в случаях с привидениями, вы откроете необычайно простую истину.

— Например? Что Роза не умерла?

Шарль Бессон рассмеялся, не совсем, однако, уверенный, что это шутка.

— К тому же откуда появился мышьяк? — сказал он.

— Не забывайте, что ваш отец был фармацевтом и что Тео, как мне говорили, изучал химию, что вы сами некоторое время работали в лаборатории. Я хочу сказать, что все в семье знакомы в какой-то степени с лекарств-

— Об этом я не подумал, но это ничего не меняет.
— Разумеется.
— Не исключено также, что кто-то мог пробраться в дом с улицы.
— Бродяга, например?
— А почему бы и нет?
— Вы хотите сказать, что кто-то дождался такого момента, когда дом был полон людей, влез через окно на второй этаж и высыпал яд в стакан? Эта деталь, кстати говоря, тоже имеет значение. Ведь яд подсыпали не в бутылку со снотворным, где его и следов не обнаружили, а прямо в стакан.
— Да, вы сами видите, как тут все не вяжется.
— А Роза все-таки умерла.
— В таком случае, что вы сами об этом думаете, господин Мегрэ? Скажите мне ваше мнение, как мужчина мужчине. Разумеется, обещаю вам, не стану предпринимать ничего, что могло бы помешать вашему следствию. Кто это сделал?
— Не знаю.
— То есть как?
— Пока еще не знаю.
— Но...
— Мы это узнаем, когда я смогу ответить на два главных вопроса.
— У вас есть подозрения?
Теперь он чувствует себя неловко в кресле, пожевывает кончик потухшей сигары, от которой у него, должно быть, горчит во рту. Может, как это бывало и с Мегрэ, он все цепляется за свои иллюзии, за то представление о мире, которое ему только что разрушили. Почти трогательно видеть его взволнованным, взбудораженным, следящим за малейшими оттенками выражения лица комиссара.
— Произошло убийство,— сказал Мегрэ.
— Это как будто бесспорно.
— Без причин не убивают. Особенно ядом, что несовместимо с порывом гнева или страсти. За время моей службы я не встречал ни одного отравления, которое не было бы связано с денежными интересами.
— Но какие же интересы могли здесь быть, черт возьми?
Он в конце концов не сдержался.
— Я их не раскрыл.
— Все, чем владеет моя мачеха, принадлежит только ей, без права наследования. За исключением кое-какой мебели и безделушек.
— Мне это известно.
— Я не нуждаюсь в деньгах, особенно сейчас. И Арлетта тоже. Тео деньги не интересуют.
— Мне уже не раз говорили все это.
— И что ж?
— Ничего. Я только начал следствие, господин Бессон. Вы пригласили меня, и я приехал. Валентина тоже просила меня заняться этим делом.
— Она вам писала?
— Не писала и не звонила по телефону. Она сама приехала ко мне в Париж.
— Я знал, что она была в Париже, но думал, что она ездила навестить дочь.
— Она явилась в сыскную полицию и была в моем кабинете, когда мне передали распоряжение министра.
— Забавно.
— Почему?
— Потому что я не сомневался, что она знает вас.
— Мне она сказала, что по газетам следила за моими расследованиями и собирала даже некоторые вырезки. Что вам в этом не нравится? — спросил Мегрэ, видя, что Шарля передернуло.
— Да нет, ничего.
— Вы предпочитаете не отвечать на этот вопрос?
— Ничего особенного, уверяю вас. Только я ни разу не видел, чтобы моя мачеха читала газету. Она их и не выписывает и всегда отказывалась от радио и даже от телефона. Ей глубоко безразлично все, что происходит в мире.
— Вот видите, как иногда делаются открытия.
— О чем же это открытие говорит?
— Узнаем позже. Возможно, ни о чем. Вы что-нибудь выпьете?
— Тео все еще в Этрета?
— Да, я встретил его вчера вечером.
— В таком случае имеем шанс застать его в баре. Вы говорили с ним?
— Не было случая.
— Я вас познакомлю.
Видно было, что Шарль чем-то озабочен. На этот раз он просто откусил конец новой сигары и прикурил кое-как.
Ребята играли в море большим красным мячом.

Продолжение следует.

Кристель Шульце.

КОНКУРС-ПУТЕШЕСТВЕННИК

Итак, взяв старт в Москве, Международный конкурс современной эстрадной песни отправился в дальнейший путь. Путь этот проходит по шести странам — СССР, Польша, ГДР, Чехословакия, Венгрия, Болгария. В каждой стране певцы должны исполнить песню своего народа и того, в гостях у которого находятся.

Москвичи уже познакомились с молодыми талантливыми певцами, отдали им свои симпатии и первые лавры. Симпатии — всем двенадцати участникам, лавры — только двум, которых жюри под председательством композитора Вано Мурадели признало лучшими исполнителями советской эстрадной песни.

Вот они, победители, — Кристель Шульце из ГДР и Янош Коош из Венгрии.

У остальных победа впереди.

Конкурс взял курс на Варшаву.

Фото Е. Умнова.

Янош Коош.

КРОССВОРД

По горизонтали:

4. Курорт в Литве. 7. Пятиглавая гора на Северном Кавказе. 8. Сочетание нескольких звуков различной высоты. 10. Французский естествоиспытатель. 12. Беспалубное судно. 13. Занавеси со складками. 15. Река в Югославии. 18. Грузинский струнный инструмент. 19. Немецкий писатель, философ и критик. 20. Птица отряда куликов. 21. Виноградный сахар. 23. Столица европейского государства. 25. Автор балета «Жизель». 27. Пушной зверь. 30. Созвездие южного полушария неба. 31. Медицинское учреждение. 32. Южное плодовое дерево. 33. Советский физик. 34. Прием сигналов на промежуточном пункте линии связи.

По вертикали:

1. Приток Амура. 2. Химическое соединение. 3. Ископаемая смола хвойных растений. 5. Победитель в спортивном состязании. 6. Литературный кружок в Петербурге, в котором участвовал А. С. Пушкин. 9. Наука о ледниках. 11. Город в Туркмении. 14. Государство в Азии. 15. Часть колеса. 16. Персонаж драмы М. Ю. Лермонтова «Маскарад». 17. Хлопчатобумажная ткань. 22. Амфитеатр в Риме. 24. Специалист по вождению морских и воздушных кораблей. 26. Полудрагоценный камень. 28. Изображение фигуры или предмета в перспективе. 29. Порт в Перу.

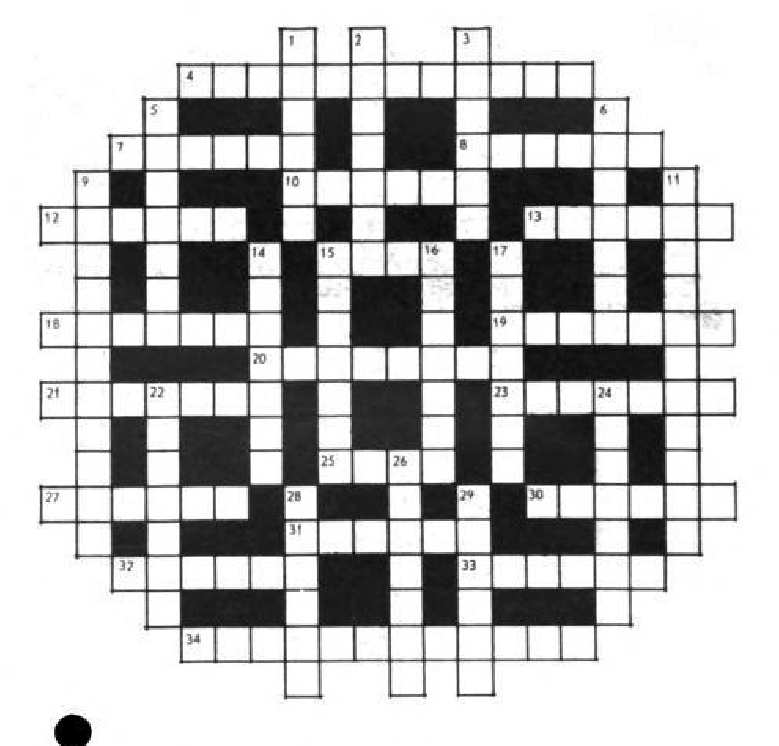
ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 46

По горизонтали:

3. Мотобол. 4. Реформа. 8. Лобачевский. 13. Шапито. 16. «Юбилей». 17. Хемингуэй. 18. Пироп. 19. Шифон. 20. Лирохвост. 23. Жавари. 24. Ранжир. 25. Каварадосси. 28. Раствор. 29. «Кирилка».

По вертикали:

1. Модена. 2. «Космос». 5. Онегин. 6. Горох. 7. Гилюй. 9. Радикал. 10. Лимонад. 11. Гигиена. 12. Мезолит. 14. Смерч. 15. Купол. 20. Ливан. 21. Хобарт. 22. Трест. 26. Арахис. 27. Ороско.

На первой странице обложки: Москва. Красная площадь. Ракетные части Советской Армии на параде.

Фото Л. Бородулина.

На последней странице обложки: Ракета уходит на цель.

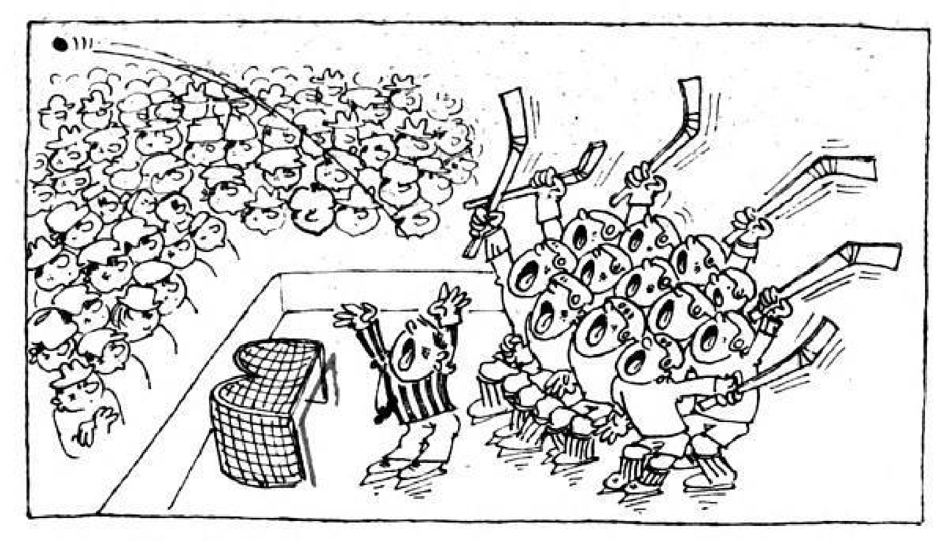
Фото Г. Макарова.

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ.
Редакционная коллегия: И. В. ДОЛГОПОЛОВ (главный художник), Б. В. ИВАНОВ (заместитель главного редактора), Н. Н. КРУЖКОВ, Л. М. ЛЕРОВ, В. Д. НИКОЛАЕВ (ответственный секретарь), И. Ф. СТАДНЮК (заместитель главного редактора), Л. Л. СТЕПАНОВ, Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

Адрес редакции: Москва, А-15, Бумажный проезд, 14. Рукописи не возвращаются. Оформление Е. КАЗАКОВА.

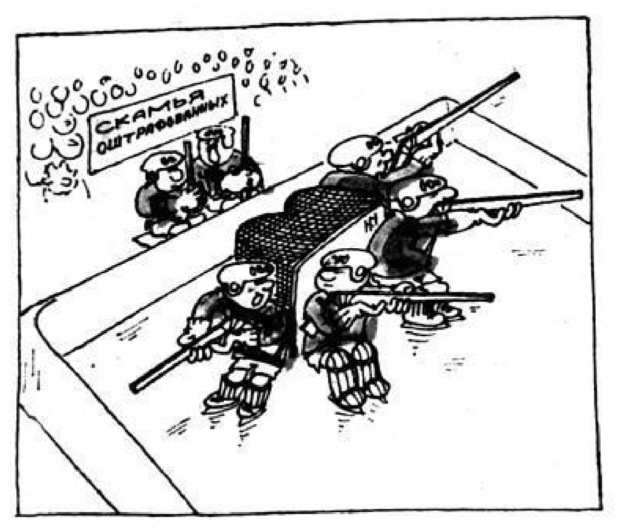

— Человек за бортом!!!

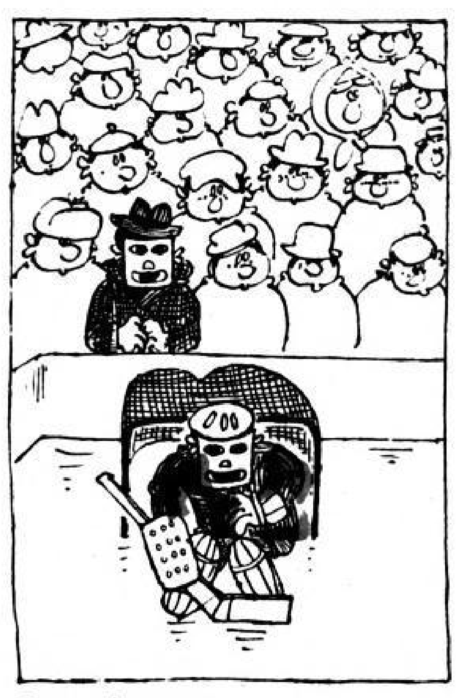
— Шай-бу! Шай-бу!

Рисунки В. Тильмана.

— Как думаешь, продержимся, пока наши подойдут!

Опытный зритель.

— На этот раз, ребята, мы должны во что бы то ни стало реализовать численное преимущество.

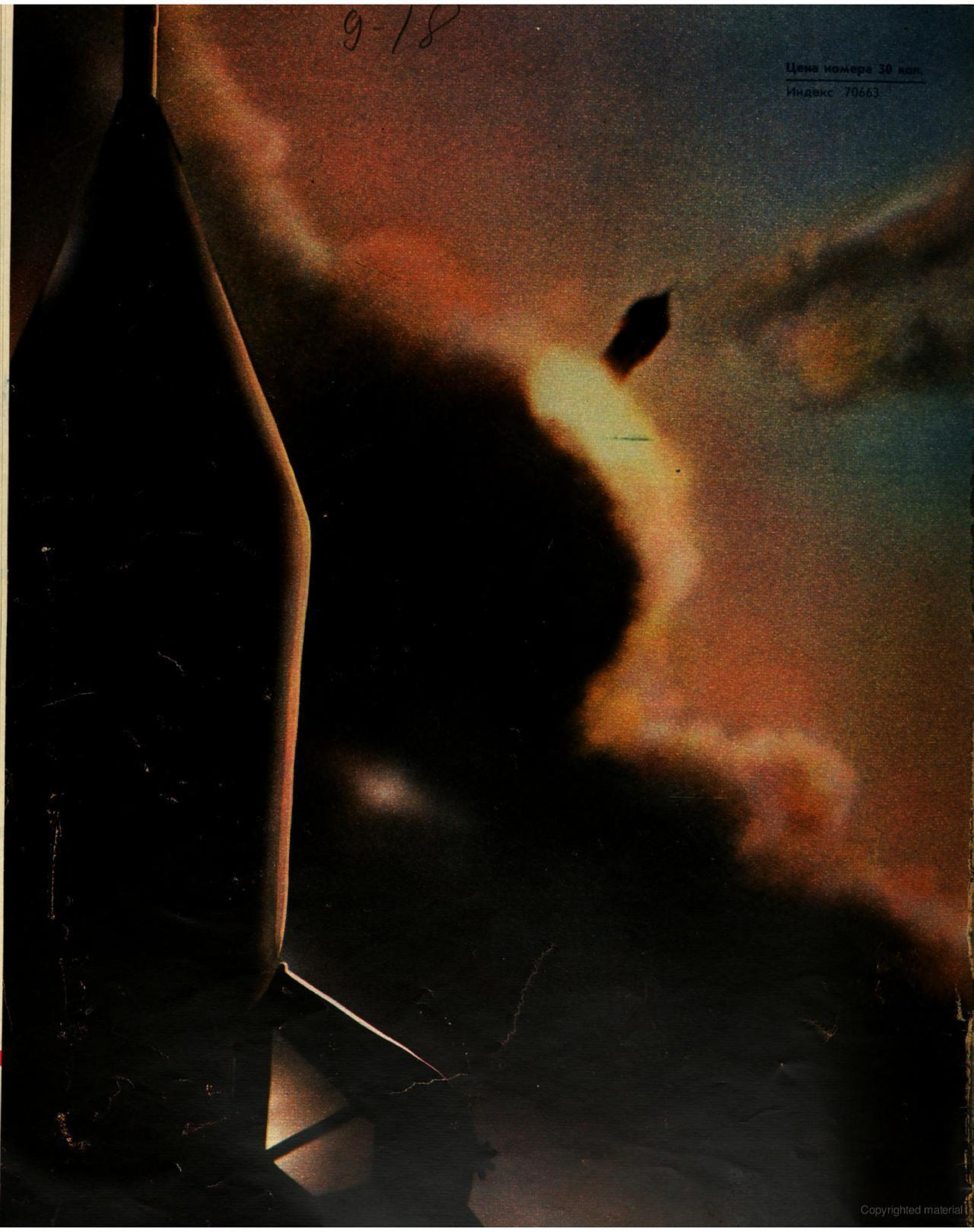

— Может, хватит поздравлять автора гола! Контратака началась!!!

Телефоны отделов редакции: Секретариата — Д 3-38-61; Отделы: Внутренней жизни — Д 3-37-61; Международный — Д 3-38-63; Искусств — Д 0-46-98; Литературы — Д 3-31-10; Информации — Д 3-32-45; Библиографии — Д 3-38-26; Науки и техники — Д 0-14-70; Юмора — Д 3-32-13; Спорта — Д 3-32-67; Фото — Д 3-39-04; Оформления — Д 3-38-36; Писем — Д 3-36-28; Литературных приложений — Д 3-30-39.

А 10760. Подписано к печати 16/XI 1966 г. Формат бум. 70 × 108¹/₈. 2,5 бум. л. Печ. л. 5,0. Усл. печ. л. 7,0. Тираж 1 990 000. Изд. № 1936. Заказ № 3033.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. Москва, А-47. ул. «Правды», 24.

Цена номера 30 коп.
Индекс 70663